СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ ЧЕЧЕНСКОЙ РЕСПУБЛИКИ

ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Грозный
2022

УДК С2(чеч)
ББК 84(2Рос=Чеч)6-44
А 85

Горсть родной земли. – Грозный: АО «ИПК «Грозненский рабочий», 2022. – 256 с.

В новую книгу народного писателя Чеченской Республики Мусы Арсанукаева вошли рассказы, повесть, путевые очерки и киносценарий, написанные в последние годы. В повести «В пороховом дыму», в рассказах «Байсангур Беноевский» и «Шейх Мансур» автор обращается к исторической теме. Как известно, на тему кавказских войн написано немало художественных и научных материалов. Думается, во множестве этих работ свое достойное место займут и произведения М. Арсанукаева, в которых автор выражает не только свое художественное видение далеких исторических событий, но и свое отношение к ним.

С уверенностью можно сказать, читателю будут интересны и путевые очерки автора. В них писатель поделился своими впечатлениями и наблюдениями в поездках в Африку и Канаду.

ISBN 978-5-907484-85-6

© Союз писателей ЧР, 2022
© Оформление. ИП Тагиев Р.Х., 2022

ДОРОГУ ОСИЛИТ ИДУЩИЙ

Он пришел в чеченскую литературу зрелым человеком, имея за плечами солидный багаж жизненного опыта, знаний и впечатлений от увиденного и познанного.

Муса Арсанукаев родился в городе Лениногорске Казахской ССР 14 августа 1952 года. Детские годы будущего писателя прошли в Казахстане и Киргизии. Он вспоминает о том времени: «Я помню, как в раннем детстве я все время слышал в разговоре взрослых: “Мы уедем в Даймохк, в Нохчийчу”. Я тогда не знал, что значит “Даймохк”, “Нохчийчоь”, но мои близкие с такой теплотой и надеждой произносили эти слова, что я тоже захотел увидеть этот загадочный Даймохк, понять и полюбить его. С ним, как мне казалось, будет связана наша счастливая жизнь, и этот край – наша настоящая Родина». Так оно и случилось. Осенью 1958 года наша семья вернулась в Чечню после тяжелых и долгих четырнадцати лет разлуки с родным краем. Взрослые сразу же взялись за строительство дома. Наш старый дом, который построил мой дед, был разрушен, и от него остался большой холм на каменном фундаменте. Начали осенью и продолжили строительство весной 1959 года. А в конце лета мы вселились в свой дом. И для нас на всем огромном свете не было более красивого и родного дома, чем наш скромный маленький домик. Мы были у себя на Родине, в своем родном селе, и никто не называл нас спецпереселенцами и врагами народа. Вот,

что значит “родной край, своя земля”. Вот такие яркие впечатления у меня остались от детства, от первых лет на Родине отцов».

Муса часто вспоминает детские и юношеские годы, делится впечатлениями о событиях тех лет в своих произведениях. Писать он начал еще в студенческие годы, как и некоторые из его товарищей по учебе. Но начинающий автор никому не показывал свои ранние рассказы, стеснялся. Ему казалось, что это очень слабые в художественном отношении вещи и вряд ли стоит их кому-то показывать. Шли годы. Окончил филологический факультет ЧИГУ, изучал позже португальский и английский языки и, надо отметить, весьма успешно. Муса многие годы работал в школе, учил детей чеченскому и русскому языкам. Он писал не так часто, как хотелось бы, но все же не бросал творчество.

Первая его книга была посвящена детям, она вышла в 2016 году и называлась «Бераллин гIенаш» («Детские сны»). Книга состоит из рассказов и во многом автобиографична. В ней автор отобразил события далеких детских лет своего поколения, когда не было ни телефонов, ни компьютеров, ни даже телевизоров в семьях. Люди жили дружно, сплоченно и семья была главным, объединяющим звеном для всех ее членов.

Герои книги чисты и искренни в своих делах и помыслах. Их привлекает романтика, поиск приключений и желание невероятных открытий.

В одном рассказе, он называется «Одна ошибка», юный герой (сам автор) попадает в неприятную ситуацию. В поисках новых впечатлений он уезжает с друзьями в другое село, прицепившись к поручням пригородного поезда. За ним приходит бабушка, которая

проделывает пешком многокилометровый путь, чтобы найти внука. Внук найден, с ним все хорошо. Но мальчика мучают угрызения совести: из-за него бабушка проделала такой долгий путь в летнюю жару. Эта детская шалость, ошибка, как ее называет сам автор, оставила в его душе вину перед бабушкой на всю жизнь.

Детские рассказы Мусы Арсанукаева динамичны, содержательны, полны ярких впечатлений. Автор хорошо знает детскую психологию, характеры детей, он убедительно пишет об их поступках в той или иной ситуации.

Конечно, Мусе, как бывшему педагогу, были близки и понятны детские характеры, их поступки, взаимоотношения.

Вторая небольшая книга из трех рассказов «Аттойкх йекачохь» («Там, где кукует кукушка») Мусы вышла в 2018 году. Она тоже была написана для детей. В этих рассказах переданы детские впечатления самого автора от окружающей природы, от взаимоотношений с родными и близкими, от новых ярких открытий в жизни юного героя. Темой рассказа «Там, где кукует кукушка» можно назвать «Природа глазами ребенка». Юный герой с жадностью наблюдает за живой, яркой и столь разнообразной жизнью окружающей природы. Ему интересно все, что в ней происходит, он как бы проникается живым участием в ее жизни.

Третья книга писателя «Седарчийн йозанаш» («Звездные письмена») вышла в ноябре 2021 года. Она состоит из рассказов, одной повести, переводов, публицистики и пьесы. В ней автор раскрыл более масштабные и «взрослые» темы, чем в ранних произведениях. Один из рассказов новой книги Мусы Арсанукаева по-

священ герою чеченского народа, легендарному Байсангуру Беноевскому. Автор показал последний день из жизни героя, его казнь на виселице перед толпой, состоящей из откровенных негодяев, врагов и сочувствующих ему бедных горцев.

Байсангур, несмотря на свою физическую немощь, силен духом, он крепок и непоколебим. Перед лицом смерти он столь же решителен и стоек, каким был на поле боя и в самых сложных жизненных ситуациях. Он знает за что гибнет, за какие светлые идеалы отдает свою жизнь. Вера в свободу народа, стремление до конца, до последнего вздоха быть преданным делу, которому он посвятил свою жизнь, не покидает его до конца. Лишь предательский и подлый поступок жалкого горца из соседствующего народа, готового за небольшие деньги убрать стул, на котором Байсангур стоит, доставляет ему огорчение. Он в ярости кричит на это существо и готов разорвать его единственной рукой, как только тот приблизиться к нему. Трус не посмел подойти близко к отважному Байсангуру, он побоялся гнева этого калеки, его мощного и рычащего голоса, его невероятно сильного духа…

Было или нет это на самом деле так, неизвестно, есть разные версии на этот счет. Автор позволил себе такое видение ситуации, поскольку имел право на художественный вымысел, и кончина героя представлялась ему таким образом.

Историческая тема встречается и в других произведениях Мусы Арсанукаева, например, в повести «В пороховом дыму», в рассказе «Шейх Мансур». События недавних лет, происшедшие в период так называемой «Первой чеченской войны», описаны автором в расска-

зе «Сердце матери». Как писатель Муса очень бережно относится к историческому материалу, он скрупулезно собирает детали, факты, данные об исторических лицах и старается быть абсолютно достоверным в описании событий прошлых лет.

Писатель трудится в разных жанрах: он пишет рассказы, крупные прозаические произведения, пьесы, путевые заметки, очерки. Но он не ставит главной целью писать в разных жанрах, создавать разные формы и выразительные средства. Хотя это у него, на мой взгляд, получается довольно успешно. Материал М. Арсанукаева о поездке в африканскую страну Гвинея-Бисау (где он более года преподавал русский язык), опубликованный в журнале «Орга», наверное, первое произведение (или одно из первых), написанное на чеченском языке в жанре путевых заметок. И как написано! Писать так увлекательно, интересно, достигая читабельности, которая особенно важна для национальных литератур, мало кто способен. Муса в постоянном поиске. Для него, кажется, менее важна форма, чем содержание. Именно содержанию произведения уделяет он особе внимание и старается проявить себя как художник и донести до читателя истинное слово, его смысл и притягательную силу.

Ни у одного писателя все произведения не бывает одного уровня, и Муса не является исключением. Есть более удачные и менее удачные. Это в принципе нормально. Но характеризуя творчество Мусы Арсанукаева в целом, необходимо отметить, что он внес весомый вклад в развитие современной чеченской литературы и журналистики. Несмотря на то, что Муса в этом году отметил 70-летний юбилей, он находится в расцвете

творческих сил и принимает активное участие общественной и культурной жизни республики. Творческие и трудовые заслуги М. Арсанукаева отмечены правительственными и общественным наградами, в том числе присвоением в 2022 году почетного звания «Народный писатель Чеченской Республики».

В завершение хочу поздравить с 70-тием Мусу Арсанукаева – настоящего чеченского интеллигента, замечательного человека и писателя.

Пожелаем ему крепкого здоровья и новых творческих высот!

Шарип ЦУРУЕВ,
член Союза писателей РФ

Жителям Дади-Юрта, павшим,
героически защищая свое село, посвящаю

В ПОРОХОВОМ ДЫМУ
(повесть о Дади-Юрте)

Пролог

Коршун долго кружил в ясном осеннем небе, высматривая себе добычу на земле. Он на какое-то время зависал в одном месте, затем как бы нехотя переходил на другое и, раскинув широкие крылья, замирал в небесной синеве. С добычей ему явно не везло, за долгое время он так и не упал камнем на землю, чтобы схватить в свои острые лапы зазевавшегося петуха или даже маленького цыпленка. Куры, чувствуя беду, попрятались и не смели высунуть клюва из своих укрытий. Но коршун продолжал упорно кружить над селом в надежде на удачу.

– Ты посмотри на него, каков стервятник! Кружит и кружит над головой. Чего ты над селом завис? Разве мало в степи добычи? Уйди отсюда, мерзкая птица! – сказал в сердцах старый Айдамир, глядя в небо из-под ладони. Он разговаривал с птицей, как будто она могла его услышать.

Старик сидел под навесом на треногом стуле. Сегодня он встал на утренний намаз, а после него так и не ложился, томимый тревожными и смутными мыслями. Солнце давно уже под-

нялось над дальними горами, наступило утро, и кругом началась спокойная размеренная жизнь сельчан. Пастух еще на рассвете угнал стадо на дальнее пастбище, а отары овец ушли на северные холмы. Жизнь села текла в привычном русле. Уже был убран урожай с полей, расположенных за селом, кое-кто из тех, кто еще не успел, подвозил скирды кукурузных стеблей, снопы ячменя и ржи, тыкву, водруженную яркими горками на телеги. Люди понемногу готовились к долгой и суровой зиме.

– Али, это ты? Что это ты поднялся так рано? Поспал бы еще, – сказал Айдамир четырехлетнему внуку, который только что вышел на крыльцо и протирал ручонками слипающиеся после сна глаза.

– Дада, я не хочу спать, можно я побуду с тобой? – ответил малыш.

– Конечно, иди сюда, мой хороший.

Али подошел к деду, все еще протирая глаза. Дед обнял его и погладил по голове.

– Ты, наверное, проголодался? Кушать хочешь?

– Нет, я не голоден.

– Это как же так? Всю ночь спал и не проголодался? Сейчас скажу твоей маме, чтобы она тебя покормила. Кашу хочешь?

Малыш улыбнулся и кивнул. Неожиданно перед ними на траву упала маленькая птичка. Она совершенно выбилась из сил и отчаянно махала крыльями, но не могла взлететь. В это время над двором низко пролетел коршун, сделав круг, он взмыл вверх.

– Вот стервятник! Это он на эту бедную пичужку охотился. Али, иди, возьми птичку.

Мальчик подошел к птице и взял ее в руки. Та встрепенулась несколько раз в маленьких ручонках малыша и успокоилась, словно почувствовала, что ей ничего не угрожает.

– Дада, а почему она так сильно дрожит?

– Ей было очень страшно, она еле успела уйти от злого коршуна и еще не пришла в себя.

– Дада, а коршун хотел ее съесть?

– Да, малыш, он пытался ее поймать и съесть.

– И птичка умерла бы?

– Да, ее не стало бы.

– А мы тоже ... умрем?

– Да ... но тебе не надо об этом думать, мой хороший. Ты будешь жить долго и счастливо.

1

День клонился к закату, солнце коснулось дальнего горизонта и стало медленно сползать за его линию. Еще один день в жизни села Дади-Юрт подходил к концу. День как день, ничем особенным он не отличался от других дней начала осени в этих краях. Кому-то он принес радость, кому-то огорчение. Село погружалось в сумерки. Где-то мычали коровы, еще недоенные нерасторопными хозяйками, лаяли собаки, устраивалась на ночлег домашняя птица, для которой уже наступило время покоя, по селу и его окраинам в поисках запоздавшей домой скотины, выкрикивая клички своих бестолковых пеструшек, бегали мальчишки, в сердцах проклиная этих глупых и ненасытных созданий.

Село Дади-Юрт было основано выходцем из села Цонтарой – Дади. Он первый осел вместе с братьями и близкими родственниками на этом благодатном месте на берегу Терека. Земля здесь была плодородная, давала хорошие урожаи, пастбища были с обильной и сочной травой, где скот мог пастись до поздней осени. Сельчане построили добротные дома, посадили сады, провели по селу канавы с водой, проложили хорошие дороги. Село разрослось, стало большим, в нем было уже более двухсот домов или, как в те времена говорили, «дымов». Жили дружно, строго соблюдая дедовские обычаи, чтя старших, воспитывая молодежь в строгих правилах чеченских адатов, оберегая женщин и детей. Село считалось зажиточным, люди в нем жили в достатке, имели много крупного и мелкого скота, лошадей. Дружно помогали соседям строиться, убирать урожай, заготавливать дрова на зиму. Молодые люди старались жениться на девушках своего села, чтобы укрепить родство и стать семьями ближе друг другу. Каждый мужчина, да и юноша, вступающий во взрослую жизнь, считал своим долгом завести хорошего скакуна и оружие. А оружие для чеченца, как, впрочем, и для всех кавказцев, считалось предметом особой гордости, оно было необходимо для защиты чести и достоинства горца и всего, что касалось его семьи, села и родины.

Так люди жили во всех селах Чечни испокон веков, жили по своим непреложным законам – адатам, идущим из глубин веков, а также по

Шариату, который они считали главнее всех остальных правил и законов.

А сегодня во дворе основателя этого села, уважаемого всеми Дади весело играла гармошка и слышались громкие восклицания, которыми молодые люди подбадривали танцующих. Это молодежь после того, как она помогла хозяевам вылущить большую кучу белой и крупной кукурузы, устроила вечеринку. Девушки сидели на лавках и стульях, напротив них устроились парни, а юные ребята, как это положено у чеченцев, соблюдая обычай, стояли позади них. Вечеринка была в разгаре, юноши и девушки обменивались взглядами, делая тайные, незаметные окружающим знаки, которыми выражали свои чувства друг к другу. Молодой человек, поймав взгляд красавицы, к которой он был не равнодушен, прикасался рукой к сердцу и кивал в сторону девушки. Этот жест означал: «ты в моем сердце», на что юная красавица отрицательно качала головой: «не верю», мол. Тогда молодой человек жестами пытался ее убедить, что это правда. В конце концов девушка осторожно кивала в знак согласия: «хорошо, так и быть, поверю тебе», вызывая своим жестом бурю восторга в юноше, которому и так трудно было сдержать свой бурный темперамент.

– Пусть Мюстарг станцует с Зазой, – сказала дочь хозяев прекрасная Альбика, которая на правах хозяйки руководила девушками на вечеринке. Всем это предложение понравилось, поскольку все село знало, что скоро должна со-

стояться свадьба Мюстарга и Зазы. Мюстарг не заставил себя упрашивать и вышел в круг. Стройный, высокий, с широкими и сильными плечами он был одним из самых красивых и достойных молодых людей в селе. Редко кто мог сравниться с ним в отваге и умении вести себя, в знании и соблюдении чеченского этикета и обычаев. «Хорошего парня выбрала себе Заза, самого лучшего в селе», – говорили меж собой девушки, с завистью смотря на эту пару, когда они встречались у родника, куда девушки приходили за водой.

Заза медленно вошла в круг и, раскинув изящные и легкие руки, поплыла в танце. Она была очаровательна в своем светлом платье, подчеркивающем ее статную и стройную фигуру. Мюстарг пошел рядом, вскинув за ее головой правую руку и медленно скользя по траве легким пружинистым шагом. Это была самая красивая пара не только на этой вечеринке, не только в этом большом и дружном селе, но и во всех близлежащих аулах. Ими любовались все: молодежь и те, кто постарше, которые наблюдали за танцующими со стороны, и вездесущая детвора, которая плотным кольцом окружила молодых и ревниво следила за ними, ведь среди них были их братья и сестры, и ребятам так хотелось, чтобы их близкие были самыми лучшими и красивыми на этой вечеринке.

Сделав в танце еще один большой круг, Заза быстро развернулась вокруг себя, когда Мюстарг подвел ее к своим друзьям, которые беше-

но хлопали, не жалея рук. В развороте длинные косы девушки взметнулись вверх, как крылья большой птицы, вызвав бурю восторга у тех, кто с любовью смотрел на эту пару. Заза плавно остановилась около девушек, киванием головы поблагодарив Мюстарга за танец. Она прикрыла скромным и изящным движением нижнюю часть лица краем шифона, края которого спадали с ее плеч, и взглянула на юношу взглядом, полным нежности, внимания и благодарности. На секунду задержавшись около девушки, Мюстарг продолжил свой танец, успев поймать взгляд Зазы, и в ответ так же выразить ей свою любовь и нежность. Он плавно подошел к друзьям и, сделав несколько резких танцевальных движений, вышел из круга.

Молодежь веселилась допоздна, никто из них не хотел расходиться, веселье продолжалось до сумерек. Но вскоре пришедшие за дочерьми мамы, тети, снохи стали потихоньку забирать своих красавиц домой, и веселье пошло на убыль. Альбика и ее мать, стоя у ворот, благодарили всех, кто принял участие в помощи по очистке кукурузы. Последние гости, попрощавшись, ушли, и мать с дочерью пошли отдыхать.

– Был бы жив отец, как бы он радовался сегодня: столько людей пришло нам помочь, – сказала старая Неби, обнимая дочь.

– Да, отец очень любил односельчан... – согласилась Альбика. – Жаль, что он не дожил до наших дней, а ведь был еще не старый.

Мать и дочь зашли в дом, решив оставшие дела доделать завтра с утра.

2

Стоял сентябрь 1819 года, когда в крепости Грозной в ставке генерала Ермолова, назначенного царем Александром Первым главнокомандующим Кавказской армией три года назад, собрался военный совет. Присутствовали генералы, штабные офицеры, командиры воинских подразделений.

Вскинув крупный подбородок на мясистом лице, Ермолов начал речь, привлекая внимание собравшихся хрипловатым голосом:

– Господа, я пригласил вас на совет, чтобы обсудить положение дел с местным населением, разобраться в этом и принять надлежащие меры. Нам в ставке стало известно о новых нападениях туземцев на наши обозы и дозоры. Вынужден признать, что мы не должным образом отвечаем на дерзкие вылазки горцев. Особенно нам досаждают чеченцы с верховьев рек Сунжы и Аргуна. Но и местные, притеречные их сородичи, коих ошибочно принято считать мирными, проявляют неповиновение и в отдельных случаях совершают вероломные нападения на наши военные склады, дозоры и казачьи станицы. Подобное терпеть далее невозможно! В связи с изложенным приказываю провести ряд карательных мер в отношении туземцев, не откладывая сие в долгий ящик. Прошу высказаться по этому поводу. Василий Алексеевич, что Вы думаете об этом?

Он обратился к генерал-майору Сысоеву, опытному военачальнику, герою Отечественной войны 1812 года.

– Полностью с Вами согласен, Ваше Превосходительство! Давно назрела пора наказать туземцев оружием, это крайне необходимая мера для их усмирения, и, я уверен, она принесет нужный результат, – поддержал Ермолова Сысоев.

– Вот именно – наказать оружием! И в связи с этим у меня сложился конкретный план. Давайте подойдем к карте, я поясню, – Ермолов пригласил собравшихся к висевшей на стене большой военно-стратегической карте. – Господа, возможно, некоторые из вас слышали об ауле Дади-Юрт. Там, как известно, живут самые отъявленные разбойники, которые хитро прячут следы своих преступлений в воду. Не так давно они похитили пять лучших лошадей одного из наших полков на Кавказкой линии. Это же какая наглость! Средь бела дня из-под носа увести коней воинского подразделения! Так вот-с, господа, суть моего плана в окружении и уничтожении сего аула. Для исполнения намеченной акции предлагаю выступить не позднее трех дней. Командующим карательной операцией назначаю генерал-майора Сысоева Василия Алексеевича.

Офицеры высказались по поводу ситуации на Кавказской линии, и о злодеяниях чеченцев, которые с каждым днем усиливают свой натиск на позиции русской армии. Все согласились с

планом Ермолова и назначением генерала Сысоева.

Затем, отпустив собравшихся на совет, Ермолов задержал генерала Сысоева и назначенного его заместителем полковника Бековича-Черкасского для обсуждения деталей плана.

– Василий Алексеевич, я не ограничиваю Вас в живой силе и в пушках. Возьмите столько, сколько посчитаете нужным. Даю Вам в помощники Ефима Александровича Бековича-Черкасского, как знатока местных жителей. Он хорошо знает их обычаи, нравы. Да, вот еще, возьмите переводчиков, знающих их язык, авось пригодятся.

Помните, господа, аул должен быть подвергнут огню и разрушению. Если туземцы окажут сопротивление, никого не щадить, ни единой души. Пусть их наказание будет в назидание остальным. Горцы должны испытать на своей шкуре силу русского оружия. Мы пришли на Кавказ навсегда, это наша земля, и туземцы должны с этим смириться, а всех, кто выйдет против нас с оружием, уничтожать без всякой жалости!

3

Мюстарг с другом Наа возвращался с вечеринки домой. Он успел сделать знак Зазе, что завтра будет ее ждать у родника. Девушка улыбнулась, показав белоснежные зубы, и кивнула в ответ. Сейчас юноша шел и думал о любимой, о том, что она скоро станет его женой, что их

ждет огромное, неизмеримое счастье, от которого дух захватывает. Наа говорил о чем-то, но Мюстарг слушал его вполуха, занятый мыслями о своем будущем.

– Друг, ты, кажется меня не слушаешь? А-а, догадываюсь, где твои мысли! Где-то рядом с Зазой? Отгадал?

– Почти. Но я тебя слушал, ты говорил о кремневом ружье, которое тебе подарил дядя, брат твоей матери.

– Да, точно я говорил о ружье, дядином подарке, но я был уверен, что ты меня не слушаешь...

Крик с Терека прервал его речь:

– Эй, дадиюртовцы, завтра нападут на вас, уходите из села! Ваши дома будут разрушены! Войска стоят недалеко от вас, – кричал кто-то со стороны реки на чеченском языке.

– Ты слышишь? Кто-то кричит, – прислушался Наа.

– Да, слышу... по-моему, я даже узнал этот голос. Мне кажется, это Тихон, наш кунак, кричит, – отозвался Мюстарг.

– Слушай, он говорит, что наше село будет разрушено, что войска за селом!

– Да, но это надо проверить! Давай сходим на окраину села и посмотрим, что там творится.

– Баркалла, друг! Мы услышали тебя! – крикнул в ответ Мюстарг. Он не стал называть имени казака, пришедшего их предупредить. Это могло навредить человеку, который, рискуя

жизнью, приплыл через Терек на лодке, чтобы предупредить кунаков из Дади-Юрта о готовящемся нападении на село.

Друзья решили осмотреть окрестности села, чтобы проверить, где находятся войска. Выйдя в поле, они заметили вдали костры, вокруг которых было много солдат. Их было очень много. Слышалось ржание лошадей, голоса, шум передвигаемых телег...

– Все, что сказал Тихон, правда, – сказал Мюстарг, – они собираются напасть на село. Надо поспешить сообщить об этом односельчанам!

Молодые люди быстро вернулись в село и сообщили о том, что услышали и увидели. Весть мгновенно разошлась по домам, и вскоре все – и стар и млад – высыпали на улицу. Село гудело, как пчелиный улей, у многих руках горели факелы, чтобы осветить дорогу и людей, которые собирались к центру села, к мечети.

– Русские войска рядом с селом! Вы слышали, люди? Что им надо от нас?

– Уж поверь, ничего хорошего от них ждать не придется!

– Они пойдут штурмом на нас, такое много раз бывало...

– Надо решить, что будем делать, время идет.

– Пусть старейшины скажут, что будем делать. Мы согласны с любым их решением.

– Да, да, пусть старейшины решат как быть.

А старейшины уже собрались в доме имама села старого и мудрого Берса-Хаджи, чтобы

обсудить сложившуюся ситуацию. Здесь были самые уважаемые главы всех родов Дади-Юрта. Все сидели молча, понимая, что от их решения во многом зависит судьба села и жизнь каждого его обитателя.

– Берса-Хаджи, ты уже слышал, наверное, что происходит рядом с нашим селом? Мы находимся в окружении. Скажи, как нам быть, что делать? – обратился к мудрецу уважаемый в селе Ибрагим-Хаджи.

– Ибрагим-Хаджи, я знаю, что сейчас происходит вокруг нас, мне об этом недавно сообщили молодые люди Бахадин Мюстарг и Расулан Наа. Русские пришли, чтобы разорить село и уничтожить нас. Но мы не вправе решать за других, ибо жизнь каждого дана Аллахом, и только Он может ею распоряжаться. Пусть каждый решит для себя: остаться и защищать село или уйти, чтобы спасти свою жизнь. А вот женщин и детей нужно отправить из села – пока есть время.

– Ты прав, Берса-Хаджи, мы должны спросить у людей, что они будут делать и что выберут для себя.

Старики вышли к людям. Перед домом Берса-Хаджи собралась большая толпа, в свете факелов видны были суровые лица мужчин, готовых сражаться с врагом. Многие были вооружены кремневыми ружьями и пистолетами. Люди были возбуждены, слышались выкрики, призывы немедленно выступить против русских. Увидев стариков, все замолчали в ожидании их решения.

– Односельчане, – обратился к ним имам, – вы знаете, что нас окружил враг, который никого не пощадит, если пойдет с огнем и мечом на село. Вы слышали о них, и многие из вас видели их жестокость и коварство... Для нас сегодня настал тяжелый час, мы должны решить, как нам быть. Я не имею права перед Аллахом решать за вас, потому что вашими жизнями может распоряжаться только Он, наш Создатель. Поступайте так, как велит ваше сердце: уйти или остаться. Помните: о том, что нас ждет знает лишь один Всемогущий Аллах. Я не осуждаю тех, кто захочет уйти, чтобы спасти свою жизнь и жизни своих близких. Это их право... Лучше, если они это сделают сегодня же, пока есть время. Но для себя я решил: я останусь в селе, чтобы защищать его, насколько у меня хватит сил. Завтра на рассвете после утреннего намаза всех, кто останется на защиту Дади-Юрта, прошу собраться на площади перед мечетью – нам нужно принять газават. Руководить защитой села мы решили поручить Махме, как наиболее опытному из нас в военном деле... А теперь расходитесь, идите отдыхать, завтрашний день будет тяжелым...

Люди стали расходиться, никто не стал что-то говорить, доказывать, призывать к чему-то – все понимали серьезность ситуации, и слова здесь были лишними. Предстоял извечный выбор для чеченцев: свобода или смерть. Ради свободы и независимости сражались испокон веков их отцы, и сейчас настал их черед. Дадиюртов-

цам предстоял тяжелый день, для многих из них последний в их жизни на этой земле.

4

Махма был еще крепкий мужчина, который, несмотря на свои преклонные годы, был очень активным и деятельным. Он готов был и жизни своей не пожалеть, если от нее зависело чье-то здоровье и благополучие.

В молодые годы он участвовал в сражениях под руководством Шейха Мансура, был его активным сторонником. Махма многократно выступал в боях против русских, несколько раз был ранен и очень хорошо знал их военную тактику.

Ночью в его дворе собралось много молодых людей, для которых предстоящее завтра сражение было первым в их жизни. Поэтому Махма стал их учить военному делу, хотя времени было очень мало для этого. Многих юношей из села он и раньше учил, они прекрасно стреляли, хорошо владели холодным оружием в ближнем бою. Но они были не опытны, не обстреляны и могли совершить много ошибок в предстоящем бою. Некоторые из них были еще совсем юные, им не приходилось применять оружие и сражаться за свою жизнь. Но в их мужестве старый Махма не сомневался, он знал, что в них будет говорить горячая кровь их отцов. Трусов земля чеченская не терпела, они здесь просто не выживали. Быть трусом для чеченца означало быть живым мертвецом, с которым никто не

общался, и никто его не замечал, все равно как будто его и не было. Поэтому трусов, готовых сбежать, оставив родных и близких на произвол судьбы, среди мужчин села не было и быть не могло. Махма хорошо знал об этом, но он как никто другой также знал, какое тяжелое сражение им завтра предстоит. Чеченцам не было равных в рукопашном бою, но против пушек они были бессильны.

– Вот смотрите, как быстро и правильно нужно заряжать кремневое ружье, ну-ка посветите мне, – обратился Махма к молодым людям. Высоко подняв над головой факелы, двое-трое юношей приблизились к нему. Махма показал, как нужно заряжать ружье. – Вот, видите? Ничего сложного здесь нет, нужно все делать быстро и правильно. А теперь кто-нибудь из вас повторите то же самое, что я сделал.

Юноши умели заряжать оружие и многие из них неплохо стреляли, но из-за уважения к Махме они не стали говорить, что все это им знакомо. Затем старый воин учил их тактике боя, когда и как нужно стрелять в бою, как нужно прятаться от пушечного обстрела, что делать против нападения врага со штыком. Обучение затянулось допоздна.

– Идите, отдохните до утра, дозоры за селом я уже выставил. Если что, поднимем тревогу, тогда соберемся перед мечетью.

Все разошлись, поблагодарив Махму за ценный урок, от усвоения которого зависело многое в завтрашнем бою.

Мюстарг пришел домой поздно. Его, как наиболее опытного воина, Махма отправил выставить дозоры на окраине села. Мюстарг поставил на охрану села самых лучших и ответственных ребят, которые в случае внезапного нападения врага смогли бы не растеряться и поднять тревогу. Побыв допоздна с ними в дозоре, Мюстарг по их настоянию ушел домой. Мать не спала с тех пор, как услышала об окружении села, тревога за сына не покидала ее. Она знала, что сын будет в самом опасном месте и не пожалеет себя, своей жизни, чтобы защитить односельчан. Так он был воспитан – в самых строгих чеченских правилах. Отец не простил бы ему малейшей слабости, потому что и сам никогда не проявлял ее. Мать не ложилась и ждала сына, приготовив его любимую еду.

Осторожно войдя, чтобы не разбудить спящих, Мюстарг снял с себя оружие, черкеску, умылся и сел поесть, чтобы не обидеть мать, хотя он совсем не хотел кушать. Отец уже спал в своей комнате, как всегда, громко храпя. К его храпу в доме все уже привыкли и не представляли себе дом, его уют без отца и его привычек.

– Дага (так мать называла Мюстарга, своего единственного и горячо любимого сына, ласковым материнским именем. Она знала, что он не любит нежностей и поэтому старалась их не проявлять), иди ложись, отдохни. Да сбережет тебя и всех нас Всемогущий Аллах!

Поблагодарив мать за ужин, сын ушел к себе в комнату. Он крепко уснул, как только его го-

лова коснулась подушки. Мать пришла, села у его изголовья и стала гладить край подушки, боясь, что может его разбудить, если прикоснется к нему.

– Дага, сердце мое, как же я тебя сберегу от беды? Как я смогу уберечь тебя, единственного моего? Ведь ты наша с отцом надежда и опора… мы так хотели увидеть тебя женатого, хотели нянчить внуков… Мальчик мой, душа моя…

Она разразилась рыданиями, но спохватившись, вышла из комнаты, чтобы не разбудить сына.

5

На рассвете, после утреннего намаза, жители Дады-Юрта узнали, что их село окружено русскими войсками. К ним уже прислали парламентеров, которые предложили всем жителям покинуть село. Но дадиюртовцы сразу же заявили, что не покинут село в любом случае. Пришедшие на переговоры не стали их долго упрашивать, но заявили, что их ждет смерть, если сельчане немедленно не начнут покидать свои дома. Чеченцы вновь ответили отказом.

Все мужчины села – стар и млад – после намаза собрались перед мечетью. Стало известно, что ни один человек за ночь села не покинул, отказались уйти с детьми и женщины. Но имам Берса-Хаджи еще раз затронул эту тему, выступая этим утром перед односельчанами:

– Для нас наступило очень тревожное время, мы не знаем, что нас ждет сегодня. Если враги

пойдут на штурм села, будут жертвы... они никого не пощадят, поэтому я призываю женщин взять детей и уйти из села, пока еще есть время.

А все мужчины, готовые драться за мусульманскую веру, за свои семьи, честь, свободу и чеченскую землю, повторите за мной слова молитвы.

Он стал читать молитву, призывающую к Газавату. Все повторяли за ним ее слова.

– Отныне мы в Газавате, если нам суждено умереть сегодня, то мы будем в Раю, – сказал имам и призвал всех взять оружие в руки и занять свои места в обороне села.

Женщины отказались уйти из села. «Если суждено умереть, то умрем вместе», – таким был их ответ на слова имама.

Защитники села заняли круговую оборону, как их расставил Махма. Свободной была сторона, выходящая к Тереку, там войск не было. У чеченцев были кремневые ружья, достаточно пуль и пороха и сердца, готовые сражаться до конца. Против них стояли шесть рот Кабардинского полка регулярной русской армии, семьсот казаков и шесть пушек. И вся эта армия понадобилась генералу Сысоеву, чтобы взять мирное чеченское село с плохо вооруженными горцами, у которых даже кремневых ружей не было на всех. Вот такая расстановка сил!

Первый выстрел из пушки по селу оказался неожиданным. Сельчане не ожидали, что русские начнут так быстро. Ядро упало на середи-

ну улицы и разрушило два дома, стоящих рядом друг к другу.

– Берегись! Женщины, прячьтесь с детьми за стенами! – кричал старый Махма. – Же яма! Крепитесь, молодцы! Приготовить ружья! Зря не стрелять! Беречь заряды, они нам пригодятся, когда эти гяуры пойдут в атаку! – кричал он односельчанам.

Второе ядро оказалось более точным – оно попало в дом в центре села. Появились первые жертвы. Стали истошно кричать женщины и плакать дети – им было страшно. Ведь на войне страшно всем, если мужчины умеют побороть страх, то женщинам на это не хватает сил.

– Эй, кто там рядом? Успокойте женщин и детей! Молитесь! Призывайте на помощь Аллаха! Он наша надежда и опора! Помните: если погибнем, мы будем в Раю! – кричал Берса-Хаджи, оказавшийся недалеко от разрыва.

Вскоре посыпались еще ядра, принесшие новые жертвы и разрушения. На этот раз не было слышно истошных воплей и криков, только глухие рыдания и стоны раненых. Женщины пытались оказать помощь раненым, перевязать и занести их в дома.

Стреляли все шесть пушек русских, одна за другой, а иногда и залпом по две и три вместе. Огонь шел по домам, густо расположенным в этом красивейшем селе на правом берегу Терека. Под обстрелом пушек страдали дома и развесистые, густые сады сельчан, гордость их села.

Чеченцы не стреляли, из их ружей врагов нельзя было достать, а те пока стреляли из пу-

шек, готовясь к атаке. Неожиданно обстрел прекратился, наступила тишина. Только пороховой дым, стоящий над селом, еще не разошелся, его едкий и неприятный запах чувствовался повсюду.

Неожиданно с восточной стороны села, со стана врагов, где их было особенно много, на коне выехал всадник.

– Эй, чеченские собаки, кто хочет со мной сразиться на саблях? Есть среди вас настоящие джигиты? Выходи, кто смелый! – закричал широкобородый рыжий казак, вызывая на бой чеченцев.

Многие в Дади-Юрте понимали русский язык и неплохо говорили на нем, проживая рядом с терскими казаками и общаясь с ними. Поэтому несколько молодых людей сразу же схватились за оружие и стали притягивать к себе коней. Но вперед вышел Мюстарг и властно крикнул юношам:

– Назад! Остановитесь! Вы не знаете их повадок, они хитры и коварны. Драться буду я.

С ним спорить никто не стал, он был лучшим из них, и все об этом знали. Предстоял бой, в котором враги участвовали один на один. Удача в таком бою зависела от личного мужества, ловкости и опыта участника в подобных схватках. Мюстаргу приходилось принимать участие в подобных единоборствах, несмотря на свою молодость. Он был отважен, умен и силен, и как никто другой подходил для подобной схватки.

Юноша взял горскую шашку, два пистолета заткнул сзади за пояс и быстро выехал навстре-

чу казаку. Тот в ожидании стоял недалеко от своих. Увидев Мюстарга, он криво усмехнулся и бросился навстречу чеченцу. Казак мчался на быстроногом коне, выставив вперед руку со сверкающей в утренних лучах солнца саблей, уверенный в себе и непоколебимый. Мюстарг спокойно ехал ему навстречу, предугадывая заранее, какой удар нанесет ему противник. Подлетев к чеченцу, казак замахнулся от плеча своей саблей, но Мюстарг ловко подставил шашку и отбил его удар. Они стали кружится на конях нанося друг другу удары и отбиваясь. Неожиданно казак перехватил саблю в левую руку, пытаясь нанести врагу удар по незащищенной стороне. Но Мюстарг словно ожидал этот прием, он тоже перехватил почти одновременно с ним шашку в левую руку и отбил удар. Казак от неожиданности замер и в ту же секунду, перекинув шашку в правую руку, Мюстарг нанес ему сокрушительный удар, разрубив от плеча до пояса. Казак уронил саблю, в его глазах мелькнули ужас и удивление, он начал медленно падать с коня. Мюстарг, тяжело дыша, повернул коня и не спеша направился в сторону села. За их боем с огромным напряжением следили с обеих сторон, словно от его исхода зависело, кто одержит сегодня победу. Кучка казаков с криками кинулась к Мюстаргу, чтобы зарубить его. Юноша спокойно вытащил два пистолета и направил их к скачущим казакам. А в это время со стороны чеченцев уже мчались джигиты ему на помощь, впереди всех скакал Наа, погоняя

и без того несущегося во весь опор коня. Его друг был в смертельной опасности, и Наа мчался стремительно, как бешеный ветер, чтобы его спасти.

Мюстарг выстрелами из обоих пистолетов уложил первых двоих приблизившихся к нему казаков. Он вытащил шашку, готовясь отразить атаку следующего нападавшего, но в этот же миг налетевший Наа зарубил казака. Подоспели и другие односельчане, которые сходу врубились в толпу нападавших. Началась жестокая рубка. Не выдержав бешенного натиска чеченцев, казаки повернули коней. Только троим из них удалось уйти, остальные остались лежать на жухлой осенней траве в кровавых лужах собственной крови. Мюстарг и его друзья спокойно ускакали в село.

Увидев, как горцы расправились с хваленными казаками, генерал Сысоев наорал на их командира:

– И это твои герои-казаки? Чудо-богатыри? Позор! Кучка горцев-голодранцев разбила и обратила их в бегство! Прочь с моих глаз со своими казачками!

Командир казачьего полка поспешил уйти подальше от генерала, который в сердцах мог еще наговорить грубостей похлеще.

6

Заза совсем не ложилась спать в эту тревожную для их села ночь. Она переживала, думала о женихе: «Где он? Как он?». Она знала, что

Мюстарг в трудную минуту для односельчан не будет себя беречь и окажется в самом опасном месте. « Хоть бы он поберег себя хотя бы ради меня! Я не вынесу, если с ним что-то случится! Как бы ему передать, чтобы он был осторожен? – думала она, хотя прекрасно знала, что Мюстарг не проявить малодушия, не станет прятаться за чужие спины. – Он весь на виду, впереди, и самое трудное всегда берет на себя. Милый, береги себя ради нашего будущего!»

Она долго смотрела на свое свадебное платье, которое ей сшила очень хорошая портниха. Белое, из тонкого шелка, оно ей так шло. До свадьбы оставалось две недели, и тут эта беда – нападение на село.

«Со свадьбой придется повременить, не время сейчас... ведь неизвестно, что будет, чем все закончится, – она со слезами на глазах уложила свое свадебное платье в сундук и опустила тяжелую крышку. – Если судьба быть нам вместе, мы будем вместе. На все воля Аллаха, и я согласна на любое Его решение».

Рассвело, когда она, закончив дела в доме, вошла к матери. Та только что поднялась и готовилась к намазу. Заза принесла ей воды, приготовила тазик для омовения.

– Нана, что с нами будет? Мне так страшно за нас всех.

– Заза, девочка моя, когда ты была маленькой, ты очень боялась грозы. Где бы ни была, ты прибегала и прижималась ко мне, прося укрыть тебя. Сейчас предстоит гроза страшней. Может

будет самая страшная гроза в нашей жизни... Доченька, если бы я могла укрыть тебя, как тогда, когда ты была маленькой..., – мать обняла Зазу и горько заплакала.

Успокоив мать, Заза вышла во двор, нужно было подоить коров, накормить птицу, принести утренней свежей воды. В это время сельские петухи уже заканчивали свою громкую утреннюю перекличку, когда изо всех сил старались перекричать друг друга. День начинался как обычно: мирно и тихо, как будто вовсе и не было над селом смертельной опасности. Будто эта тихая, размеренная и благодатная жизнь никогда не изменится, и не придет на эту землю враг, чтобы уничтожить здесь все живое. Но он уже стоял у околицы, направив свои смертоносные орудия на дома и людей. Многие об этом не знали, как не знала и Заза. Дозорные заметили, как русские стали приближаться к селу. Они немедленно сообщили об этом Махме и его помощникам. Войска остановились на расстоянии пушечного выстрела и стали ждать рассвета, чтобы начать карательную операцию по уничтожению села.

В это время защитники села уже находились на своих боевых позициях, готовые биться с врагом насмерть. Они были плохо вооружены – в основном шашками и кинжалами и кремневыми ружьями. Да и что можно сделать с таким оружием, если враг бьет по тебе из пушек? Но главным оружием дадиюртовцев был их боевой непоколебимый дух, который нельзя было сломить никакими пушками и ружьями.

Заза шла с кувшином за водой, когда неожиданно из-за поворота на коне показался Мюстарг. Он решил встретиться с ней и поговорить напоследок, увидеть глаза любимой и поддержать ее в столь суровый для них час.

– Заза, хорошо, что я встретил тебя здесь. Нет времени для долгих разговоров, иди домой и посиди с матерью и отцом. Враг у нашего села, мы окружены. Помни, что бы не случилось, я буду рядом и найду тебя!

– Мюстарг, спасибо за добрые слова! Мы не знаем, что будет и что нам принесет сегодняшний день, но я буду тебя ждать несмотря ни на что... Иди, береги тебя Аллах!

Юноша развернул коня и, махнув на прощание рукой, скрылся за поворотом. Заза набрала воды из родника в конце улицы и быстро пошла домой. Как только она вступила во двор, раздался первый выстрел из пушки, на соседней улице разорвалось ядро и послышались крики и плач женщин.

В это время старый и не совсем здоровый отец Зазы Амар вышел из дома с ружьем и шашкой на боку.

– Дада, ты куда собрался? Ты болен, тебе лежать нужно, пойдем в дом, – кинулась она к нему.

– Сегодня я здоров, как никогда! Я должен быть там, где мои односельчане! Не проси, дочка, не удерживай меня, это ни к чему... Береги мать... Если на то будет воля Аллаха, увидимся. Я хочу тебе сказать, Заза, ты самая лучшая

дочь на свете, о которой может мечтать любой отец, – он поцеловал ее в голову и обнял, словно прощался навсегда. Крупные слезы текли из глаз дочери, она еле сдерживала рыдания, чтобы не расстроить отца. Он ушел, не оборачиваясь, чтобы дочь не видела набежавшую слезу из старых отцовских глаз.

«Два близких мне человека ушли сражаться с врагом. Ушли, чтобы защитить нас, женщин, детей и немощных стариков. Но чем же я могу помочь? Я не могу сидеть взаперти», – думала Заза, глядя вслед отцу, который, несмотря на свой преклонный возраст, довольно бодро направился на окраину села к тем, кто сегодня встал на защиту Дади-Юрта.

7

Обстрел села продолжался, нанося жителям все больше и больше вреда. Уже пострадало много домов, горели легкие сараи и загоны для скота, скирды кукурузы и сена, пожар полыхал и в некоторых домах. Жители старались его потушить, но не хватало ни рук, ни воды. Все село было в огне и в дыму. От едкого порохового дыма, который смешался с дымом от пожарищ задыхались люди и мечущаяся в страхе за свою жизнь скотина. По улицам бегали с блеянием десятки овец, металась домашняя птица, взлетая на воздух после каждого разрыва ядра. И в этом кровавом и горящем аду ежеминутно гибли и калечились люди: беззащитные дети, женщины, старики и те, кто с оружием встал на защиту села.

Вскоре четыре роты русских солдат пошли в атаку со штыками наперевес, с барабанным боем, шеренга за шеренгой. Они пошли с северной и восточной стороны села, а на юге ждал наступления казачий полк, который должен был выступить в последнюю очередь, чтобы окончательно сломить дух защитников села. Еще две роты пехоты Сысоев придержал в резерве, чтобы сохранить свежие силы на всякий случай. Командиры, бодро шагающие впереди солдат, выкрикивали команды, стараясь повести солдат стройными рядами, чтобы эти чеченские голодранцы, пытающиеся им противостоять, в страхе убежали от их мощи и натиска. Но здесь они явно просчитались, чеченцы не собирались убегать. Никто из них не сделал даже шагу назад. Как только враг приблизился на ружейный выстрел, на его голову посыпались мощные залпы. Стреляли чеченцы из кремневых ружей, заряженных крупными пулями, наносившими страшные раны, от которых практически никто не выживал. Это был тактический ход, придуманный Махмой. Он знал, что сердце любого солдата дрогнет, увидев какую ужасную рану нанесла горская пуля его товарищу, идущему рядом. И вряд ли он после увиденного будет спокоен и уверен в себе. А ружья чеченцев стреляли гораздо дальше русских штуцеров и имели нарезные стволы. Это было, пожалуй, единственное преимущество горцев в этом бою, хотя нет, главным преимуществом был боевой дух, святая вера в Аллаха и непоколебимая вера в свою правоту.

После боя с казаком Мюстарг стал самым настоящим лидером среди обороняющих село, к нему подходили молодые люди со словами одобрения, восхищения и пожимали руку. Мюстарг реагировал на это спокойно, как и следовало настоящему горцу, как будто все это касалось вовсе не его, а кого-то другого.

– Ничего особенного, любой из вас смог бы сделать то же самое, – отвечал он на слова одобрения своего поступка.

Его отец Бахадар тоже был среди защитников села. Рано утром, сняв со стены свое старое, видавшее виды, но хорошо очищенное и надежное ружье, он сказал: «Ну что, мой друг, послужим селу, покажем на что мы способны?» Несмотря на уговоры Мюстарга, Бахадар отправился на передовую. «Я еще не так стар, чтобы не удержать в руках ружье и шашку! Идем, нет времени на разговоры!» Жена не смела сказать ни слова против его решения, таков был удел женщины в доме горца. Она лишь сказала: «Храни вас Аллах!»

Бахадар видел поединок сына с казаком. Он лежал за укрытием, сжимая в руках старое ружье, готовый выстрелить во врага, если с сыном что-то случится. Вздох облегчения прошел по нему, когда он увидел, как Мюстарг и его друзья возвращались к ним, победив врагов в опасном сражении. «Хорошо, сын, хорошо, вот так их, гауров, надо уничтожать, – мысленно одобрил старик действие сына, хотя вслух об этом не сказал бы никому – не к лицу горцу хвалить сына.

А Мюстарг сейчас, лежа за каменным забором, высматривал в его отверстии цель в цепи наступающих солдат. Его выстрелы разили врагов наповал. Он быстро заряжал ружье и вновь готовился к выстрелу. Недалеко от него находился верный друг Наа, тоже меткими выстрелами укладывающий «гауров», как он их называл.

– Мюстарг, еще один гаур ушел на тот свет, видел?

– Да, видел. Это то самое ружье, что дядя подарил?

– Да, это его подарок. К месту пришелся, как раз сегодня, как никогда, а?

– Да, это верно, что к месту... Ну-ка, глянь на того разодетого офицера в высокой шапке, сейчас я его...

Мюстарг стреляет – офицер в шляпе падает навзничь.

– Ну что скажешь, Наа? Хороший выстрел?

– Да, и стреляешь ты хорошо, и на шашках дерешься отменно! Мюстарг, тебе бы армией командовать, хороший командир бы из тебя получился.

– Ну что же, хорошая мысль, я подумаю, как мы гауров прогоним...

В рядах наступающих возник хаос, когда из-за гибели многих солдат расстроились ровные шеренги, стали слышны ужасные вопли умирающих и крики о помощи. Уже погибло несколько командиров из низших и средних чинов, все смешалось, красивая и победоносная атака со-

рвалась, крики командиров не были слышны в общем хаосе. Солдаты, некоторые из которых были прославленными гренадерами, героями войны с французами 1812 года, залегли под пулями горцев, которых они вначале даже всерьез не воспринимали как противника. Они лежали, уткнувшись в стылую осеннюю землю, не имея возможности поднять голов из-за обрушивающегося на них меткого огня недооцененного врага. Огонь их ружей, который они предприняли вести вначале, не достигал противника, их выстрелы для дальнего боя были бесполезны.

Но тут на подмогу атакующим пришла артиллерия. Она вновь начала мощный обстрел села. Разрушения были сильные и потери в живой силе еще более значительные.

– Прячьтесь за укрытия! Ложитесь, когда летит ядро! – кричал иступленно старый Махма своим бойцам. – Берегите заряды, скоро русские пойдут в атаку! Привяжите лошадей, уложите их на землю!

Забыв о своем возрасте, он бегал, как юноша, между защитниками, отдавая приказы, посылая с приказами своих помощников к тем, кто находился на других сторонах села.

– Эй, молодежь, подносите чаны с наптом сюда к нам поближе, скоро нам понадобятся факелы, – отдал он еще одно распоряжение юношам, чтобы те поднесли чаны с нефтью, которую он намеревался использовать против врагов, поджигая факелы с ней. Это тоже был один из его приемов в бою против лютого врага.

Чеченцы использовали нефть для смазки колес своих арб. Они знали, что она хорошо горит, и сейчас нефть могла пригодиться.

Несмотря на сильный артиллерийский обстрел, сельчане оборонялись очень мужественно и активно. Враг был остановлен, четыре роты лежали на земле среди убитых и раненых, солдаты не смели подняться, потому что каждый, кто приподнимался, тут же падал сраженный пулей горцев. Напрасно офицеры пытались повести их в атаку, напрасно угрожали им расправой перед строем за трусость. Нет, ничего не действовало, никому не хотелось умирать от страшных ран, наносимыми чеченскими ружьями. Солдаты лежали, укрывая головы, многие шептали молитву: «Господи, спаси и помилуй раба твоего, ибо настал для него смертный час!»

В это время на крыше мечети стали раздаваться громкие звуки от ударов во что-то металлическое. Они разносились далеко по селу, призывая сельчан к бою, ободряя их и вселяя в них бодрость духа. Это был призыв, набат, который вдохновлял сердца обороняющихся и не давал им быть подавленными и сломленными! Звуки притягивали к себе внимание сельчан и уже не отпускали их, поднимали дух в этом кровавом и беспощадном сражении не на жизнь, а на смерть!

Девушка на крыше мечети била в большой медный поднос – шун. Частые и ритмичные звуки звонко разносились в осеннем легком воздухе. Заза, а это была она, решила таким образом

поднять дух односельчан, призвать их к борьбе за свободу, не склонить головы перед врагом. Это пришло ей в голову неожиданно. Схватив висевший на стене большой поднос, она выбежала из дома, крикнув матери: «Нана, я скоро вернусь!» Бедная старушка лежала без сил на топчане и не в силах была что-то ей сказать, она лишь с отчаянием в глазах посмотрела ей вслед...

Подняв шун над головой, Заза била рукой в его ровную и гладкую поверхность. Она поворачивалась в разные стороны, чтобы ее было слышно кругом.

Вездесущий Наа узнал, что на крыше мечети находится Заза, это она призывно стучит в поднос. Он сообщил об этом Мюстаргу, решив, что пусть друг узнает об этом от него, чем от кого-нибудь другого.

– Это Заза там, на крыше мечети...

– Да, я так и подумал, что это она... Спасибо, что сказал.

Мюстарг был рад за любимую, за ее смелость, которую она проявила в смертельный час, но его сердце сжималось от беспокойства за нее, хотелось, чтобы она ушла оттуда побыстрей и спряталась в далеком недоступном для врага месте. Наа посмотрел на побелевшее лицо друга и сказал:

– Хочешь, я пойду и скажу ей, чтобы она ушла с крыши?

– Не надо, она не уйдет... ведь ты ее знаешь – она упрямая.

– Да, это так, она не уйдет… Храни ее Аллах!

Бой продолжался. Русские предприняли еще одну попытку атаки, они придвинулись на некоторое расстояние к селу. Но вновь зазвучали громовые выстрелы из ружей обороняющихся, и наступление, как и раньше, сорвалось. Пушки молчали. Лишь редкие выстрелы оглашали окраину села.

8

Генерал Сысоев был вне себя от ярости за бестолковость своих подчиненных, он не понимал, как можно так опозориться в столь малом деле. И главное – в бою против кого?

– Против кого мы воюем? Против регулярной, хорошо обученной армии? Может, враг вооружен пушками и превосходит нас в числе? Мы не можем вот уже битых три часа справиться с горсткой чеченских разбойников! Это позор! Такого унижения я никогда не испытывал за всю свою жизнь! – вот такую его тираду выслушивали офицеры, стоящие рядом и молча ожидающие его приказов.

Генерал смотрел в подзорную трубу, высматривая позиции противника. В ней он видел горцев, которые из своих укрытий вели прицельный и меткий огонь по русским.

Нет, ничего особенного в их обороне он не заметил, лежат, укрывшись, стреляют, но стреляют канальи метко! Как только солдат поднимет голову, тут же падает сраженный. «Господи, ну

что это за напасть? Так, пора задействовать резерв или ... еще подождать?» В это время его внимание привлекли какие-то странные равномерные звуки, вылетающие из села, словно били во что-то звенящее, металлическое.

– Что это? Вы слышите? – обратился он к подчиненным.

– Да, Ваше Превосходительство... Это звуки от чего-то металлического, – сказал подскочивший к нему адъютант.

– Ну это я понял, что звук от металла. Но для чего? Призыв?

– Да, возможно-с, – согласился адъютант.

– Черт их побери этих дикарей! Не поймешь их повадок. Так, резерву передайте: готовиться к штурму по моему приказу! Казакам спешиться и идти в атаку со всеми!

Адъютант побежал исполнять приказ.

Генералу стало любопытно, кто же бьет в эту штуку, которая звенит на всю округу. Он поднес трубу к глазу и стал высматривать виновника этого переполоха. На крыше каменной сакли он заметил девушку, которая била в большой, сверкающий на солнце ярким пламенем поднос. «Ах, вон откуда эти звуки! Вот чертовка, куда забралась! – подумал он, разглядывая девушку на крыше дома. – А ведь она в них дух боевой поднимает, на бой зовет! Ах ты, чертова ведьма! Убить ее, мерзавку, немедленно!»

Генерал понял, насколько силен звон этого подноса, по которому бьет девушка, в нем сила, ибо он поднимает дух этих дикарей, поэтому

они не сдаются, не отступают в страхе. Он передал адъютанту, стоящему в ожидании нового приказа:

– Вот что, поручик! Передай артиллеристам мой приказ: прицельным огнем уничтожить дом, откуда бьют по этой звенящей штуке, не знаю, что это: таз или поднос. Тому, кто остановит звук, обещаю рубль серебром от себя лично. Выполняй!

– Слушаюсь, Ваше Превосходительство! – адъютант тут же исчез.

Через некоторое время по селу вновь стали стрелять пушки – теперь они вели прицельный огонь по мечети, на крыше которой находилась Заза. Когда совсем рядом разорвалось ядро и его осколки со свистом полетели над головой, девушка невольно присела и заслонилась подносом, но в ту же минуту она взяла себя в руки и стала вновь бить по звенящей поверхности посудины. Звон вновь разошелся по селу и окраинам. Снова прогремел выстрел, через короткое время разрыв, тишина, и опять звон подноса. Так продолжалось некоторое время. Чара звучала вновь и вновь, раздражая врагов и вдохновляя сельчан. Но так долго продолжаться не могло, девушка рисковала жизнью. Прибежав к мечети, люди стали упрашивать Зазу сойти с крыши. Она никого не слышала, объятая страшной игрой со смертью.

– Односельчане, не сдавайтесь! Мы один раз рождены и один раз умрем! Бейте врагов, бейте! Смерть гаурам! – кричала она сквозь звон металла.

Девушка играла со смертью, она понимала, что стала объектом для вражеского обстрела. Но она не думала отступить, сдаться и сойти на землю.

Прозвучали еще два выстрела, одно ядро упало рядом с мечетью, а другое попало прямо в здание. Оно рухнуло, погребя под собой смелую девушку. Люди, те, кто уцелел после взрывов и вновь подбежавшие, стали быстро разбирать завалы. Им удалось вытащить Зазу из-под обломов дома, она еще дышала, но ее взор был затуманен и губы что-то шептали. Оказавшаяся рядом Альбика наклонилась к ее лицу, роняя крупные слезы на тело подруги.

– Заза, Заза, не умирай... – шептала она, сжимая в руках ее холодеющее тело.

– Нане скажи... я прошу меня простить... Мюстаргу скажи ... моя любовь к нему ... не умрет, – она взглянула в глаза подруги, и легкая улыбка скользнула по ее бледнеющему лицу.

Заза скончалась на руках у Альбики. Когда перестал звучать поднос, односельчане поняли, что случилось непоправимое.

– Заза погибла! – разнеслось по рядам защитников, и вскоре пришедшие от разрушенной мечети подтвердили это. Все, кто был рядом, стали выражать соболезнование старому Амару. Старик спокойно принял весть о кончине дочери, лицо его стало суровым и бледным:

– Пусть Аллах будет вами доволен. Все мы смертны в этом мире...

Мюстраг не находил себе места, узнав о гибели любимой, он решил пойти в село, чтобы

увидеть ее. Нау он не пустил с собой, сказав, что он здесь нужнее. Придя к мечети, он увидел плачущих женщин и Альбику среди них. Заза лежала, накрытая тканью, тут же во дворе. Мюстарг сделал доа и сказал, не глядя ни на кого:

– Да благословит тебя Аллах! Я не думал, что мне придется когда-нибудь сделать доа над тобой.

К нему подошла Альбика.

– Мюстарг, она просила передать тебе, что ее любовь к тебе никогда не умрет, – сказала она со слезами на глазах, еле сдерживая рыдания, юноша кивнул и, поблагодарив Альбику, подошел к телу любимой, чтобы в последний раз взглянуть на нее. И в смерти она была прекрасна: ее белое лицо украшали черные брови, удивительно правильной и красивой формы, длинные ресницы закрытых глаз не потеряли своей красоты, чуть пухлые красивые губы слегка открыты. Казалось, будто она спала, уснула легким девичьим сном, сейчас проснется и встанет... Нет, не встанет уже никогда! Умерла твоя любимая, твоя душа, Мюстарг, все, ради чего ты жил и надеялся, умерло, все потеряло смысл...

Он тихо прошептал: «Прости меня, любимая, что не сберег тебя! Прости... На земле нам не суждено было быть вместе, но в ахирате Аллах нас соединит! До встречи там, возлюбленная сердцем!»

Он ушел туда, где его ждал долг перед Аллахом, перед близкими, родными, возлюбленной и перед селом...

Бой продолжался, враг приближался все ближе. По приказу своих командиров солдаты стали ползком подбираться к позициям дадиюртовцев. Теперь их ружья достигали цели, и защитникам села приходилось туго. Они старались бить по-прежнему прицельно, но это было очень сложно, поскольку противник передвигался ползком и был почти не видим для прицела.

Неожиданно из села на коне вырвался всадник и помчался в сторону русских. Раздались возгласы:

– Эй, ты что делаешь?

– Куда ты? Эй! Стой!

– Остановись! Ты с ума сошел?

– Кто это? – спрашивали они друг у друга, но так никто и не узнал этого наездника. А тот тем временем влетел в ошеломленную толпу солдат, уложил шашкой двоих-троих человек и помчался в сторону пушек. По нему начали стрелять. Беспорядочно и почти не целясь. С поднятой шашкой он влетел на командный пункт генерала Сысоева, но сраженный встречными пулями упал с коня. Падая, всадник уронил большую баранью шапку с головы и перед изумленными офицерами и солдатами оказалась совсем юная девушка с длинными косами в мужской одежде. Она лежала с открытыми глазами, алая струйка крови стекала из края ее нежного рта и прекрасные черные косы раскинулись вдоль тела.

Ее губы что-то шептали. Генерал приказал позвать толмача.

– Алтухова к генералу! – быстро передали по цепи. Толмач прибежал, запыхавшись:

– Рядовой Алтухов прибыл, Ваше Превосходительство!

– Алтухов, узнай что она говорит, – генерал указал на умирающую.

Толмач встал на колени перед девушкой и склонил ухо к ее рту.

– Ас бекхам би, – произнесла девушка еле слышно и умерла.

Алтухов встал и сказал, глядя в сторону:

– Ваше Превосходительство, она сказала: «Я отомстила».

Генерал молча смотрел на девушку.

– Да, отомстила, это верно... Что это за люди, господа? У них даже юные девушки воюют! Уму непостижимо!.. Передайте по цепи: объявляется перемирие на полчаса. Тело сей девицы доставьте в аул. Я снимаю шляпу перед ней. Она достойна высших почестей! Упокойся с миром, девочка! – генерал снял шляпу, и офицеры последовали его примеру.

Вскоре парламентеры с белым флагом понесли тело погибшей в село. Оттуда навстречу им вышло несколько человек, которые с носилок переложили девушку на бурку и понесли к себе.

Односельчане, конечно же, узнали юную Хеди, дочь Жабраила, который погиб вместе с сыном во время обстрела. Она, оказывается, взяла из дома одежду брата, его оружие, коня и направилась в стан врагов.

– Она и не могла иначе, такой у нее характер, отомстила за отца и брата... Благослови тебя Аллах! – сказал ее сосед Арби, стоя над телом убитой. Хеди занесли в дом, сказав, что сейчас о похоронах говорить не приходится. Мать и соседки стали ее оплакивать.

Появилось много жертв среди сельчан. Более всего погибших было из-за артиллерийского обстрела. Жители старались потушить пожары, убрать трупы, успокоить ревущую от страха скотину, спрятать детей хоть куда-нибудь, чтобы их не достали взрывы смертоносных ядер.

В этот осенний день жители Дади-Юрта сполна вкусили горький плод ада на земле, когда не знаешь куда деваться от огня, когда чувствуешь, как земля горит под ногами, и она тебя не спасает, и ничего тебя не спасает. Кругом смерть! Ее смрадное дыхание чувствуется во всем: и в пороховом дыму, который с раннего утра лежит над селом, и в зловеще напряженной тишине между взрывами, и в огне горящих домов, и в стонах раненых, и в плаче несчастных матерей, жен и сестер, оплакивающих своих близких. Но ужасу разорения и убийства противостоял непоколебимый чеченский дух, который нельзя было сломить всеми этими обстрелами, огнем и мечом. Нет, этот дух был заложен у них в крови, он со дня их появления на свет и до последнего вздоха оставался с ними и не покидал их никогда. Генерал Сысоев, кажется, это понял. Он был поражен тем, с каким отчаянием сопротивляются эти безумцы, обреченные на

смерть. Что движет ими? Почему не отдаются на милость победителя и не смирятся со своей участью? Неужели героическая смерть для них предпочтительней жизни? Он не понимал их поведения. И дикари, как они их называли, стали для него достойными уважения, хотя и оставались лютыми врагами.

Альбика и ее близкая подруга Жансига взяли ружья и присоединились к защитникам села. Махма не стал возражать против их участия, потому что каждый, кто умел стрелять, был сейчас на вес золота.

Генерал сдержал слово, и объявленный им перерыв продолжился ровно один час. Затем он направил к нападавшим оставшиеся в резерве две роты и спешившихся казаков. Сейчас у них было многократное численное превосходство и свежие силы. При таком стечении обстоятельств противник не мог более сопротивляться, как казалось Сысоеву. Однако он ошибался, дадиюртовцы яростно защищались, расходуя последние заряды. А дальше русских ждал жестокий и беспощадный рукопашный бой, в котором чеченцы дрались, как львы. Об этом знали сам Сысоев, его помощник полковник Бекович-Черкасский, которому не раз приходилось сталкиваться с чеченцами в боях, да и некоторые офицеры из окружения генерала тоже участвовали ранее в боях с туземцами. Поэтому генерал постарался увеличить число нападавших в надежде на скорую и менее кровопролитную победу.

9

Старый Айдамир не мог стрелять как в молодые и зрелые годы – глаз не тот, да и рука не очень хорошо слушалась старика. Но заряжать ружья он еще не разучился и у него хватало сил, чтобы заложить порох, пулю и крепко забить заряд. Да этим он и занимался на передовой. Его сын Ахмад стрелял из одного ружья, а Айдамир заряжал тем временем другое. Дома с матерью остался маленький Али, а трое старших внуков были здесь, оказывали помощь взрослым, помогали, чем могли. Здесь не было тех, кто не нужен, кто мешал, кто был лишним. Нужны были все, потому что каждый из них – и стар и млад – защищал свое село, свой дом, отца и мать, брата и сестру, соседей и односельчан. Все они, дадиюртовцы, сегодня, в час смертельной опасности, были одной семьей, спаянные и сцепленные вместе, как пальцы, в один кулак. Сейчас перед ними не стоял вопрос: быть или не быть им и их селу – они не могли отступить, бросить все и сдаться на милость врагу. У них не было выбора: свобода или смерть – вот что они решили для себя.

Предстоял рукопашный бой, в котором решалась судьба села, его будущее. Махма распределил оставшиеся силы на передовой в равномерном порядке и приказал приготовиться к бою:

– Мужчины! Как только они приблизятся к селу, забрасываем их горящими факелами и бросаемся в атаку. Пусть почувствуют остроту

наших кинжалов! Бежим им навстречу на поле! Всем приготовиться, зажечь факелы!

Коней решено было отпустить за село, сейчас от них не было пользы. Напуганные взрывами, они рвались с поводков и дико ржали , готовые убежать на простор, где нет этих страшных грохотов и пожаров.

– Отпустите лошадей и скотину к Тереку! Гоните их из села! – закричали из рядов обороняющих село.

Скотина итак сама убежала, как только начались частые обстрелы. Хозяева не стали удерживать своих коров, быков и овец и сами стали их выгонять из села.

Мальчишки, которые были рядом с воюющими, развязали всех лошадей и погнали их за село в сторону Терека. Пусть уходят, если им суждено, то выживут.

Мюстарг с грустью смотрел вслед своему коню, который был ему дорог, как друг. Бывало, когда он ехал на свидание к Зазе, он чистил и прихорашивал своего любимца. Конь быстро привык к Зазе, брал из ее рук кусочки хлеба, которым она его часто угощала. А иногда даже проявлял неповиновение, когда Мюстарг отодвигал его от девушки. Мюстарг шутил: «Эй, друг, ты что, хочешь девушку у меня отбить? Не получится!» Заза смеялась над его шуткой, в ее больших и карих глазах сверкали веселые искорки. А белые, как жемчужины, зубы сияли на прекрасном лице. В эти минуты Мюстарг забывал обо всем на свете, его сердце билось

учащенно, и он не мог оторвать глаз от любимой! Это были самые счастливые мгновения их жизни, когда им казалось, что жизнь существует только для них двоих, и солнце светит для них, и птицы свои звонкие песни поют только для них, и счастье никогда не кончится. Но оно кончилось со взрывом пушечных ядер, свистом пуль и с этой непоправимой бедой, что пришла в их село.

На поле со стороны врага раздался какой-то гул и послышался топот, как будто бежало стадо разъяренных быков. Началась атака. Солдаты встали во весь рост и побежали с криками «ура». Теперь ружья чеченцев не могли их остановить, потому что солдат было много, и они быстро приближались. Как только первые из них подбежали на расстояние броска камня, на их головы посыпались горящие факелы, свертки из тряпок и все, что было пропитано нефтью и могло гореть. На мгновение они остановились, раздались вопли тех, на ком загорелось пламя от факелов с нефтью. Они попадали на землю пытаясь сбить огонь, а другие продолжили свою атаку.

– Вперед, братья! Свобода или смерть! – закричал громовым голосом Махма, бросаясь в кучу врагов. Его примеру последовали и остальные. Началась кровавая бойня.

– А-а! Бей гауров! Бей их! – кричали дадиюртовцы иступленно. Криками и руганью отвечали им враги. Вопли, стоны, проклятия стояли в воздухе сплошным несмолкаемым ревом

из сотен глоток. И вместе с этим слышны были выстрелы, тупые удары, лязг оружия, и кровь лилась нескончаемым потоком с обеих сторон. Люди гибли десятками, было много раненых. Среди сражающихся сельчан были и старики, и подростки, и женщины. Храбрые воительницы не хуже мужчин управлялись с холодным и огнестрельным оружием. Мужественно дралась дочь Дады Альбика. В этом бою она стала примером для подражания не только для женщин, но и для мужчин. Смерть ходила за ней по пятам, но всякий раз ей удавалось увернуться от ее цепких лап. Сделав последний выстрел перед атакой и уложив одного из солдат, она с кинжалом бросилась вперед. Ее удары сыпались налево и направо, и уже несколько врагов она поразила своим длинным кинжалом. Не уступала подруге в бою и храбрая Жансига. От ее метких выстрелов полегло несколько врагов. И сейчас с кинжалом она билась насмерть.

Мюстарг оказался в самой гуще боя. В правой руке он держал шашку, а в левой кинжал. Ни один враг не мог устоять перед ним, он поражал их своими мощными ударами одного за другим. В пылу боя он заметил отца, который здорово орудовал шашкой, уворачиваясь от ударов озверевших солдат, хотя менее опытных, чем он, но более сильных. Бахадар начал сдавать и силы его были на исходе. Рубанув подвернувшегося гренадера по голове, Мюстарг крикнул отцу:

– Дада, держись, я иду к тебе!

Отец приободрился и, собрав покидавшие его силы, стал с рычанием отбиваться от насе-

давших врагов. Мюстарг пробился к нему и, защищая его своим могучим телом, стал отбивать атаку за атакой.

– Дада, выходи из боя! Мы справимся! Выходи, прошу тебя! Ты очень устал! – кричал он отцу, не оборачиваясь и спиной чувствуя движения Бахадара.

– Нет, я не уйду! Есть еще силы у старого бойца! Вот вам! Вот! – сыпались на врагов удары Бахадара. Но вдруг Мюстарг почувствовал, что отец не двигается. Он повернулся и увидел, что тот лежит, пронзенный в грудь штыком. Из-под руки отца, которой он зажимал рану, обильно шла кровь.

– Дада! – он кинулся к отцу. Бахадар махнул рукой, как бы успокаивая его и шепнул : «Береги себя!» Мюстарг, как раненый лев, набросился на врагов. Его удары были настолько сильными, что наступающие с палашами и штыками солдаты отступили от него. Воюющие с обеих сторон не успевали перезарядить ружья, настолько плотным и сильным было сражение, поэтому стреляли редко.

Среди защитников села стало появляться все больше и больше потерь. Погибли с оружием в руках имам села Берса-Хаджи, отец Мюстарга Бахадар, руководитель обороны Махма, отец красавицы Зазы Амар, старый Астамир, успевший передать сыну последнее заряженное ружье, погибли почти все, кто был старше пятидесяти лет. Силы их уже были на исходе, ведь враг превосходил их по числу несколько раз.

– А-а, – отчаянно закричал Мюстарг, когда увидел, как несколько штыков пронзили бесстрашную Альбику. – Подходите ко мне, трусливые собаки! – кричал он по-русски гренадерам, которые не решались на него напасть. Он был уже ранен, но дрался отчаянно, отбивая удары и нападая сам. Вот она отвага, и «нет ничего страшней ее, когда она обречена!»

В ходе боя часть защитников невольно отступила, и бой продолжался на улицах, во дворах и домах. И здесь шло в ход все: и кинжалы, и топоры, и вилы – все, что могло поразить врага. Небольшая группа мужчин отчаянно сражалась за свои семьи и дома, их поддерживали женщины, старики и дети. Но силы были слишком неравные. Жители оказали сопротивление, они отчаянно дрались с карателями и дорого отдали свои жизни. Порой женщина дралась не хуже любого мужчины, и не один солдат полег здесь, убитый верной рукой отчаянных воительниц.

Они были обречены, мужественные защитники Дади-Юрта, славные сыны и дочери Чечни! И они погибли в этом неравном бою, но и враг дорого заплатил за свою победу. Десятки трупов русских солдат и офицеров лежали на поле боя, на подступах к Дади-Юрту, и на его улицах, а раненых было так много, что им не успевали оказать помощь.

Враг ворвался в село, протыкая штыками и расстреливая всех подряд, кто попадался им на пути. Немощные старики, женщины и дети стали жертвами озверевших карателей.

Полковник Беркович-Черкасский находился среди тех, кто вошел в село и лично руководил операцией по его зачистке.

– Девушек не убивать, забирать в плен! Передайте всем: девушек захватывать , не причиняя им вреда! – отдавал он приказ, исполняя личное распоряжение главнокомандующего Ермолова, который и поручил ему это дело по секрету.

Солдаты врывались в дома, забирали из них все, что представляло ценность. Они выносили ковры, одежду, посуду, инструменты, сыромятные кожи, овечьи и козьи шкуры, конскую упряжь – все, что уцелело от огня и разрушений. Награбленное складывали у дороги, чтобы потом отвезти на телегах.

10

Умирающий от ран Мюстарг, которого враги посчитали убитым, пришел в себя. Еле открыв глаза, он увидел вокруг горы трупов, услышал стоны раненых. И чеченцы, и русские звали на помощь одного Бога – кто-то в надежде на исцеление, а кто-то на спасение души в предсмертный час. По полю ходили солдаты и добивали штыками чеченцев, которые проявляли признаки жизни. Помутневшим взглядом Мюстарг различил недалеко от себя группу офицеров. Они шли за своим генералом, который осторожно шагал среди убитых, стараясь не запачкать сапоги и отдавал приказы:

– Немедленно уносите наших раненых с поля боя, пусть им окажут помощь в полевом

лазарете. А этих дикарей добивать нещадно! Ни одного не оставить в живых!

Мюстарг услышал приказ генерала. «Чтоб твой отец упокоился со свиньей! Какой же ты генерал, если добиваешь раненых?! Сейчас ты получишь от меня подарок... – он потянулся вперед и поднял ружье убитого солдата. – Заряжено... хоть бы хватило сил...»

Мюстарг лежа прицелился и выстрелил: «Попал! Это вам мой прощальный привет...»

Генерал был ранен в бедро, он упал на спину и громко застонал.

– Генерал ранен! Господи! Ну что вы стоите, как истуканы? Перевяжите его! – заорал на свиту заместитель Сысоева полковник Рюмин.

Генералу перетянули рану и быстро понесли его с поля боя.

Солдаты и офицеры произвели несколько выстрелов в сторону Мюстарга. Подбежав к нему, они заметили, что он мертв. Чеченец лежал на спине, сжимая в руках ружье, глаза его были открыты и на устах застыла усмешка. Он жил, как гордый и благородный князь, и погиб как истинный воин, и память о нем будет жить в веках!

Недалеко в толпе убитых лежал Наа, его верный и преданный друг. В пылу сражения он заметил, как солдаты окружили Жансигу, и та еле отбивалась от них. Наа поспешил ей на помощь. Они погибли рядом: юная красавица и один из лучших сыновей Дади-Юрта. Не суждено им было повеселиться на свадьбе Мюстарга и

Зазы, встречать рассветы и закаты в любимом своем селе, танцевать лезгинку на веселых вечеринках. Они все погибли и погибли героями!

Память о них стучит в сердце моем, и оно изнывает от тоски и жалости к ним! Славные герои Дади-Юрта! Вы будете жить в веках, пока будет жить наш народ! Мы не забудем вас и ваш подвиг, который вы совершили не во имя славы, а во имя жизни! Потому что вы сражались и отдали свои жизни за нашу свободу, за наше достоинство, за наше будущее, за нашу жизнь! Да будет благословен ваш Газават!

Село дымилось, кое-где еще полыхал огонь, догорали дома и постройки сельчан. Каратели собрали большую группу девушек и под угрозой расстрела погнали их к Тереку, к месту, где была переправа на пароме. Под ударами прикладов солдат и нагаек казаков они шли к реке, молча, то и дело оглядываясь на разоренное и охваченное пожаром село.

Там оставалась их прежняя, счастливая жизнь, отчий дом, бесконечное синее мирное небо над головой, ласковые руки матери, самые красивые на свете сады и первая робкая любовь! И все это кончилось за один этот страшный и кровавый день! Эти юные, трепетные и нежные создания Аллаха не знали, что на земле может быть столько горя и слез, что человек, рожденный по воле Бога, может быть так жесток к другому, подобному себе человеку. Нет, они не видели раньше столь ожесточенной и звериной

ненависти к мирным людям, единственная вина которых была в том, что они жили на этой земле, существовали в этом мире!

Скоро они пришли к Тереку. Старый, седой Терек нес свои плавные воды здесь, в низовьях Чечни, по благодатным и плодоносным землям.

Река, обильная, щедрая, ты поила своей свежей водой наши земли много веков, помогала нашим предкам собирать богатые урожаи близ твоих берегов, кормила нас рыбой, которой богата твоя неиссякаемая и обильная вода. Терек, молчаливый и безучастный созерцатель нашей трагедии, ты разве не видишь, что здесь происходит? Ты не слышишь наши стоны, не видишь нашу боль? Почему же ты не выйдешь из берегов и не затопишь жестоких и кровожадных наших врагов? Почему ты не заступишься за нас, великая река?.. Но нет, ты не сможешь этого сделать, ведь ты всего лишь безучастная и равнодушная вода...

Вот и паром, на котором их перевезут на тот берег, в чужой и неизвестный им мир, в котором другая жизнь, другие законы. Они пленницы, им суждено стать чьей-то собственностью, бессловесными и покорными рабынями. Но они чеченки! В их жилах течет кровь свободолюбивого народа, никогда и никому не подчинившегося, никому не позволившему накинуть на себя ярмо раба! Они, свободные и гордые девушки своего народа, должны сделать свой выбор, как его сделали их отцы, братья и матери, которые

остались лежать на земле, на которой они родились и выросли! Свобода или смерть!

На пароме девушки присели на корточки, собрались в кучу. Они стали потихоньку переговариваться.

– Сестры, послушайте меня! Нас везут в позорное рабство, чтобы мы стали утехой каких-то гауров! Мы не можем с этим смириться! У нас нет другого выбора, кроме смерти. Так умрем же достойно, как умерли наши близкие! – сказала старшая среди пленниц Седа.

– Лучше умереть, чем жить в позоре! – поддержала другая.

Девушки решили спрыгнуть в волны Терека, как только паром дойдет до середины. Седа сказала, она прыгнет первой и захватит с собой конвоира. Они тихо запели старую чеченскую песню о девушке, которую разлучили с любимым.

– Ишь ты! Они еще и поют, глянь-ка, – обратился один конвоир к товарищу, который закурил трубку и глубоко затянулся.

– Ну, я тебе так скажу, Микола: незавидная у них судьбинушка, плен и позор – вот их удел. Уж поверь мне, я ить на Кавказе не первый год, навидался всякого.

– А девки-то хороши! Ей Богу! Прям кровь с молоком!

– Иди ж ты! Облюбовал кого што-ль?

– Да ни-и, куды мне! Я говорю...

Микола не успел закончить фразу, как Седа схватила его за руку и потащила с собой в бур-

ные волны Терека. Вдруг все девушки закричали и бросились на конвоиров. Началась жестокая схватка, нескольким солдатам удалось сделать выстрелы. Сраженные их пулями пленницы упали в воду.

– Не стрелять! Отставить оружие! – заорал поручик, который командовал конвоированием пленниц. – Хватайте и валите их на пол!

Солдаты пытались остановить девушек, рвущихся к воде, но им это не удавалось. Сначала чеченки толпой оттолкнули их к краю парома, скинули в реку, а потом и сами стали прыгать вслед за ними одна за другой. Напрасно офицер кричал на солдат, чтобы они хватали оставшихся девушек и не позволяли им прыгать в реку. Нет, пленницы дрались, как разъяренные волчицы, и уходили в воду, увлекая за собой конвоиров. Скоро на пароме не осталось ни одной из них. Поручик исступленно орал на солдат, изумленных от действия чеченок, но ничего поправить ни он и никто из его подчиненных уже не мог.

Течение в том месте было сильное, и девушек с их охранниками быстро унесло вниз. Вот мелькнула голова одной, край платья другой, чьи-то руки – и вскоре все юные героини исчезли в холодных водах могучего Терека.

Кое-кому из конвоиров, кто умел плавать, удалось добраться до берега, но спасшихся было немного – всего несколько человек. Других потянуло на дно их тяжелое обмундирование и неумение держаться на воде.

С противоположного берега несколько казаков видели трагедию, случившуюся на воде. Позже они узнали все ее подробности. Многие из них были кунаками с чеченцами из Дади-Юрта, и поэтому с горечью приняли гибель этого села и ее жителей. А когда казакам из ближних и дальних станиц случалось оказаться в этом месте, где погибли чеченские девушки, они снимали головные уборы и совершали крестное знамение: «Здесь погибли славные чеченские девушки! Царствие им небесное!»

Да, они погибли здесь, в твоих водах, буйный Терек. И слишком дорогой подарок ты принял от нас! Девушки чистые, как летняя роса, свежие, как дыхание снежных вершин, нежные и красивые, как трепетные лани, бросились в твои воды, могучий Терек, чтобы больше не подняться из твоей воды, не вернуться в этот мир, на землю, где они родились и выросли!

Не пойдут они больше с кувшинами по улицам родного Дади-Юрта за водой, и не позовут их парни на свидание к твоему берегу, славный Терек! Ты принял их, они твои, юные чеченские дочери, побереги же их, седой Терек, ведь они доверились тебе! Они отдали свои жизни, чтобы сберечь свою честь, потому что она была им дороже жизни и всех земных благ!

Вот такой драгоценный дар ты принял, широкий Терек, помни об этом!

11

Солнце клонилось к закату, когда солдаты с награбленным добром стали выходить из Дади-

Юрта. Село догорало, в нем не оставалось целых домов, те, что уцелели под обстрелом, были разграблены и подожжены. В домах, во дворах и на улицах лежали трупы убитых.

Дым стлался над селом с раннего утра, и казалось им пропитано все кругом: и догорающие дома, и сады, и мертвые, и живые люди, те, кто по милости полковника Бековича-Черкасского остался жив. Когда он узнал, что все мужчины старше пятнадцати лет в ауле убиты, он приказал сохранить жизни женщинам и детям, которые случайно остались живы.

Утром маленький Али проснулся от страшного грохота и, заплакав от страха, позвал маму: «Нана-а!». Зайдат, сама страшно перепуганная, бросилась к нему: «Али, сынок, не бойся, я здесь!».

Когда взрывы участились, мать забрала Али с собой в дальнюю комнату и спряталась с ним за большим сундуком в углу. Все, кроме них двоих, были у околицы: и свекор Айдамир, и муж Ахмад, и двое старших сыновей, 14 и 12 лет. Они ушли на войну, даже толком не попрощавшись. Только свекор попросил у Зайдат прощения, если чем-то обидел ее. На что сноха сказала, что она, конечно, его прощает, только он ее никогда не обижал.

Они покинули дом рано утром один за одним, и она все утро металась в тревоге за них. Зайдат пыталась удержать сыновей, но разве их удержишь даже силой? Нет, на все ее просьбы и доводы они ответили категорическим отказом

и ушли вслед за дедом и отцом. И вот они с маленьким Али остались одни под этими чудовищными взрывами. Если бы можно было спрятать мальчика куда-нибудь подальше, где нет взрывов и стрельбы. У нее еще ночью возникла мысль взять детей и покинуть село. Но как же она могла оставить мужа и свекра? Это было бы равносильно предательству. Как бы она смотрела людям в глаза, если бы с ними что-нибудь случилось? Но что могла она, бедная и несчастная женщина, сделать, чтобы спасти их, ее дорогих мужчин?

Она старалась успокоить Али, ласкала его, пыталась его отвлечь от грохота, который стоял на улице. Мальчик был в оцепенении, он ни на что не реагировал, и тем самым пугал мать.

– Али, сынок, посмотри на нану, ты меня слышишь?

Он странно смотрел на нее и молчал.

– Али, очнись! Скажи что-нибудь!

Мальчик молчал по-прежнему, но вот в его глазах появилось что-то похожее на интерес.

– Нана, что это на улице грохочет? Почему люди кричат и женщины плачут?

– Сынок, ты не поймешь все это... лучше не спрашивай ничего. Сейчас нана тебя покормит.

– Нет, я не буду кушать... не хочу.

Когда на какое-то время прекратился обстрел, Зайдат покормила сына, дав ему холодные чIепалгаш. Он ел неохотно, через силу, только потому, что мать настаивала, чтобы он поел. Она словно чувствовала, что ему еще долго не придется принять пищу.

Они слышали звон чары из центра села, долго прислушивались к нему.

Ближе к обеду забежала соседка Нурет, женщина примерно таких же лет, как и Зайдат. Они поделились последними новостями, дошедшими до них по своим, никому неведомым женским каналам. Поплакали дружно о погибших односельчанах, посокрушались о бедной и несчастной доле народа, а под конец посыпали на головы врагов все известные им проклятия, бытующие со дня сотворения Аллахом человека.

Нурет ушла, сказав, что еще забежит, если узнает что-то новое.

Вскоре обстрел возобновился. Опять послышались крики, шум передвижения людей и скота, и наступили тяжелые и мучительные минуты ожидания: куда попадет следующее ядро? А следующее ядро разорвалось недалеко. Тотчас послышался пронзительный крик соседки Нурет. Зайдат вскочила и бросилась к двери, крикнув находу Али: «Сиди тихо, я сейчас вернусь!» Но мальчик кинулся за ней: «Нана, я пойду с тобой!» Мать была уже в дверях и собиралась ему что-то сказать, когда прямо перед их домом раздался взрыв. Зайдат отбросило взрывной волной назад в дом. Вдруг что-то тяжелое ударило Али по голове, и он упал, не успев заметить, что случилось с матерью. Покалеченная осколками ядра, она скончалась сразу же здесь на глиняном полу. Недалеко от нее лежал Али, раненый в голову большим куском глины, оторванным взрывом от стены.

Прошло несколько часов, бой в селе затих. Солдаты заходили в дома, добивали раненых и забирали имущество хозяев. Так в дом к Зайдат зашел седоусый пожилой солдат, перемазанный сажей и весь в пыли. Он увидел на полу убитую женщину и лежавшего недалеко от нее ребенка. Окинув взглядом полуразрушенный дом, он собирался выйти, как вдруг ему послышался тихий стон. Он поставил свое ружье у стены и подошел к ребенку, поскольку это он стонал. Мальчик был ранен в голову, крови пролилось немного, но ушиб получил сильный.

– Ах ты бедалага, дитя малое, как же это тебя зацепило?

Солдат взял мальчика на руки и вышел, захватив ружье.

Он выходил со двора, когда его встретил поручик, командир его роты:

– Кто это у тебя, Захаров?

– Да вот мальчонка, вашбродь, раненый ... жалко, вот взял, чтоб помочь.

– Ладно, отнеси в лазарет, может, выживет.

– Слушаюсь, вашбродь! Его не сильно задело, ушиб, кажись.

– Хорошо, Захаров, выполняй приказ.

– Слушаюсь!

Захаров понес раненого ребенка к полковому «дохтуру», как его называли солдаты. Тот перевязал мальчику голову, приказал напоить какой-то микстурой.

Очнувшись Али долго не мог понять, где он и что с ним произошло. Какой-то перемазанный

сажей русский солдат с добрыми глазами пытался напоить его чем-то. Мальчик не понял что он говорит, но выпил лекарство, которое солдат настойчиво ему предлагал. Оно оказалась очень горьким, и Али его выплюнул.

– Что ты делаешь? Это же микстура, дохтур дал...

Захаров поместил его на телегу, старался как-то его утешить, достал воды, умыл его. Предложил ему хлеб и кусочек сахара. Но мальчик мотал головой и от еды отказывался. Он был слаб, лежал на дне телеги и тихо стонал. Нельзя было смотреть в его большие и черные глаза без сострадания – такая в них была тоска. Он еле слышно шептал: «Нана, нана». Захаров спросил у ездового:

– А слышь, Петрович, что значит по-ихнему «нана», не знаешь?

– Да хто знает? Кажись, это «мамка».

– А, точно! Это «мама» значит... А мамку-то его убило, я сам видел у ихнем доме. А мальчонка рядом лежал, жалко стало, вот, забрал. А командир наш сказал доставить его в крепость Грозную.

Когда стали выбираться из села, мальчик вдруг сел встревоженный и стал озираться. Он понял, что его увозят из родного села!

– Нана-а! – закричал он пронзительным голосом и протянул худые руки в сторону села.

Захаров пытался его успокоить, обняв за плечи, но мальчик пытался вырваться. Он даже приподнялся на ноги, чтобы спрыгнуть с телеги, но Захаров силой его удержал.

– Успокойся, ну что ты, милый? Вот, смотри, видишь сахар? На возьми!

Но маленький пленник упорно пытался освободиться от сильных рук солдата. Наконец, обессиленный, он лег на дно телеги и горько заплакал. Захаров грустно смотрел на измученного ребенка, и слезы текли из его глаз, сбегая по морщинистому лицу и прячась в густых и седых усах.

– Господи! За что мне такая мука? Ведь невозможно смотреть, как дитя страдает...

Юный пленник Али в будущем станет академиком живописи и будет носить имя – Петр Захаров. Ему дали фамилию того самого солдата Семена Захарова, который его спас и вывез из разрушенного Дади-Юрта. Художник Петр Захаров навсегда остался верен своему народу и селу, несмотря на все перепетии жизни, которые ему пришлось испытать. Он вырос в Москве в семье генерала Петра Николаевича Ермолова, двоюродного брата главнокомандующего Кавказской армией А.П. Ермолова, учился Петербурге в Академии живописи, получил хорошее образование, стал очень известным художником.

Да, он потерял родной язык, культуру своего народа, но не потерял духовную связь, которая прочно связывала его с Родиной Отцов. Петр Захаров помнил всегда кто он, откуда он и где его историческая Родина, потому что подписывал свои картины словами: «Чеченец из Дады-Юрта».

Эпилог

Дади-Юрт – село, которое вошло в историю как символ борьбы за свободу и независимость.

Организатор уничтожения Дади-Юрта генерал А.П. Ермолов писал в своих мемуарах (с. 88): «Большую часть дня продолжалось сражение самое упорное, и ни в одном доселе случае не имели мы столько значительной потери; ибо, кроме офицеров, простиралась оная убитыми и ранеными до двухсот человек. Со стороны неприятеля все, бывшие с оружием, истреблены, и число оных не могло быть менее четырехсот человек». «Подобного примера еще не видывали в сием краю, и я единственно для того его подал, дабы распространить ужас», - писал он в одном из своих писем.

За один осенний день – 15 сентября 1819 года – это село было практически стерто с лица земли. Оно перестало существовать, и почти все его жителей погибли. Но в сердце народа навсегда осталась неувядаемая память об этом селе, о подвиге его жителей. Это он, чеченский народ, свез со всей Чечни понемногу земли и в сентябре 2009 года возвел Холм Памяти на том месте, где находилось село.

На Холме возведен монумент в виде башни и гор. На башне мемориальная доска со словами Первого Президента Чеченской Республики Ахмада-Хаджи Кадырова: « Вы показали мужество, достоинство и чеченскую честь». Чуть далее, слева, еще одна доска с надписью: «Холм Памяти. Сооружен из земли, собранной со всех

уголков Чеченской Республики, в память аула Дади-Юрт, геройски погибшего в 1819 году за свою честь и свободу. Да благословит их Аллах!»

Память – это все, что остается нам, потомкам наших славных отцов, которые жили с верой в справедливость и умирали за нее в неравных схватках с врагом. Память очень многое значит, ведь она связывает нас с нашими предками, с их жизнью и подвигами. Пока она жива, наша связь с ними не умрет, не потеряется. Память о них свята для нас, потому что она напоминает о том, что мы должны делать, как жить, как воспитывать детей и беречь родную землю, за которую умирали наши предки.

Я стою осенним днем на Холме Памяти. Тихо, лишь ветер шумит над полем. Смотрю на красивые поля, вдали видны горы, берег Терека, заросший густым лесом и кустарником. Здесь на этой земле, двести лет назад произошло одно из самых кровополитных сражений Кавказской войны. Двести зим и лет прошло с тех пор, многое здесь изменилось, но неизменной осталась та самая земля, на которой пролилась кровь жителей славного Дади-Юрта. Эта она, земля, была немым свидетелем того трагического дня, когда дадиюртовцы выбрали смерть, зная, что у них не хватит сил противостоять врагу, который многократно превосходил их в числе и в вооружении… Да благословит их Всевышний!

Март-июнь 2020 года,
Чири-Юрт

БАЙСАНГУР БЕНОЕВСКИЙ

Весна была уже на пороге. Ее свежее дыхание все сильней ощущалось в просыпающейся природе. Снег давно растаял. Даже в тех местах, куда не попадал луч солнца, от него не осталось и следа. Дни становились длинней. А солнце было все теплей и теплей с каждым днем. Но зима все еще показывала свой крутой нрав неожиданным снегом и холодным ветром, не желая сдаться и уйти.

В то утро тоже посыпал мелкий снег, но он быстро растаял под весенним ярким солнцем. Ближе к обеду его будто и не было, все подсохло, и установилась по-настоящему весенняя погода.

В Хасавюрте, на базарной площади, собралось много народу. Некоторые пришли сами, других сюда согнали насильно. Казаки, армяне, евреи, большая группа дагестанцев и немного чеченцев – это были торговцы, мастера, рабочие, крестьяне. Отдельно от них стояла группа господ, тех, кто своим видом показывал, что они выше, благороднее и значительнее толпы черни. Это были царские офицеры со своими женами, чиновники, кумыкские князья со слугами, местные купцы. Они стояли вокруг наспех сде-

ланного высокого помоста, на котором разместилась верхушка власти во главе с генералом-майором Павлом Ивановичем Кемфертом. Он сидел в большом мягком кресле, изредка касаясь рукой в белой перчатке седеющих усов. Вчера этой же рукой он подписал приказ о повешении преступника, которого сегодня должны были казнить на центральной площади Хасавюрта. Генерал был в хорошем расположении духа и шутил с окружающими его адъютантами и подчиненными.

В центре площади стояла виселица из толстых бревен, и на ней висела веревка с петлей. Вокруг площади с четырех сторон в каре стояли солдаты в серых шинелях с ружьями, приставленными к ноге. В центре площади отдавал последние распоряжения старший офицер, который руководил церемонией, рядом с ним находились двое его помощников из низших чинов, а также палач в колпаке, закрывающем его голову так, что видны были лишь глаза в прорезях.

В людской толпе обсуждалась сегодняшняя казнь, многие из присутствующих были впервые на повешании человека:

– А слышь, станичники, а кого это казнят-то сегодни? – спросил кто-то из казаков своих земляков.

– А хто его знаить? Гутарят, чичена какого-то, он у Шамиля вроде как в помощниках был.

– Да это ж Байсанхур! Че, не слыхали штоль? Это ж вояка отменный, даром, што калека!

– Как жеж? Про Байсанхура слыхали, даже воевать супротив него приходилось. Да, славный джигит!

– Едут! Едут! – раздалось в толпе, и все разом посмотрели в ту сторону, оттуда появилась группа всадников. В центре на телеге везли арестанта: калеку без ноги, руки и одного глаза. Он сидел спокойно, гордо подняв голову и держась единственной рукой за телегу. На нем была порванная в некоторых местах черкеска, а на рубашке под ней видны были пятна крови. Седая борода окаймляла его мужественное лицо, на котором не были видны ни растерянность, ни сожаление, ни отчаяние. Оно было бесстрастным и отрешенным. Он был калекой, но трудно было о нем сказать такое, глядя с каким мужеством и достоинством он вел себя.

– Alex, il infirme! Comment un tel homme a la pendaison?* – спросила молодая и красивая дама с зонтом стоящего рядом с ней офицера.

– Cherie, c'est tres dangereux criminel. Comme il faut pendre!** – ответил офицер, высокомерно подняв подбородок, вынув из золотого футляра папиросу и стуча ею о крышку.

Арестант жестом отогнал приблизившихся к нему солдат, которые хотели помочь ему сойти с телеги. Опираясь на костыль, он самостоятельно сошел на землю. Он внимательно оглядывал собравшихся на свою казнь людей – ни одного знакомого лица – чужие, безжалостные, ехидные рожи.

* Алекс, это же калека! Как можно такого казнить?

** Дорогая, это очень опасный преступник. Таких надо вешать!

Человека, которого должны были повесить здесь, на базарной площади, звали Байсангур Беноевский. Это имя было хорошо известно в Чечне и Дагестане. Байсангур был одним из знаменитых наибов имама Шамиля. Он находился до последней минуты рядом с имамом, пока тот не пошел сдаваться генералу Барятинскому в Гунибе. Байсангуру вместе с горсткой отчаянных джигитов удалось тогда вырваться из окружения. Он не сложил оружия и после плена Шамиля. Он собрал смелых и верных людей и продолжил борьбу. Его отряды неожиданно и решительно нападали на захватчиков и наносили врагу большой урон. Байсангур не считал себя побежденным и готов был умереть с оружием в руках. Сколько славных, молодых и здоровых людей погибло рядом с ним за долгие годы войны с царскими войсками. Он считал себя обязанным воевать ради памяти тех, кто погиб за свободу, веру и отечество. Покалеченный в боевых схватках с врагом, мужественный и стойкий Байсангур и не думал уйти на покой. «Пока я на коне, я воин!» – говорил он и заставлял привязывать себя ремнями к седлу. Единственной рукой он уложил много врагов в той беспощадной войне, на которой прошла вся его молодость и зрелые годы.

Шамиль называл его «Таш адам», что значит «человек из камня». Он действительно был таким, как будто сделан из камня, потому что не знал ни сна, ни отдыха, ни радостей жизни. В бою – всегда в самом опасном месте, впереди с саблей в руке, беспощадно разящий врага.

Для всех, кто сражался за свободу Родины, он был очень ярким примером. За ним следовали не только те, кто состоял с ним в родстве, но и те, кто только лишь слышал о нем, знал по слухам о его мужестве. Поэтому он по-настоящему, чем кто-либо другой, достоин был этого имени – «Таш адам».

После падения Шамиля Байсангур еще почти два года отчаянно сопротивлялся царским завоевателям. Он с верными соратниками смело дрался против врагов. Несмотря на свой шестидесятилетний возраст и покалеченное тело, Байсангур поспевал всюду. Его прямое и смелое слово вдохновляло молодых и зрелых на борьбу с врагом, и они решительно вступали вслед за ним в пекло сражений.

В последнем бою от разорвавшегося рядом ядра пал конь под Байсангуром, и он сам был ранен. Потерявшего сознания его захватили в плен русские солдаты. Он попал в плен, но не покорился. Сегодня на пороге смерти он думал только лишь о тех, кто рядом с ним за долгие годы сопротивления остался верен долгу, кто отдал свою жизнь за Родину. Он знал, что должен скоро присоединиться к ним, и был готов к этому и сегодня, и всегда. Потому что для свободы Родины посвятил всю свою жизнь. Еще в молодые годы он дал клятву, что не вернется к мирной жизни, пока его Отчизне будет угрожать враг и пока его народ не будет жить в мире.

– Байсангур, держись! Мы все в этом мире смертны! – услышал он слова на своем родном чеченском языке.

– А? – он встрепенулся на месте. Как приятно было услышать слова родной речи ему, идущему на смерть! Теперь он знал, что есть кто-то, кто сообщит в Чечне о его смерти.

Байсангур пытался найти в толпе земляка, который обратился к нему в столь тяжелую минуту:

– Друг! Не беспокойся обо мне, я держусь! Меня ничто не сломит, я слишком долго смотрел в глаза смерти. Вас жалко, тех, кто под гнетом. Достойные мужчины! Не сдавайтесь! Деритесь с этими гяурами!

– Заткни рот! Не ори! – набросился на него один из низших чинов, тех, кто участвовал в проведении казни, но Байсангур не обратил на него никакого внимания, словно его не было ни видно, ни слышно.

Офицер, который руководил казнью, махнул рукой барабанщикам, и те начали бить в барабаны. Солдаты толкнули Байсангура в сторону виселицы. Он, опираясь на костыль, подошел к ней, и поднялся на широкую скамью тяжело и неуклюже. Палач снял с его головы черную шапку из бараньей шерсти и надел петлю на шею. Байсангур жестом велел ему надеть на свою голову снятую шапку. Палач посмотрел в сторону старшего офицера, и, когда тот кивнул, вернул шапку на голову Байсангура.

Байсангур стоял на одной ноге с петлей на шее в ожидании казни. Неожиданно подувший ветер развеял волосы на его бороде и шерсть с мягкой шапки. Но он не чувствовал этого ветра, он готовился к встрече с Аллахом.

– Іазу биллахІи минашшайтІанирражийми. БисмиллахІиррохьманиррохьийим... – начал он читать молитву. За долгие годы войны ему много раз приходилось ее читать в память тех, кто погиб рядом с ним, а вот теперь и за себя... – Милостивый Аллах, прости идущего к тебе раба! На все твоя воля... – молился он, закончив аят из Корана.

Он смотрел в сторону Чечни. Как были далеки столь дорогие его сердцу горы, среди которых прошла его жизнь!

– Прощайте, мои седые горы! Если бы я мог хотя бы раз окинуть вас взором... – думал он. – Родина, земля отцов ... все было ради тебя ... я ни о чем не жалею!

Людям, которые стояли на площади, казалось, что он о чем-то шепчет. Подняв голову, он смотрел далеко вперед, словно в последний раз хотел увидеть что-то дорогое и близкое. Так оно, конечно, и было. Не трудно было угадать его мысли всякому, кто внимательно на него смотрел. Но Байсангур не был подавлен, его лицо выражало то мужественное достоинство, с которым ему, как и всем его соратникам, приходилось встречать смерть.

Старший офицер зачитал приговор, согласно которому обвиняемый приговаривался к смертной казни через повешение за вооруженное сопротивление Российскому государству и за многочисленные преступления, совершенные против власти.

Неожиданно в толпе появилось какое-то движение и послышались голоса: «Таш адам! Таш

адам!» Люди начали продвигаться вперед к центру, и голоса стали звучать все громче.

Байсангур услышал, как люди произносят его второе имя, столь дорогое и значительное для него, поскольку оно было заслужено проявлением беспримерной отваги и стойкости за долгие годы борьбы за свободу. Он слегка улыбнулся и наклонил голову в знак уважения к тем, кто в трагическую для него минуту проявил к нему сочувствие.

Большое начальство, которое находилось на возвышении, встревожилось – ему было явно не по душе людское волнение. Генерал-майор подумал про себя: «Если эти звери взбунтуются, неизвестно какая здесь заварится каша. Кто знает, что взбредет в голову этим дикарям?..» Он беспокоился о том, что чеченцы, пришедшие на казнь своего соплеменника, могли пойти на сговор с дагестанцами и поднять здесь бунт. И тогда это могло закончиться большим кровопролитием, что никак не входило в планы генерала-майора. Он махнул белой перчаткой офицеру, проводившему казнь. Тот немедленно отдал приказ солдатам, и они, направив штыки вперед, повернулись лицом к толпе. Барабанщики застучали в барабаны. Толпа стихла. Офицер жестом остановил барабанщиков и громко провозгласил:

– Тому, кто уберет стул из-под преступника, командование выделяет один рубль серебром. Если кто-то изъявит желание это сделать, деньги он получит немедленно.

Среди людей послышались недовольные возгласы. Байсангур не знал, о чем говорит офицер. Он смотрел на людей, пытаясь понять, что происходит.

– Что говорит этот неверный? – спросил он громко, надеясь, что его услышит тот чеченец, с которым он недавно говорил.

– Он сказал, что они дают рубль тому, кто уберет из-под тебя стул, – крикнул в ответ молодой чеченец.

– Пусть будут прокляты эти мерзавцы! Какое коварство они задумали!.. – в сердцах прокричал Байсангур.

Офицер еще раз провозгласил решение командования. Но никто из толпы не выходил. Байсангур тихо молился, опустив голову на грудь. Нет, такого он не ожидал. Это было для него хуже, чем сама смерть – умереть так позорно. Нет, такого допустить он не мог!

Офицер посмотрел в сторону генерала. Тот кивнул головой.

– Командование дает три рубля тому, кто уберет стул! – объявил офицер.

Наконец из толпы вышел один человек. Он был очень тщедушным и хилым, в нем не было ничего достойного, что могло бы украсить настоящего горца: под носом несколько волосинок, напоминающих усы, горбатая спина и длинные худые руки. Трудно было сказать какой он национальности, на нем была черкеска, баранья шапка и обувь из сыромятной кожи. Люди молча стояли и смотрели на него. Он подошел к офицеру. Тот указал на стул.

Байсангур увидел это существо, которое за жалкие деньги было готово продать свою честь, совесть и достоинство горца. Великий гнев вскипел в нем, и бешеным пламенем засверкал его единственный глаз:

– Не подходи ко мне, ублюдок! Я разорву тебя в клочья! – прорычал он, как раненый лев.

Человек остановился. Он догадался, какая угроза исходит от стоящего под виселицей калеки, и его обуял страх. Конечно же, он был трус, только трусливый негодяй мог совершить то, что он собирался сделать.

Но жадность взяла верх, негодяй вырвал стул из-под единственной ноги Байсангура. Израненное пулями, закаленное в пороховом дыму, прошедшее сквозь холод, голод и лишения мужественное тело старого воина осталось висеть на виселице.

Людская толпа отшатнулась и застыла на какое-то время. Это была ужасная картина, трудно было на это смотреть. Люди бросились бежать с площади. Задние давили на передних, те падали с проклятиями, крики, стоны, плач женщин – все перемешалось в один большой хаос.

– Джума, не упусти из вида эту гадину, мы не можем его выпустить, – сказал своему товарищу тот самый молодой чеченец, который в толпе разговаривал с Байсангуром. Он имел в виду того человека, который убрал стул.

– Этот гяур там, впереди, мы его не упустим, будь уверен! – ответил его товарищ. И они стали выбираться из толпы, стремясь нагнать преда-

теля, который старался как можно быстрей покинуть площадь.

Подлый замысел генерал-майора осуществился. Ему удалось посеять семена вражды между горцами. Подготовив заранее человека, чтобы он убрал стул, генерал и его окружение смогло рассорить горцев на какое-то время. А это очень устраивало царское командование, ведь враждующими сторонами легче управлять.

– Ну что же, господа, хорошо то, что хорошо заканчивается, – сказал генерал-майор Кемпферт, когда увидел смерть Байсангура. – Пойдемте, одним фанатиком стало меньше... Пусть его казнь будет назиданием для остальных.

Он ушел с площади с офицерами и дамами, которые его окружали. Ушли также и господа, стоявшие рядом с помостом. Вскоре площадь опустела. Осталось тело на висилице и несколько солдат, которые его охраняли.

Через несколько дней тело Байсангура выкрали и тайно похоронили на кладбище небольшого чеченского села, расположенного недалеко от Хасавюрта. Его похоронили, как всех погибших в газавате. Но на века осталось жить его славное имя, которое стало символом мужества и стойкости для многих поколений в Чечне.

А человек, который согласился убрать стул из-под Байсангура, был жестоко убит. Когда люди разошлись с площади, те двое чеченцев догнали его и зарубили кинжалами. На второй день его труп с дырявой копейкой во рту нашли на окраине Хасавюрта. Так он и пролежал там долгое время, и никто не подходил к нему.

ШЕЙХ МАНСУР

День выдался по-летнему теплым и солнечным. Природа благоухала, радуя людей пышной зеленью гор и полей, роскошью садов, раскинутых в долинах и на склонах гор, сиянием снежных вершин и прохладой горных рек.

«Как милостив к нам Всемогущий Аллах, ведь Он дал нам этот благословенный край! Родина отцов! Здесь жили наши предки, сейчас живем мы, и еще много лет будут жить наши потомки, Иншааллах», – так думал юноша-пастух, лежа на распахнутой бурке и смотря, как в синем небе плывут крупные белые облака, которые приобретали причудливые формы, напоминающие людей, животных и зверей.

Недалеко от него паслись овцы, которые поднимались по склону горы, с хрустом поедая сочную, после недавнего дождя траву. Они передвигались мелкими шажками, то и дело своим шумным фырканием отгоняя жуков и кузнечиков в траве.

За их передвижением строго следил огромный сторожевой пес, который не давал овцам далеко отойти. Он то и дело вставал и тяжелым шагом обходил отару, сгоняя ее в круг. Но овцы

в поисках свежей травы вновь и вновь разбредались по склону.

Мысли юноши прервало громкое лаяние собаки. Он быстро приподнялся, сел и посмотрел в его сторону. По склону поднимался седобородый старик. Он опирался на посох и неспеша преодолевал подъем. Шаг его был легким, степенным, движения плавными.

– Борз, назад! Нельзя! – крикнул юноша собаке. Но вошедший в раж пес и не думал останавливаться, он с лаем и во всю мощь своего крупного тела неумолимо приближался к путнику.

Старик спокойно остановился, поднес кулак ко рту, что-то прошептал в него и выставил руку вперед ладонью вверх. Пес остановился в метре от него и лег на землю, положив большую голову на лапы. Юноша стоял как вкопанный, потеряв дар речи, удивленный странным действием старика.

– Ваши, извините меня! Я не успел отогнать собаку. Добрый день, – сказал он, подойдя к старцу.

Старик внимательно посмотрел на юношу. У того было благородное и мужественное лицо с правильными чертами, высокий рост и крепкое сложение говорили о его недюженной силе.

– Да полюбит тебя Аллах, Мансур! Не беспокойся, собака не могла мне навредить.

– Извините, но мое имя Ушурма.

– Да, я знаю, но миру ты будешь известен как Мансур.

– Вы говорите очень странно, мне трудно Вас понять.

– Понимаю тебя... Меня зовут Абдаллах. Я послан к тебе, чтобы сказать: отныне ты будешь служителем Аллаха, будешь нести слово Божье народу.

– Но я простой, неграмотный пастух, как я могу что-то дать людям?

– Не волнуйся, нет ничего невозможного для Аллаха! Ты скоро будешь читать Коран лучше любого муллы, а в речи никто из алимов вашего края не сможет превзойти тебя.

– ИнналиллахI! Неужели это возможно?

– Да, Мансур, все так и будет. Твое имя означает «победитель», ты поведешь за собой целую армию, люди поверят тебе.

У старика было очень умное и немного строгое лицо, выразительные и не по годам молодые глаза. Во время разговора он внимательно смотрел в лицо собеседника и, казалось, что его взгляд насквозь пронизывает человека. Загадочный старец сказал:

– Мансур, тебя провозгласят имамом, ты возродишь в народе Ислам и возвестишь о том, что этот мир будет уничтожен.

Абдаллах стал рассказывать юноше о предстоящих событиях. Все это было для Ушурмы очень странно, и ему трудно было в это поверить...

Но все случилось, как предсказывал мудрый Абдаллах. Мансур с увлечением стал изучать арабский язык и вскоре научился читать Коран.

Он стал совершенствовать свои знания, посещая видных алимов Чечни и Дагестана. Чем больше он получал знаний об Исламе, тем больше ему хотелось делиться ими, говорить с людьми, наставлять их на путь истины. Мансур – многие стали уже называть его этим именем – все чаще стал говорить с людьми своего и других сел при каждом удобном случае. Конечно, у него появились и недоброжелатели, которые стали клеветать на него:

– Кто он такой? С каких пор пастухи стали алимами? Разве он не сын бедняка Шаабаза? Был ли в их роду хоть какой-нибудь мулла?

Конечно, Мансур знал о том, что за его спиной злословят недобрые люди, видел их колючие взгляды на сельских сходах, слышал их колкие реплики, но не обращал внимания на их старания очернить и унизить его. Он твердо знал, что ведом Аллахом и находится под Его защитой.

– Братья мусульмане! Всемогущий Аллах призывает нас к вере. Только святая вера в Аллаха может спасти нас от неминуемого наказания в Ахирате. Укрепляйте свою веру, молитесь, совершайте намазы, очищайте тела и души от всего греховного, от всего, что может свидетельствовать против вас в День суда! – призывал Мансур своих единоверцев.

Вскоре о его пламенных речах стало известно во всей округе, послушать его проповеди приходили люди из других сел. Слава о молодом, но очень правдивом и искреннем алиме разнеслась

по всей Чечне. В его родное село Алды съезжалось много народа, чтобы узнать о нем больше, увидеть и поговорить с ним.

Люди ждали от Мансура чудес, поскольку в их понятии «святой», «имам», «божий человек» или как бы его не называли, должен был творить что-то необыкновенное, что-то божественное. И скоро у них появилась реальная возможность убедиться в божественном даре Мансура. В начале февраля 1785 года он предсказал:

– Через несколько дней услышите громыхание неба и задрожит земля. Кайтесь, люди, молитесь Аллаху, просите Его о милости к себе!

Действительно в ночь с 12 на 13 февраля произошло землетрясение не только в Чечне, но и на всем Северном Кавказе. Горцы, услышавшие о предсказании имама, были ошеломлены и охвачены страхом. В Мансура поверило огромное количество людей, и он был признан имамом всех мусульман Кавказа.

Вскоре весть о чеченском «проповеднике» дошла и до царицы Российской империи. Но она не придала всей этой истории о новоявленном «святом» большого значения. «Имама Мансура почитаю за сказку», – заявила Екатерина Вторая, когда ей рассказали о Мансуре. Ей часто приходилось слышать подобные байки, доходившие до ее венценосного слуха с обширных краев необъятной империи. Но тем не менее она поручила собрать о Мансуре больше сведений и выяснить, насколько опасна его деятельность для государства, которым она управляла.

В Чечню были направлены лазутчики, которые дошли до Алдов и воочию убедились, насколько сильно было влияние имама на горцев. Императрице доложили о волнении горцев, о том, что они собираются вокруг новоявленного имама и готовы в любой час выступить против ее величества. Она дала распоряжение немедленно задержать имама и его окружение, а в случае сопротивления уничтожить их.

В горы в срочном порядке был направлен отряд под командованием полковника Николая Пиери. Тот посчитал, что несколько рот солдат и казаков и две легкие артиллерийские пушки вполне достаточны для поимки мятежников.

О приближении к Алдам российских солдат стало известно сторонникам Мансура. Они тотчас сообщили об этом имаму. Мансур приказал всем жителям покинуть село и укрыться в лесу. Сам со своими соратниками он перешел в ущелье, которое лежало недалеко от села, и лег в засаду в лесу, с двух сторон от дороги. Мансур знал, что солдаты из Алдов могут пойти обратно только по этому единственному пути.

Было лето. Буйная зелень покрывала лесной массив на горах. Стоял изнуряющий зной. Поедая по пути невиданные им доселе диковинные фрукты, которыми были усеяны стоящие по дороге деревья, солдаты Пиери приблизились к селу.

Село было пусто. Лишь собаки стали неистово лаять, когда в их селе появилось множество чужих людей. Но солдаты выстрелами из

ружей убили нескольких из них, а остальные быстренько укрылись в зарослях кустов и в густой кукурузе.

Пиери приказал осмотреть село, нет ли кого из жителей. Вскоре к нему привели седобородого старца, единственного кто остался и не покинул село.

– Куда ушли жители? Ты кто? – спросил полковник через переводчика.

– Не нужно переводить, я говорю по-русски, – сказал старик на чистом русском языке к немалому удивлению Пиери и окружавших его офицеров. – Жители ушли, когда увидели ваше приближение. Куда они ушли, я не знаю.

– Откуда ты так хорошо знаешь русский язык? Ты житель этого села?

– Я знаю много языков, в том числе и русский. Мое имя Абдаллах, в последнее время я жил в этом селе.

– Ты удивительный старик! Надо же, так хорошо говоришь по-русски. Где Мансур? – спросил Пиери.

– Не знаю, где он. Но думаю, что он находится недалеко отсюда.

– Почему ты так думаешь?

– Просто, он не мог далеко уйти за столь короткое время.

– Да, это верно. Ну что же, Абдаллах, ты меня немало удивил, я отпускаю тебя. А с Мансуром мы быстро покончим, ему никуда не уйти от моей кары!

– Как знать, как знать, господин полковник, пути Аллаха нам неведомы.

– Ладно, уходи, пока мы не сожгли село... – сказал, поморщившись, Пиери: ему явно были не по душе слова этого загадочного старца.

Абдаллах ушел в сторону села и вскоре исчез на одной его узких улочек.

Пиери приказал забрать из домов все, что можно унести в руках и увезти на подводах, и спалить село. Солдаты, как толпа кровожадных варваров, бросились по хижинам и стали хватать и выносить все, что можно было забрать с собой. Это был самый настоящий грабеж, и если бы кто-то из жителей, оставшийся в селе, попробовал воспрепятствовать разграблению, он был бы заколот штыком или застрелен на месте. Алчность царских вояк не знала предела, они хватали все, что имело ценность в их глазах, и даже то, что вряд ли могло им пригодиться в жизни.

Солдаты стали нагружать награбленным добром захваченные тут же телеги, сгонять скотину, что попалась под руку, хватать домашнюю птицу и вывозить все из села, в котором уже полыхали легкие, крытые камышом дома сельчан. Пиери приказал подчиненным спуститься с горы по широкому ущелью, которое выходило из села к реке Сунже.

Отряд, нагруженный захваченным в Алдах добром, растянулся по ущелью. Пиери и его свита из офицеров ехали впереди на лошадях. Солдаты, опьяненные легкой победой без единого выстрела, нагруженные добычей, шагали в обозе без всякого порядка в передвижении и

весело горланили песни. Они уже успели на радостях выпить выданную им водку и были в хорошем настроении.

...Первый выстрел из густого леса сразил наповал тучного майора из окружения Пиери.

– Спешиться! Занять оборону! – скомандовал полковник.

Следующие выстрелы сразили еще два-три десятка солдат. В отряде Пиери началась самая настоящая паника. Солдаты бросались на землю между телег, скота и всего барахла, которое они захватили в селе и которое сейчас им только мешало обороняться от сумасшедшего огня горцев. В ущелье стоял невообразимый хаос: меткие выстрелы из кремневых ружей чеченцев, паника в рядах солдат, рев скотины, крики командиров, призывающих подчиненных к обороне. Артиллеристы произвели несколько выстрелов в лес, но они не дали никаких результатов, ружейный огонь горцев лишь усилился. Пиери нес невосполнимые потери, на его глазах армия теряла свое лицо, дух и живую силу. Он понял, проиграв этот бой горцам, он потеряет все: честь офицера, достоинство дворянина и имя командира.

– Солдаты! – крикнул Пиери, поднявшись во весь рост и выхватив шпагу, – покажем этим голодранцам-горцам, как воюет русский солдат! В штыки! За мной!

Он бросился вверх по склону горы, увлекая за собой небольшую горстку офицеров и солдат. Но когда они все дружно закричали «Ура!», под-

нялись и другие воины. Рядом с полковником бежал его адъютант – молодой унтер-офицер с кавказской внешностью. Он старался выйти вперед и прикрыть собой командира. Им удалось пробежать шагов двадцать, но, сраженные пулями невидимого врага, оба упали на горячую, опаленную нещадным летним солнцем землю. Пиери умер, успев прохрипеть: «Вперед...». Молодой унтер-офицер был ранен в плечо, потеряв сознание, он лежал на траве, истекая кровью. Атака Пиери захлебнулась, из тех, кто бросился в нее, полегло больше половины. Оставшиеся в живых отступили к обозу и укрылись кто где. Горцы стреляли с обеих сторон ущелья так, что невозможно было поднять голову.

Мансур переходил от одной группы своих бойцов к другой и подбадривал их:

– Машаллах! Братья, вы видите, как Аллах нам помогает?! Без единой потери мы одерживаем победу! В рядах врага паника, солдаты сломлены духом, и у них нет сил противостоять нам! Но будем великодушны к тем, кто сдается в плен и не оказывает нам сопротивление, ибо так нас учит наш Пророк Мухаммад, сола алейхи ва ссаллам! Пленных не убивать! Забирать только оружие, оно нам пригодиться в скором будущем.

Узнав, что Пиери убит, один из его заместителей взял на себя командование обороной. Он не видел другого пути, как отступить к реке, чтобы сохранить живую силу отряда. По цепи передали приказ нового командира: «Отступить

вниз к реке! С собой, кроме оружия, ничего не брать!» Солдаты стали спускаться к реке, до которой они надеялись дойти, чтобы вплавь перебраться на другой берег и укрыться там от ружей врага. Но неожиданно горцы с криками бросились в атаку, с ловкостью барсов прыгая по камням и сбегая с горы. Впереди бежал Мансур с кинжалом в руках. В кинжальном бою ему не было равных, настолько хорошо он владел и кинжалом, и шашкой. Подбежав первым к солдатам, он начал крушить их направо и налево. Началась жестокая сеча.

– Огонь по врагу! В штыки! – кричали иступленно командиры, но их приказы тонули в общем хаосе. Артиллеристам не удалось сделать ни одного выстрела, настолько неожиданной была атака чеченцев. До реки удалось добежать лишь небольшой группе солдат, но меткими выстрелами бойцы Мансура потопили их.

Вскоре все закончилось, то, что не сделали ружья, закончили кинжалы и шашки горцев. Все, кто оказал сопротивление, были заколоты или зарублены.

Отряд Пиери понес большие потери: только убитыми во главе с командиром было более тысячи человек, более сотни сдалось в плен, было очень много раненых.

Мансур обходил пленных, смотрел военные трофеи, особенно его обрадовало, что обе пушки, захваченные в бою, целы и к ним есть еще достаточно большой запас пороховых зарядов.

– Мансур, посмотри, кого мы взяли в плен. Это, кажется, кто-то из кавказских князей!

Перед имамом стоял бледный юноша с кавказской внешностью, который, несмотря на слабость от большой потери крови, держался очень достойно, с высоко поднятой головой. Мансур вспомнил, что в бою этот молодой офицер пытался заслонить собой командира.

– Кто ты, юноша? – спросил Мансур через толмача.

– Я князь Багратиони, унтер-офицер Астраханского пехотного полка Ее императорского величества, – ответил юноша, глядя в лицо имаму.

– Ты смелый воин, я видел тебя в бою. Ты грузин?

– Да, грузин.

– Ну что же, князь, смелых людей чеченцы уважают, какой бы нации они не были. Тебе окажут необходимую помощь.

– Спасибо, уважаемый шейх! Вы очень великодушны.

– Перевяжите ему раны, окажите помощь. Когда придут парламентеры, отпустите князя и всех раненых, – распорядился Мансур. Багратиони перевели слова шейха, и в его глазах блеснул огонь благодарности:

– Спасибо, шейх Мансур! Я не забуду Вашей милости ко мне, – князь положил руку на сердце в знак благодарности.

Бой закончился. Чеченцы уложили рядами трупы убитых солдат и офицеров на чистое место и стали оказывать помощь раненым.

Это была первая громкая победа имама Мансура в первом же бою в обороне его родного села

Алды. Но она была очень значима и для него и для тех, кто пошел за ним и встал на путь борьбы за независимость.

Слава о Мансуре разошлась по всему Кавказу. К нему стали стекаться горцы из соседних краев – из Дагестана, Кабарды, Черкесии, Адыгеи.

Вскоре у имама сформировалась боеспособная крупная армия – отчаянные, готовые драться за свою свободу гордые и непреклонные горцы. Впереди было много сражений, побед и поражений, но была немеркнущая слава, которая навсегда была связана с этим именем: Шейх Мансур.

Вечерело. Мансур, отойдя в сторону от соратников, сел на камень, согретый за жаркий солнечный день. Он задумался и не заметил, как к нему подошел Абдаллах.

– Мансур, как ты? Устал? – спросил старец.

– А, это ты, Абдаллах? Добрый вечер. Нет, я не устал, – встав во весь рост, имам приветствовал старца.

– Впереди много трудностей, Мансур. Будут удачи и поражения. Тебе надо быть готовым к ним. Я говорил тебе: у тебя особая роль, ты избран для служения Аллаху. За короткое время ты многое успел сделать, но многое нужно еще сделать. Ты готов?

– Да, я готов. Моя жизнь принадлежит Аллаху, и я всегда готов Ему служить.

Февраль-март 2020 года,
Грозный

СЕРДЦЕ МАТЕРИ

В тот год стояла погожая осень. Дни были ясные, наполненные свежим осенним воздухом. Листья на деревьях еще не опали, кое-где оставались даже их зеленые собратья. «Лето и не собирается уходить», – появлялась мысль, глядя на осеннюю, буйную в ярких красках природу без дождей и слякоти.

В природе все было свежо и приятно, и осень навевала тихое смирение и покой. А вот в жизни людей стоял хаос, который усиливался день ото дня. В Грозном продолжался бесконечный митинг – страсти кипели, как лава в проснувшемся вулкане, люди никак не могли поделить власть и все, что с ней связано. Некоторые горячие головы посылали угрозы в адрес России и предлагали захватить Москву вместе с Кремлем впридачу.

В то же время другие пытались занять должностные кресла, хотя прекрасно понимали, что ни кресла, ни должности с ними связанные ничего в данной ситуации не решают. Но велико было желание у отдельных «деятелей» стать начальником и похвастаться своей должностью.

Были и третьи, кто под шумок, пока остальные совершали «революцию» и устанавливали «независимость», вывозили из республики все,

что имело цену и продавалось в других регионах страны: технику, оборудование для промышленных и сельхозобъектов, стройматериалы, сырье.

Но были бедные, несчастные жители этой воинствующей республики, которые не знали, как прокормить своих детей, как сберечь их от надвигающейся беды, как сохранить свои семейные очаги. И таких было много – большинство населения.

В конце концов случилась война, как будто в угоду ее поджигателей. Ситуация в республике сильно усложнилась. Федеральные войска пытались захватить Грозный. Чеченские боевики оказывали им ожесточенное сопротивление. Такого жестокого сражения Грозный никогда не видел – все живое гибло в его огне. Один из красивейших городов Кавказа безжалостно уничтожался в этой жестокой и бессмысленной бойне. То, что люди создавали годами, десятилетиями гибло в одночасье от пушечных снарядов, мин и ракет. Здесь был настоящий ад. И воюющие, кажется, забыли о Боге, о земле и мире. Число человеческих жертв росло с каждым днем, и мирных жителей гибло гораздо больше, чем федералов и боевиков.

Война затянулась на дни, недели и месяцы.

«Выходите, достойные мужчины! Разве вы не чеченцы?» – призывал с экрана телевизора какой-нибудь «деятель», и самые достойные, красивые и благородные молодые люди уходили в пекло войны и гибли там. Им казалось, если

они не выйдут из дома после таких призывов, то никогда не избавятся от позора.

Также, как и они, на призыв зазывалы откликнулся и Ислам, единственный сын и опора матери Забу из села Бетар-юрт. Он перед войной закончил в Грозном нефтяной институт, но не успел ни устроиться на работу, ни жениться. Ислам был высокий, широкоплечий юноша. И у многих девушек учащенно бились сердца, когда они его встречали.

Мать не смогла остановить Ислама, когда, услышав очередной призыв по телевизору, он собрался на войну.

«Остановись, Ислам! Ты же у меня единственный сын! Я уже не молода, так хотела увидеть, что ты женишься и заведешь семью! О, Ислам! Я прошу тебя, не ходи туда! – кричала неистово и плакала несчастная мать, когда сын покидал их дом.

«Мама, не останавливай меня! Мне стыдно показаться на улице. Мои друзья на войне, и я не смогу сидеть дома. Прошу тебя, отпусти меня... прости меня, мама!»

Мать лишилась сил и упала во дворе. А сестра Румиса долго бежала за братом, плача и прося его вернуться, но он уехал, махнув рукой на прощание. Прошла неделя, другая, затем месяц и еще долго времени, как он ушел из дома, но о нем ничего не было известно.

Забу была вдовой. Ее муж умер пятнадцать лет назад, и она одна воспитывала сына и дочь. Забу была достойной женщиной, никто не мог

сказать о ней ничего плохого. Она не боялась трудностей, честно работала, поэтому, наверно, Бог заботился о ней. Сын закончил институт, дочка училась в медучилище, да война помешала продолжить учебу.

Когда Ислам пропал, родственники, как могли, искали его, но он как в воду канул, никаких следов не удалось найти. Те, кто был с ним в первое время, говорили, что его куда-то послали с заданием, и после этого его не видели. Затем кто-то сказал, что видел его среди раненых. После этой новости Забу была сильно встревожена и рвалась в город, в это пекло. Дочь и родственники еле удерживали ее от этой поездки.

Забу работала техничкой в больнице своего села. Вот уже два года, как она здесь трудилась. Ей нравилось работать в больнице, от ее дома было недалеко, и каждый день она была среди людей.

Ей нужно было убирать палаты, где лежали больные, мыть коридор, поддерживать чистоту в доверенном ей месте. Она прекрасно справлялась с работой, содержала в чистоте свой участок работы. В течение всего года она выращивала здесь, в больнице, цветы, поливала их, заботилась о них, как-будто они были у нее дома. Эти цветы создавали особый уют в хирургическом отделении, где Забу работала. Взяв с нее пример, и в других отделениях стали выращивать цветы, они появились в кабинетах врачей и медсестер.

Но, когда началась война, пришлось забыть и цветы, и мирную жизнь, и все, что с ней свя-

зано: в больницу нескончаемым потоком стали поступать раненые. У врачей вообще отдыха не было: операции, перевязки, размещение больных в палатах и коридорах занимали у них все время.

У Забу, как и у других техничек, прибавилось работы в эти дни: они с трудом успевали убирать за боевиками пыль и грязь. А говорить вооруженным людям, чтобы не носили грязь, было бесполезно – они чистоту вообще не соблюдали, на замечания отвечали грубо.

«Хоть война, хоть горит все синим пламенем, у человека же должно быть достойное поведение. Разве не чеченская мать вас родила и воспитала? И перед ней бы вы вели себя столь недостойно? – без конца ругалась с ними Забу.

«Забу, успокойся, они сильно озлоблены. Так и до беды недалеко. Разве ты не видишь, у них оружие?» – говорили ей другие технички.

«Клянусь Кораном, они ничего мне не сделают! Пусть хоть один до меня дотронется! Я, как сумасшедшая, подралась бы с ними, – распалялась Забу.

Так проходили ее дни: днем – работа, домашние дела, а ночью – страдания от тоски и переживаний по сыну. Много раз дочь Румиса находила ее то на крыльце дома, то под навесом навзрыд рыдающую:

– Мой мальчик, дорогой мой Дага (так она его называла своим, материнским, именем), как же ты меня огорчил, как разбил мое сердце. И помочь-то мне некому, нет у меня ни отца-

матери, ни брата с сестрой, сердце мое сиротское разбито. О-о, мой Дага, где ты, мой сын? Зачем ты ушел, не послушав свою мать? Ведь ты же никогда мне не перечил...

– Мама, не плачь! Тебе же нельзя, ты не здорова!

– Пусть я умру, тогда мне не пришлось бы... Мне бы не пришлось терпеть эту муку.

– Мама, он вернется, не переживай так!

– Нет! Нет! Не вернется, Румиса, нет! Он не вернется.

– Нельзя так отчаиваться, мама!

– Я не отчаиваюсь... Но сердце мое готово разорваться от страданий, будь оно не ладно!

Кто, как, какими словами мог утешить бедное материнское сердце? Во всем белом свете не было никого, кто мог прийти ей на помощь.

В свое время пришла зима, но она была удивительная в том году – на улице ни снежинки. Пыль на дорогах, как летом, и люди ходили легко одетые. Никакого мороза не было. « Бог смилостивился над людьми, страдающими от ужасов войны, прислав мягкую зиму», – говорила старики.

Война приблизилась к Бетар-юрту, разрывы снарядов за рекой Аргуном были так ощутимы, как будто они разрывались на околице села.

Теперь раненых в больнице стало еще больше. Многие известные врачи, которые раньше работали в Грозном, оказались здесь, в Бетар-юрте, открыв в местной больнице полевой госпиталь.

Однажды по больнице прошел слух: «Привезли раненого русского солдата!» Чеченские боевики находились в здании бывшего детского садика. Там же находились и пленные российские солдаты. Очень юные, можно сказать, совсем зеленые мальчишки. Некоторые из них в своем первом же бою, не успев даже раз выстрелить, в шоковом состоянии попали в плен.

Но их жизнь в плену была не так уж плоха: их кормили два-три раза в день, у каждого было место, где он мог спать, никто над ними не издевался, не бил их. Наоборот, их берегли, потому что на них могли обменять попавшего в плен к федералам чеченского боевика. Но нередко пленных с обеих сторон просто выкупали, заплатив определенную сумму, которую, конечно, отдавали родственники. Таковы были «неписанные» законы этой войны.

Вот и этот пленный получил в бою сильные ранения, его оставили, когда переходили на другую позицию, подумав, что он уже умер. Чеченские разведчики наткнулись на него и, узнав, что жив, доставили в Бетар-юрт.

Забу увидела русского юношу, когда его на каталке везли в палату после операции. На лице больного не было ни кровинки, и тело его под белой простыней не шевелилось. Его положили в маленькую палату, где стояли две кровати. Врачи еще не успели его перенести на кровать, как в дверях появился вооруженный боевик:

– Меня прислал командир охранять пленного, – заявил он.

– Ну что же, охраняй. Правда, сейчас он не в состоянии, чтобы понять, что его охраняют, – сказал хирург, который сделал операцию пленному.

У Забу заныло сердце, когда она увидела раненого русского парня, – она сразу подумала о своем Исламе: «О Боже, где же он? Жив ли? Может тоже, как этот бедняга, где-то лежит раненый. Если бы была о нем хоть какая-нибудь весточка, бросила бы все, и ушла хоть на край света за ним. Бедный мой Дага, как же ты пропал...». У женщины невольно потекли слезы из глаз, когда она смотрела на раненого. Наклонившись, чтобы никто не видел ее слез, она стала быстро протирать пол, хотя совсем недавно протерла его.

Состояние раненого было тяжелое. Когда прошел наркоз, он пришел в себя и начал стонать. «Мама, Мама!» – повторял он часто, зовя на помощь ту единственную на свете, кто могла бы ему помочь.

Услышав, как юноша зовет мать, не помня себя, Забу вошла в палату. «О, бедный! Как же ты страдаешь,» – было в ее голове. Она быстро пошла и привела медсестру к больному:

– Лайла, помоги этому мальчику. Как же его жалко.

Лайла сделала укол для снятия боли, и скоро раненому стало легче – стоны прекратились, через несколько минут он уснул. Никому: ни врачам, ни медсестрам, ни техничке Забу не приходило в голову, что раненый «враг, который с оружием в руках пришел нас убивать».

Этот русский юноша, недавно перенесший тяжелую операцию, потерявший много крови, был просто больным, беспомощным пациентом. Ему нужна была помощь, и врачи делали все, что было в их силах. Для них он был больной, как и другие. Они не делили больных по национальности, цвету кожи, религии и их материальному состоянию. У врачей своя этика на этот счет: оказать помощь всем, кто в ней нуждается. Ведь они дают клятву, когда получают свою специальность, – она называется «Клятва Гиппократа».

На улице была ранняя весна. Уже зазеленели поля, и на деревьях появились первые, еще совсем крохотные листья. Воздух был чист и свеж, каким он всегда бывает весной.

Состояние раненого русского было не очень хорошим. Запавшие глаза, худые, как плети, руки, торчащие ребра – ему не становилось лучше, он таял день ото дня. Он был несчастным пленным, и некому было за ним ухаживать, заботиться и утешать его. Единственная одна Забу жалела его и старалась, как могла, облегчить его страдания. Каждый раз, когда она шла на работу, Забу приносила юноше что-нибудь поесть, потому что в больнице в это время больных нечем было кормить.

В один день, войдя к больному, хирург тщательно его осмотрел, и пощупав раны, сказал:

– Придется сделать еще одну операцию.

Без того бледный больной совершенно посерел от такой новости. Наверно, он подумал, что ему не выдержать еще одну операцию.

– Доктор, без операции не обойтись... никак?

– Придется сделать. Не бойся, все будет хорошо, здесь очень хорошие хирурги.

От отчаяния больной повернулся к стене. Его плечи вздрагивали – бедняга плакал. Забу хорошо говорила по-русски, в свое время она закончила восемь классов. Она услышала их разговор, и когда доктор вышел, зашла к юноше.

– Не надо плакать, Саша. Ты быстро выздоровеешь после операции. Я дам тебе свою кровь. Моя кровь подходит всем – у меня первая группа.

Жалеющая всех несчастных и страдающих Забу была готова заплакать в любую минуту. Когда юноша повернулся к ней, он увидел слезы на глазах у женщины

– Спасибо тебе, Забу. Такого доброго человека, как ты, я еще не встречал.

На второй день Саше сделали новую операцию. Она прошла очень удачно. Как она и обещала, Забу дала свою кровь русскому парню. Она и сама не знала, зачем она это делает. В ее голове была одна странная мысль: «Если ты поможешь этому русскому, то твой сын вернется ... он будет жив». Но дело было не столько в этой мысли, которая толкала ее на добрые, человечные поступки, как в том, что сердце чеченской женщины, матери, которое привыкло сочувствовать, жалеть, не оставляло ее равнодушной, оно призывало ее к подобным поступкам. Чеченская мать, сколько же в тебе милости, какое

щедрое и чуткое у тебя сердце! Ты готова прийти на помощь любому, не жалея себя!

Через несколько дней Саша уже мог вставать, передвигаться. Угроза для его жизни прошла, и состояние юноши день ото дня улучшалось. Он все еще ходил с костылями, потому что помимо внутренностей у него пострадали и ноги. Но молодость победила – не далеко было то время, когда он готов был окончательно выздороветь.

Забу внимательно следила за ним. Некоторые его манеры ей напоминали манеры Ислама: улыбка, неторопливый разговор, умеренность в еде. Может, это все казалось бедной матери, уже столько дней ждущей известий от сына, что этот русский пленник похож на ее Ислама.

Время шло. В больнице уже не было столь много больных, как два-три месяца назад. Выздоровевшего забирали родственники или боевики.

Теперь и работы у Забу было не так уж много: на улице было сухо, как раньше люди не заносили грязь в помещение больницы. Прошло два года, как персоналу не выплачивали зарплату – еще с довоенного времени. Но сейчас бо этом и говорить не приходилось. Некоторые из техничек не выходили на работу. «Зачем трудиться, раз зарплату не платят?» – рассуждали они. Но Забу работала, как и раньше. Ей было спокойно среди людей. «Если Бог даст, деньги будут. Не все же от них зависит. Слава Аллаху! Все в Его руках», – говорила она.

Забу часто приходила на работу и в вечернее время, когда заканчивала свои домашние дела. Весной много дел по хозяйству: посадить огород, побелить-покрасить в доме, убрать мусор, который накопился за зиму. Кроме этого, у нее были корова, теленок, куры – за ними тоже нужен уход. Конечно, со всеми этими делами справлялась и Румиса, но Забу любила участвовать в домашней работе, чтобы что-то делать самой. А вечером она часто брала с собой на работу Румису, чтобы побыстрей справиться с уборкой.

Сашу охраняли обычно один или двое боевиков. Они внимательно следили за его передвижениями по больнице, не отходя он него ни на шаг. Часто охранники сидели у него в палате на свободной кровати, расспрашивая его о доме, родителях. Они предупреждали его, чтобы он ни шагу не делал без их разрешения. Непослушание могло ему стоить жизни.

С тех пор, как Саша пошел на поправку, он становился все грустней и грустней. Он не знал что за участь ждет его. Забу часто видела его помрачневшим, задумавшимся.

– Что случилось, Саша? У тебя что-то болит? – спрашивала она участливо, когда никого не было в палате.

– Нет, у меня ничего не болит.

– Может, тебе нужно что-то?

Он задумался на какое-то время, затем сказал:

– Ничего не нужно. Спасибо тебе, Забу.

Хоть Саша и не сказал, но Забу все же узнала причину его грусти. Как только он выздоровеет окончательно, боевики его уведут. А они в последнее время были особенно злыми. Им приходилось понемногу отступать от Грозного и переходить в предгорье и в горную часть республики. Война затягивалась – с обеих сторон было много жертв.

Сашу боевики забрали бы с собой, ему оставалось не так много времени провести в больничной палате. Боевикам нужен был пленник, потому что это был живой товар, который можно было при желании продать или обменять на кого-то. Они еще раньше предупредили Сашу, чтобы он написал родителям письмо, прося выкуп за освобождение. Но юноша сказал, что у его родителей нет тех денег, которые они требуют. Если бы были, он не находился бы здесь. Так оно и было на самом деле. Саша был из небольшого городка, который находился в Ярославской области. Его родители трудились не покладая рук, чтобы прокормить семью. Парня призвали в армию и сразу же бросили в Чечню. А здесь уже через неделю он попал в плен.

Боевики с длинными по грудь бородами окружили его однажды в палате и стали угрожать: или он пишет письмо с просьбой выслать деньги, или его пустят в расход. Саша сказал, если он напишет хоть сто письмо, за него денег не пришлют, так что пусть они поступают с ним, как хотят. После такого разговора командир боевиков сказал: «Хорошо. Пока ты останешься здесь. Посмотрим, что с тобой делать дальше».

После того, как Забу узнала обо всем этом, в ее голову пришла шальная мысль: «Надо помочь парню бежать. К своим – за Аргун-реку». Изо дня в день эта мысль крепла у нее в голове. Она знала, что задумала очень опасное дело. Если бы боевики узнали об этом, то женщину могли расстрелять как предательницу. А вот пленника они бы избили и оставили в живых. Он должен был принести какую-то пользу, и не мог просто так быть убитым.

Забу не могла никому сказать о том, что она задумала, даже дочери Румисе. Она думала только об одном: если она поможет русскому парню, пленнику, то ее сын Ислам вернется домой. Такая сумасшедшая мысль была в ее голове. Она каждый день молила Аллаха: «О Всемогущий Аллах! Ты Один только, кого могу просить, Ты Один, кто может мне помочь. Ответь на мою молитву, я так несчастна, посмотри на мое разбитое сердце. Мой единственный сын пропал, я в таком горе. Я не прошу у Тебя, Всевышний, для себя ничего, я согласна на все, что Ты сделаешь, только верни моего несчастного сына Ислама домой. Дай мне увидеть день, когда он счастливо заживет». Так бедная женщина просила ежедневно, в каждой молитве. А теперь она надеялась, если поможет пленному, Бог исполнит ее желание.

Дальше нельзя было тянуть время – нужно было как можно быстрей закончить это дело. Забу рассказала Саше о своем замысле. Юноша внимательно посмотрел на нее:

– Забу, почему ты хочешь мне помочь? – спросил он.

– Саша, мне жалко тебя. Твои родители ждут тебя, и я хочу, чтобы ты благополучно вернулся к ним. По себе знаю, в каком состоянии твоя мать, ведь от тебя столько времени нет никаких вестей.

– Ты ставишь себя под большую угрозу. Стоит ли это делать?

– Стоит. Послушай меня. Бог поможет нам. Сейчас ты без костылей, идти сможешь. А дорогу я тебе покажу.

Сказав, чтобы вечером он был готов, Забу вышла из палаты, взяв свое ведро и тряпку. Она знала, насколько опасно то, что она задумала сделать, Это все равно как сквозь живой огонь пройти. А если не получится, сорвется, ее ждала позорная смерть. И самое ужасное было, что будут преследовать ее семью: «Забу погибла, пытаясь помочь какому-то русскому безбожнику. Она, верно, выжила из ума. Разве здравомыслящий способен на такое?» – так могли говорить те, кто не мог понять ее поступка.

Уже темнело, когда Забу с сумкой в руках вошла в больничный двор. Здесь в одном месте в заборе была большая дыра, и ей было удобно через нее пройти, а не то пришлось бы обойти здание, и выйти к воротам на другую улицу.

Она приступила к работе, но делала все совершенно машинально. В голове была одна мысль – молитва к Богу: «О Всемогущий! Помоги мне». Она быстро убрала в палатах и перешла

к уборке в коридоре. На улице уже стемнело. В больнице уже давно не было электрического освещения. Здесь пользовались керосиновыми лампами и свечками. На шкафу в коридоре стояла одна лампа, ее тусклый свет слабо освещал помещение. Но для Забу этого света было достаточно, а яркий свет ей теперь был совсем ни к чему. Она, работая, наблюдала за охранником Саши. Тот прислонил свой автомат к подлокотнику старенького дивана и молча сидел, изредка поглядывая на Сашину дверь. Когда Забу убирала в коридоре, редко кто выходил из других палат, чтобы лишний раз ей не помешать.

– Любезный, встань, отойди в сторону, пока я протру пол у дивана, – сказала Забу охраннику.

Тот встал и пошел взглянуть на пленника. Пленник спал, спрятав голову под одеялом. Кровать рядом с ним была пуста. Свет с коридора слабо освещал очертания тела пленника.

– Эй, русак, ты спишь? – спросил охранник. Ответа не последовало. Закрыв дверь в палату пленника, захватив свой автомат, охранник пошел в кабинет к медсестрам, который находился в конце коридора. Через некоторое время оттуда послышались веселые возгласы и смех. Для Забу было огромное везение, что боевик, охраняющий Сашу, ушел в конец коридора. Дальше откладывать начатое дело нельзя было никак. Женщина взяла швабру, тряпку и ведро и быстро отнесла их в маленькую комнату, где они хранили инвентарь и свои вещи. Она схватила

сумку, которую взяла с собой из дома, и поспешила к Сашиной двери. Ее сердце бешено колотилось, как-будто собиралось выпрыгнуть из груди: «Боже, что же это я делаю?» – возникла подлая, трусливая мысль. Но в ту же минуту она взяла себя в руки и вошла в палату.

– Саша, вставай скорей. Здесь в сумке ты найдешь все, что тебе нужно. Поторопись, у нас больше нет времени!

Юноша не спал. Он давно уже ждал Забу, прислушиваясь к голосам и шорохам.

– Хорошо, Забу, я буду готов через минуту.

Забу вышла. Через несколько минут из Сашиной палаты вышла стройная, высокая девушка в платье ниже колен, в темной жакетке и с легким платком на голове. Это был Саша в Румисиной одежде. Одеть юношу в женское платье – это был один из пунктов задуманного Забу плана. К счастью, не встретив никого в коридоре, они спустились со второго этажа, стараясь не споткнуться в темноте. Выйдя из больницы, они направились к забору, к тому месту, где была дыра. Неожиданно в темноте со скамьи из-под деревьев поднялся чей-то силуэт.

– Это ты, Забу? – спросил мужской голос, узнав в высокой женской фигуре Забу.

– Да, это я с дочерью, – ответила женщина и потянула Сашу за рукав, – Румиса, пойдем скорей, уже поздно.

Неожиданно прозвучавший грубый голос из темноты остановил Сашу. Он растерялся и встал, как вкопанный. Ему показалось, что они

попались. Но решительная Забу исправила положение. То, что боевик не подошел, было второе везение для них. Они быстро покинули территорию больницы и направились к улице, где жила Забу. Но в этой ситуации зайти к ней в дом они не могли. Проведя в темноте через село, Забу привела парня в долину Аргуна. На их счастье, ночь выдалась темная и за несколько метров ничего не было видно. Только в селе видны были слабые огни керосиновых ламп. Пройдя какое-то расстояние по долине, они услышали шум реки.

– Саша, здесь вода неглубокая, тебе будет не выше пояса. Перейди через реку и иди прямо. Там, на том берегу, будет кустарник и немного деревьев. Поднимешься на горку и пройдешь примерно метров триста. Так дойдешь до асфальтовой дороги. За ней – пустое поле, но по нему не иди, там могут быть мины. На той стороне находятся ваши. Ночью они могут открыть по тебе огонь, поэтому ты должен быть очень осторожным. До утра спрячься где-нибудь у дороги. А как увидишь колонну федералов, выходи на дорогу. А теперь поспеши, поменяй на себе одежду.

Далеко на северной стороне, там, где был Грозный, ракеты освещали небо, но их свет был слишком далек отсюда, и в долине Аргуна стояла кромешная тьма. Здесь был слышен ровный, не слишком громкий шум горной реки.

Юноша подошел, переодетый в свою одежду.

– Саша, храни тебя Бог. Я верю, что ты дойдешь. Но, прошу тебя, будь осторожен, как услышишь шорох, ложись на землю. Иди, прячась за кусты и деревья. Счастливо тебе добраться...

– Я не знаю, как мне отблагодарить тебя, Забу. Ты стараешься спасти меня ценой своей жизни! Ты удивительная женщина! Я тебя никогда не забуду! Если останусь жив, я постараюсь найти тебя. Спасибо тебе за все, что ты для меня сделала. Дай Бог, чтобы твой сын вернулся домой живой и невредимый.

Передав Забу сумку с одеждой Румисы, юноша скрылся в темноте.

– Я бы хотел, чтобы моя мама была, как ты, – услышала Забу, когда он отошел на несколько шагов.

Забу прослезилась:

– Настоящая мать всегда остается матерью. Но не дай Бог испытать никому долю матери, которая потеряла единственного сына.

Она медленно направилась домой. Ей удалось выполнить то, что она задумала.

Вот такое оно материнское сердце, полное добра, сострадания и любви. Ему не ведомы неприемлемые и чудовищные «правила» войны, оно выше по духу всех этих бесчеловечных проявлений. Оно может только любить, защищать и заботиться.

Забу видела все ужасы войны: бесконечные бомбежки и обстрелы, жестокие зачистки федералов, убийства невинных людей, смерть и

разрушения, но ее сердце оставалось чистым и добрым, как и любое настоящее материнское сердце.

2012 год

КОСАРЬ

Весна в разгаре, лето вот-вот должно вступить в свои права. Настоящая жара еще не пришла в наши края. Сегодня хороший день для того, кто трудиться в поле, солнце по-весеннему еще не столь жаркое, воздух прохладен и свеж.

Старик очень рано пришел на поле со своей старой, видавшей виды косой. Трава, молодая и сочная, уже готова к покосу и ждет своего часа. Огненный диск солнца только-только поднялся из-за гор. Его яркие весенние лучи начинают скользит по вершинам, словно покрывая их тонким слоем золота. Горы кажутся такими близкими, но, когда идешь к ним, они отдаляются от тебя все дальше и дальше.

Старик начал косить траву с края поля, взяв широкую полосу. Он шагает не спеша, легко и плавно размахивая косой. Иногда он останавливается и выбирает из свежескошенной травы колючку и отбрасывает ее в ту сторону, где трава уже скошена. Затем, осмотревшись, так же не спеша продолжает свою работу. Его большие и натруженные руки хорошо знают этот труд, поскольку он выполняет его каждый год. Вся жизнь сельского труженика состоит из вот такой работы.

Сельчанин не может сидеть сложа руки. Он всегда найдет для себя работу: заготовит сено, будет ухаживать за животными, починит забор, наладит водопровод – сколько их еще этих дел! Старик любит работать у себя во дворе или здесь в поле. Он не сидит дома из-за того, что уже далеко не молод. В руках нет прежней силы, но сердце молодо, оно и выводит его трудиться.

У него большая семья: дети, внуки. В доме все есть, нет недостатка в чем- либо. Но он любит заниматься любимым с юных лет делом: покосить траву, высушить и собрать сено.

Разогревшись, косарь снимает с себя безрукавку и бросает ее на только что скошенное сено. Он ровно ведет полосу, не увеличивая и не снижая темпа, который у него сложился уже много лет. Так он не устает быстро, несмотря на довольно-таки зрелые годы.

Кругом в траве звенят кузнечики, саранча и цикады, но старик не слышит их звонкого стрекота – он туговат на ухо. Но зато он чувствует яркую красоту весны, его сердце радуется при виде окружающей зелени, которая дышит чистой, благоухающей и сладкой свежестью. Такая же приятная свежесть и особый запах у скошенной им травы, лежащей у его ног. Этот запах придает косарю сил и снимает усталость.

Чем старше становишься, каждую новую весну встречаешь по-особому, она нравится тебе чуть больше той, которая была раньше. Ты наблюдаешь за тем, на что не обращал внимание ранее. Природа кажется тебе ближе, и ты уве-

рен, что тебе понятна и близка ее жизнь. Вот таким был косарь, он хорошо знал природу, умел ее любить. И теперь она раскинулась во всей своей красе: поля и горы, покрытые яркой зеленью; деревья, распустившие молодые и нежные листья; седые горы в горделивом молчании; звонкое пение птиц; журчание бегущих весенних ручьев. И весна во всей со своей звенящей силе! Весна, ты прекрасна, как невеста в день своей свадьбы!

Косарь останавливается на минуту, рукавом вытирает пот с лица, и оглядывается на свою работу. Скошенная трава ровными рядами лежит на поле. Половина работы сделана, и остальное он закончит к обеду. Старик достает из футляра, висящего на боку, точилку и начинает править косу. Он точит ее с двух сторон плавными и равномерными движениями. Звуки заточки разносятся по всей округе. Это самые мирные и добрые звуки, звонко рассекающие утренний воздух.

Сколько раз точил косу старик за свою долгую жизнь: тысячу раз или еще больше? Кто знает? Не это главное. Сегодня у него в руках коса, впереди поле, полное свежей и молодой весенней травы, и у него есть силы, чтобы ее косить! Он радуется тому, что делает – вот это самое главное!

2022 год,
Чири-Юрт

СЛУЧАЙ В САМОЛЕТЕ

(быль)

Это был обычный рейс, как десятки других, ежедневно совершающих самолетами «Аэрофлота». Воздушный лайнер ЯК -42 выполнял полет из Грозного в Стамбул. На борту не было ни одного свободного места – люди летели в соседнюю страну по своим делам: кто за покупками, кто по святым местам, кто в гости, а кто-то возвращался к себе домой. Среди пассажиров были дети, молодые люди, взрослые мужчины, женщины, пожилые люди.

Мерный гул двигателей, спокойная успокаивающая обстановка в салоне, хорошее обслуживание – полет проходил без каких-либо проблем.

Все началось, когда самолет пошел на снижение. Он стал опускаться все ближе и ближе к земле. Пассажиры сидели, пристегнув ремни, в ожидании благополучной посадки. Но случилось неожиданное: вместо того, чтобы сесть, лайнер стал подниматься в небо. Он сделал круг и вновь пошел на посадку. Но посадки не получилось ни со второго, ни третьего, ни пятого раза. Пассажиры заподозрили что-то неладное. Сначала тихо, потом все громче и громче нача-

лись раздаваться их недовольные голоса. Люди спрашивали друг у друга: «Что случилось? Почему мы не садимся?»

А самолет все кружил и кружил над землей и никак не мог сесть. На борту началась настоящая паника. Люди кричали, проклинали «Аэрофлот», все его начальство и обслуживающий персонал. Стюардессы тщетно пытались успокоить пассажиров, умоляя их сесть на свои места, что может произойти какая-то разбалансировка. Но их никто не слышал, охваченные страхом люди метались по самолету. Некоторые из отчаянных молодых людей пытались прорваться в кабину пилотов, чтобы как следует разобраться с этими растяпами. На их пути, раскинув руки, мертвой стеной стали стюардессы. В салоне стоял невообразимый гвалт, крики взрослых смешивались с плачем детей.

Вдруг в этом хаосе, в напряженнейшей ситуации человеческой драмы раздался громкий голос высокого статного человека в мусульманской одежде:

– Мусульмане! Братья и сестры! Не бойтесь, наши жизни в руках Аллаха! Положитесь на Всевышнего! Молитесь и просите Его о спасении!

Он стал молиться, и его сильный голос перекрыл крики отчаявшихся людей:

– АллахIу акбар! АллахIу акбар! Ашшаду ла илахIа иллаллахI! Ашшаду анна МуххьаммаданРасуруллахI!

Вскоре крики прекратились. Слова молитвы, обращенные к Всевышнему, магически по-

действовали на людей. Они стали успокаиваться и прислушиваться к голосу человека, который от всей глубины души взывал к милосердному АллахIу. В его молитве чувствовалась вся трагедия происходящего, и он страстно и самозабвенно молил Милостивого о спасении всех людей на борту самолета, чьи жизни подвергались смертельной опасности.

И чудо случилось: самолет после очередного круга пошел на снижение и стал плавно приближаться к земле. Вскоре он благополучно сел на посадочной полосе и плавно подкатил к аэропорту. Крики радости и аплодисменты раздались в салоне. Люди обнимались и поздравляли друг друга со спасением:

– АлхьамдулиЛлахI! Слава Аллаху! Его милость безгранична!

Все дружно стали благодарить того человека, который в этой трагической для всех ситуации воззвал к АллахIу, прося Его о помощи. А он молча сидел у иллюминатора, кивая в ответ на благодарности людей. В его руках были четки. Перебирая их, он то и дело отворачивался к окну и подносил руку к глазам. Человек не спешил вставать и собираться к выходу. Он, может быть, лучше других понимал, как милостив Всевышний, и как Он любит своих рабов.

ОДНА ОШИБКА

Раньше, в далекие и счастливые дни детства, я часто приезжал сюда. Тогда это было большое село, и называлось Устрада-Эвла. Но, когда здесь построили заводы, высотные дома, и село сильно разрослось, да так, что люди из одного конца не знали своих односельчан из другого конца, и возник молодой город Аргун.

Мои родственники по матери жили в селе Устрада-Эвла на тихой, тенистой улице, где были небольшие белые домики, а перед ними фруктовые деревья. Каждый год на летних каникулах мама привозила меня сюда. У нашего дяди, маминого брата, не было своих детей, и мой приезд для родственников был желанным. Каждый наш с мамой приезд был каким-то особенным днем, праздником в доме нашего дяди. Он – участник Великой Отечественной войны, грамотный и умный человек, никогда не просил для себя и своей семьи каких-либо привилегий у власти. Был скромен, трудился на стройке. Я очень любил дядю, мне нравилась его прямота и искренность.

Каждый раз, когда мама собиралась меня забрать с собой домой после одного-двух дней нашего пребывания в гостях, дядя ей говорил:

– Хута, оставь мальчика у нас. Ты же видишь, ему здесь нравится, у него появились друзья. Мы будем смотреть за ним, оберегать его. Ко всему он научится хорошо говорить по-русски, ведь почти все его друзья русские ребятишки. Ему же легко будет учиться в школе, если он усвоит этот язык, – говорил мой дядя Баудди.

– Ты прости меня, Вави, что я тебе говорю о нем (моя мама называла своего брата Вави, поскольку он был старше ее, и она соблюдала чеченский этикет). – В последнее время мальчик очень балованный и непоседливый, я боюсь, что он набедокурит здесь.

– Не бойся, Хута, ничего не случится. Мальчик должен быть немного балованным, иначе, что он за мальчик? Оставь Мусу у нас, тем более он этого очень хочет.

Да, конечно же, мне очень хотелось остаться на время каникул у дяди. Я любил этот дом, своих родных, это замечательное село и нашу тихую улицу. Мне очень нравилось проводить здесь время со своими друзьями. Мы играли на околице села в футбол, купались в мутной воде Аргуна, а вечерами лазили в чужие сады за фруктами. Вряд ли это последнее занятие одобрил бы дядя. А бабушка, мой бессменный сторож, вообще была бы страшно огорчена. Но, слава Богу, они о моих проделках так и не узнали.

Но было еще одно любимое увлечение, ради которого я и хотел остаться в Устрада-Эвле. Это

было посещение летнего кинотеатра. В те далекие времена были такие помещения без крыши, где показывали кино. Какое же это счастье было для меня, мальчишки, который в своем горном селе и в глаза не видел летнего кинотеатра, и редко когда имел возможность сходить в кино в стареньком захудалом клубе!

Конечно же, на вечерние сеансы нас, малолеток, не пускали. Но все же мы смотрели фильмы с таким же успехом, как и те, которые находились в зале. Рядом с кинотеатром росли большие фруктовые деревья, вот они и были нашим «летним залом». Взрослые часто сгоняли нас оттуда, но, как только они уходили, мы опять, как мартышки, взбирались на ветки. Когда показывали особенно интересный фильм, ребят на деревьях бывало очень много, стоял гвалт, как на большом базаре. Иногда ломалась ветка, и маленькие зрители с шумом падали на землю. Раздавался громкий смех тех, кто остался на ветвях, шум, гам и обсуждение этого происшествия.

А какие замечательные фильмы тогда показывали: «Чапаев», «Звезда», «Судьба человека», «Подвиг разведчика» и многие другие. И каждый хороший фильм для нас был праздником, который продолжался и на второй, и на третий день, потому что мы его обсуждали до самых мелких подробностей.

Однажды перед летним кинотеатром собралось огромное количество людей, в основном это были чеченцы, многие со своими домочад-

цами. Показывали картину «Я буду танцевать», первый фильм на чеченском языке. Мы с друзьями были удивлены такому событию – ведь показывали фильм о великом танцоре Махмуде Эсамбаеве – и на чеченском языке. Билеты в тот вечер не достались даже многим взрослым, что говорить о нас, маленьких? Но мы, как почти всегда это делали, залезли на деревья. Этот фильм все смотрели с особым восторгом: он же о нашем великом Махмуде, который был известен во всем мире. Как же мы были горды за него!

В тот вечер моя бабушка, которая пришла за мной, была очень удивлена, увидев огромную толпу, выходящую из кинотеатра. Она держала меня за руку и смотрела на проходящих мимо людей:

– Иншаалла! Столько людей вместе я видела только во время нашего выселения. Что же здесь происходит? Все эти люди пришли посмотреть на этих шайтанов из кино? (Она называла шайтанами тех, кого показывали в кино).

– Баба, это же фильм об Эсамбаеве, на чеченском языке!

– На чеченском? Об Эсамбаеве? Тогда это кино и я бы посмотрела.

Мы пошли домой. У бабушки в руках была большая палка, на тот случай, если вдруг на нас нападет собака. Бабуля моя была легкая на подъем и очень подвижная, так что мне всегда приходилось почти бежать рядом с ней.

Вообще, я часто доставлял ей хлопоты своим поведением. Мне и в голову не приходило,

что мои родственники будут так обо мне беспокоиться, переживать и искать, куда я запропастился. А бабушка меня искала по улицам, по окраинам села, по местам, где мы, пацаны, обычно купались на речке, по совхозному саду – в общем, везде, куда могла ступить наша неуправляемая детская стопа. И, надо сказать, она меня находила! Где и когда угодно, и в самое неожиданное время. Правда, она меня не ругала, не била, а только упрекала.

Однажды я совершил поступок, который остался в моей памяти как вечная вина перед моей любимой бабулей. В тот день я отправился с мальчишками с нашей улицы на железнодорожную станцию. Здесь я и раньше бывал много раз. Мне очень нравилась эта небольшая станция. Здесь была какая-то неведомая мне жизнь, какие-то неизвестные, непостижимые тайны. Я мог подолгу наблюдать, как через станцию проходили поезда – зеленые и красивые, которые везли пассажиров из далеких краев, и закрытые, тяжелые, которые везли различные грузы.

Мы с ребятами смотрели на поезда и мечтали: «Вот бы нам прокатиться на таком красивом поезде... Едешь, смотришь в окно, а там такая красота – большие красивые города и села, зеленые луга, а на них пасутся пестрые коровы, люди стоят и машут проезжающим. Вагоны перекачиваются, как детские ясли, а рельсы на стыках мелодично стучат «так, так-так». Да, это была наша мечта, прокатиться на поезде, увидеть далекие края...

– Муса, поехали до Джалки, вон поезд подъезжает, – сказал в тот день мой сосед Вова.

Я на минуту задумался, как быть, стоит ли? Но решающую роль сыграла мальчишеская бесшабашность – пусть будет, что будет! В наших кругах не принято было отступать, иначе тебя бы посчитали за труса. А проявить слабость, значит лишиться уважения друзей, товарищей. Поэтому порой мы готовы были на самые неразумные поступки, лишь бы тебя не приняли за слабака, маменькиного сыночка. Да, по таким жестким мальчишеским законам мы тогда жили.

На нашей улице в Устрада-Эвле жили чеченцы, русские, корейцы. Мы, ребята, жили дружно, редко когда ссорились. А если такое случалось, старались сразу же помириться.

Когда сосед Вова предложил прокатиться на поезде, который курировал между Грозным и Гудермесом. Я поначалу задумался – какие могут быть последствия? Но мальчишеское озорство сыграло свою роль:

– Давай, прокатимся, – сказал я.

Как только поезд тронулся от платформы, мы зацепились за поручни подножек и в висячем положении покатили в неведомое. У нас не было денег на билеты, а поехать в село Джалка решение уже было принято. Поезд шел медленно, словно машинист боялся нас по пути уронить. А мы висели на поручнях, как груши на ветке.

Я смотрел на убегающую из-под ног землю, и считал себя чуть ли не героем: «Как здорово!

Вот это да!» Мой друг Салман заметил, что я смотрю на землю и сказал:

– Муса, не смотри на землю, а то голова закружится!

И вправду – что-то голова стала кружиться, все вокруг начало двигаться, качаться. Я крепко ухватился за поручень и поднял голову вверх. В окне тамбура стояли люди и что-то живо обсуждали, показывая на нас. Видимо, они были нами недовольны. Конечно, они ругали нас за то, что мы рискуем нашими юными жизнями.

Скоро поезд подъехал на станцию Джалка. Пока он остановился, мы быстренько соскочили с подножек и побежали в сторону леса. Правда, погони за нами не было, так что напрасно мы волновались.

В Джалкинском лесу было очень хорошо: красивые высокие деревья, большие поляны, мягкая трава, чистые ручьи, необычно свежий, приятный воздух. Мы долго бродили по незнакомым местам, осваивая здешние достопримечательности, выкупались в речке, поели ягод и наконец выбрались обратно на станцию. Путь домой нужно было совершить таким же способом, как и сюда.

Усталые и голодные, мы сидели на платформе в ожидании поезда в сторону Устрада-Эвла.

– Муса, глянь, твоя бабка идет! – сказал кто-то из ребят.

– Где? – я посмотрел по сторонам.

– А вон – по шпалам...

Я посмотрел на рельсы и увидел, как по шпалам тяжело шагает моя бабушка. На ее голове

был большой платок, концы которого она забросила наверх, а в руках неизменная палка – та самая, которую она брала, когда отправлялась на мои поиски.

В жаркий летний день она прошла от Устрада-Эвла до Джалки по железной дороге пешком, несмотря ни на что, только для того, чтобы найти меня и вернуть домой – живым и здоровым.

Я пошел ей навстречу... Каждый свой шаг я совершал, сгорая от стыда и укоряя себя. Сейчас только я понял, какой безрассудный и глупый поступок я совершил... Бабушка шла тяжело, она очень устала и тяжело дышала. По ее побледневшему лицу катились крупные капли пота.

– Баба, прости меня... Баба! – я подошел и обнял ее.

– Ничего, ничего, мой хороший... Я тебя простила, – ее голос был очень слабый, видно было, что дорога далась ей нелегко. – Обещай мне, что больше без спроса никуда не пойдешь.

От жалости к ней я заплакал:

– Нет, Баба, я никуда и никогда не пойду без спроса... Ты только прости меня.

– Хорошо, мой дорогой. Бабушка боится, что с тобой что-нибудь случится. Если ты поранишься, покалечишься, что мы будем делать?

Бабушка вытерла мои слезы своим носовым платком и сказала:

– А вот плакать не нужно. Мужчина не должен плакать. Слезы – это удел женщин.

Мы вернулись на станцию. Мои друзья куда-то пропали. Видимо, они испугались, что моя бабушка станет их ругать. Не отпуская моей руки, бабушка повела меня к билетной кассе, купила нам билеты на проезд.

Обратный путь мы проделали в вагоне поезда. Я живо уплетал еду, которую Баба купила на платформе. А она смотрела на меня улыбаясь и подавала мне то огурец, то хлеб, то картошку. И мне казалось, что ничего вкуснее я раньше не ел.

После этого случая бабушка никуда меня от себя не отпускала до тех пор, пока за мной не приехала мама. Я и сам не собирался уходить из дома без спросу. Мне было очень стыдно перед бабушкой и дядей за свою ошибку.

Прошли годы. С тех пор многое изменилось. Я и сам уже далеко не молодой человек, но во мне до сих пор живет чувство вины за свой тогдашний детский поступок.

2012 год

ПТЕНЕЦ

Папа! У наших ласточек появились птенцы! – сообщил мне сын Адам, как только я вошел во двор, вернувшись после работы.

– Да ты что? Ну, это же здорово! Ты их видел? – спросил я.

– Конечно, видел. Ты посмотри, папа, вон они выглядывают, – он показал на ласточкино гнездо, которое аккуратно разместилось под навесом нашего дома. Сына распирало от восторга, глаза горели, казалось, он сделал какое-то очень важное открытие.

– Ты смотри, и вправду, птенцы! – говорю я, пытаясь сделать приятное Адаму, разделив его восторг. В это время подлетают ласточки с пищей для птенцов. Те, широко раскрыв клювы, пытаются ухватить в рот гусениц и жуков, которыми их кормят родители.

– У-у-у, какие у них большие рты, правда, папа? – Адам, не отрываясь, наблюдает за птенцами.

– Да, правда, очень большие... каждый птенчик хочет первым получить еду. Видишь, как они пищат и отталкивают друг друга?

Мы долго наблюдаем за птицами, их поведение очень заинтересовало Адама. Я и рань-

ше замечал, что он подолгу стоит под навесом и смотрит на ласточек. Восьмилетнему Адаму все интересно, что происходит кругом: и жизнь птиц, и цветение деревьев, и движение звезд... В его возрасте человек открывает для себя мир, поэтому он пытается многое узнать, понять, усвоить.

Весной ласточки прилетели из теплых краев и начали лепить гнездо. Мы из окна кухни наблюдали за частыми полетами птиц. Их звонкое чирикание и виртуозные движения привлекали наше внимание. Адам очень внимательно следил за их работой.

– А-а, теперь я знаю, что делают ласточки под потолком нашего навеса, – сказал он, зайдя в дом после очередного наблюдения за птицами.

– Ну, и что же ты узнал, юный биолог? – спросила, подтрунивая, сестра Хава, которая старше Адама на два года.

– Они во рту носят глину и делают себе гнездо. А еще кладут соломинки между катышками глины. Папа, а зачем они кладут туда соломинки?

– А как ты думаешь? Зачем ласточкам соломинки? – спрашиваю я в надежде, что он сам догадается, для чего птицам нужен этот материал.

– А, понял! – восклицает Адам. – Они их кладут, чтобы гнездо не разрушилось, для его укрепления.

– Ты смотри! Биолог, ты сам догадался, – радуется за брата Хава.

– А, это что? Ерунда, – Адам явно доволен похвалой, – мы в школе много чего учим про птиц и зверей.

Теперь те изменения, которые произошли в жизни наших ласточек – птенцы, их кормление – были под пристальным вниманием мальчика. Он очень удивлялся, когда столь маленький птенец заглатывал большую бабочку или жука, принесенного заботливыми родителями.

Но в один день случилась беда. Я работал дома за письменным столом, когда неожиданно заскочил Адам и выпалил:

– Папа, там один птенчик выпал из гнезда! Он не может летать...

– Конечно, он не сможет полететь, потому что еще маленький. Пойдем, посмотрим, что там случилось.

Под навесом, на полу, малыш-птенец прыгал на месте, тщетно пытаясь взлететь на своих коротких и слабеньких крылышках. Он был маленький, тщедушный. Я понял, что случилось: более крупные и сильные братья выкинули его из гнезда. Что поделаешь? Такие у птиц «законы».

– Папа, ты положишь его обратно в гнездо? – в глазах Адама была огромная просьба.

– Конечно, положу, жалко его. На, подержи птенчика, я схожу за лестницей.

Осторожно положив на его ладонь крошку, я пошел за лестницей. Когда я вернулся, Адам старательно держал птенца двумя руками, не сильно сжимая ладони.

– Папа, а почему он дрожит?

– Ему же страшно, сынок. Он упал с высоты, да мы еще взяли его в руки.

Забрав птенца, я положил его обратно в гнездо к недобрым «собратьям». Мы еще долго наблюдали, как себя поведут птицы. Вначале все было тихо – из гнезда ничего не слышно, вроде бы все в порядке. Но как только появились большие ласточки с добычей, наверху послышалось громкое пищание птенцов. Каждый широко открывал рот и пытался поймать пищу. Кажется, нашему «бедному другу» ничего не досталось.

Когда родители улетели за очередной порцией еды, в гнезде началась шумная потасовка. Через минуту с жалким пищанием «наш бедняжка» выпал из гнезда – его опять выкинули безжалостные соседи-братья.

Адам очень расстроился, увидев такую картину:

– Папа, неужели им его не жалко? Зачем они его выталкивают? Он же ничего плохого им не сделал, – в его глазах стояли слезы.

Что я мог ему сказать? Как объяснить, что у птиц и зверей своя жизнь, они не знают, что такое жалость, им неведом разум? В их среде выживают сильные, а слабые погибают, когда у них не хватает сил постоять за себя. Такова их природа...

Но как все это сможет понять маленький Адам? Его чистое детское сердце не может смириться с несправедливостью. Он уверен, что в природе все должно быть красиво и правильно.

Я опять положил птенца в гнездо, но без всякой надежды на то, что он уцелеет. К сожалению, он был слишком слаб, чтобы бороться с сильными соседями за свою жизнь.

Я не хотел, чтобы Адам увидел, как погибает маленький птенец. Поэтому увел его в дом, предложив ему поиграть в компьютерную игру.

Не знаю, что стало с этим несчастным птенцом. Больше на полу мы его не видели. Но всем моим домочадцам очень хотелось, чтобы он выжил.

2010 год

БЕЛЫЕ ОБЛАКА ПЛЫВУТ В СИНЕМ НЕБЕ

Бабушка очень рано разбудила Анзора:

– Вставай, мой золотой, тебе пора собираться.

– Хорошо, бабушка, я сейчас встану, – Анзор быстро вскочил и стал натягивать одежду.

Он вспомнил, как вчера отец ему сказал: «Ложись сегодня пораньше, завтра с утра пойдешь пасти овец».

Он не посмел бы возразить отцу, если бы даже плохо себя чувствовал или ему бы не хотелось пойти пасти баранов. Нет, он не мог бы сказать, чтобы его не отправляли на пастбище. Этого не позволял чеченский этикет, ведь проявить слабость – это не достойно для мужчины. Так его всегда учил отец. Мужчина всегда должен быть готов к любым трудностям и испытаниям. Если поздно ночью кто-то постучится в дверь и попросит о помощи, ты должен немедленно ему помочь. Мужчине надо быть готовым ко всему: и к хорошему, и к плохому. Он должен переносить радость и горе одинаково, не проявляя никаких эмоций. Так Анзора учил его отец Ваха, а Ваху – его отец Дауд, а Дауда – его отец... Таковы обычаи предков, а обычаи нужно соблюдать и беречь, потому что на них веками стояла жизнь горцев.

Поэтому, как только проснулся, Анзор выскочил на улицу, едва сполоснув лицо. Солнце только поднималось из-за гор, его ласковые, по-летнему яркие и теплые лучи скользили по верхушкам деревьев, крышам домов, по полям и холмам. Раздавались веселые трели птиц, которые словно воспевали красоту летнего утра.

Анзор отправился к загону для овец. Ваха был уже там. Он осматривал овец, нет ли среди них больной или раненой, чтобы ее оставить дома и подлечить.

– Анзор, как выйдешь из села, погонишь овец на холмы, в обед спустишь отару на водопой к речке, понял? Смотри, за овцами следи внимательно, чтобы ни одна не пропала. Еды возьми с собой, там тебе мама сумку приготовила.

В это время мама позвала Анзора на завтрак. Он быстро перекусил, не отрывая глаз от окна – отец уже выгонял овец на улицу. А там и соседи своих барашек подгоняли к общей отаре. «Чаю попей, чаю! Успеешь догнать свою отару!» – кричала ему вслед бабушка, когда мальчик бросился на улицу. Но Анзор никак не мог отстать от овец, он должен был быть вместе с ними, иначе какой же он пастух? Разве такому нерасторопному соседи могут доверить своих баранов.

– Ваха, как мы можем спокойно сидеть дома, отправив твоего мальчугана пасти овец? – спросил сосед Дауд, подойдя к отцу Анзора.

– Да брось ты, Дауд. В его возрасте мы с тобой и овец пасли, и по дрова ходили, и помога-

ли старшим сена заготавливать, забыл что ли? Ему скоро будет одиннадцать лет, он достаточно взрослый, чтобы выполнить эту работу, – возразил ему Ваха в ответ.

Анзор не слышал их разговора, он бегал, подгоняя овец, которые пытались удрать куда-то в сторону. Сегодня была очередь семьи Вахи пасти их общую с соседями отару. И эту ответственную работу поручили Анзору. Он должен был впервые в своей юной жизни отправиться пасти овец, неся за них полную ответственность. Раньше он делал это всегда вместе с отцом, а сегодня ему одному доверили такое важное дело. Дети были на летних каникулах, времени на ответственные и другие дела у Анзора было достаточно.

Пройдя некоторое расстояние с Анзором, Ваха дал наставление:

– Не подводи овец близко к обрыву, если одна упадет, следом могут запрыгнуть и другие.

– Хорошо, дада*, я буду строго следить за ними.

Пока овцы шли вдоль улицы, слышен был шум их быстрых и коротких шагов. Анзор шел в куче пыли, поднимаемой плотной овечьей массой. В его руках была палка с загнутым вверху концом. Ваха очень берег эту палку, поскольку она ему досталась от отца и была ему дорога как память о нем.

– Береги, не потеряй ее. Зря за овцами не бросай, – сказал отец, передавая сыну семей-

* Дада (чеч.) – папа.

ную реликвию. Анзор бережно двумя руками взял пастушечью палку и положил ее на правое плечо.

Солнца заметно поднялось, когда Анзор дошел с овцами до сельского пастбища. Оно было на склонах невысоких гор. Здесь между редких деревьев и кустов была очень сочная и молодая трава. Это было очень хорошее место, чтобы пасти скот. Как только прибыли на место, овцы разбежались и набросились на траву.

Анзор ходил вокруг них, внимательно следя, чтобы ни одна из овец не отбилась от отары. Два-три дня назад прошел сильный дождь, трава на пастбище хорошо поднялась, поэтому овцам было чем полакомиться. Слышно было, как они с хрустом отрывали траву, постепенно передвигаясь по склонам. Иногда какая-нибудь овечка останавливалась, поднимала голову и начинала блеять, подзывая своего ягненка: «Бэ-э». Тот бежал к матери, смешно подрыгивая маленьким куцым хвостом.

Анзору нравилось смотреть, как они пасутся, как издают какие-то только им понятные звуки. «У овец тоже своя жизнь, – думал мальчик. –У каждой из них свой характер, привычки. Вот наша Белянка всегда хочет быть лидером, она везде первая. А баран Тур, например, любит подраться, вечно бодается с кем-то. Интересно все...». Мальчик сидел под грушевым деревом, которое стояло недалеко от обрыва. Он положил свою куртку и сумку с едой рядом на мягкую траву. Легкий ветерок подул со сторо-

ны дальних гор. Листья на дереве зашелестели, как-будто они хотели о чем-то поведать. Анзор прислушивался к шуму листьев, который то утихал, то усиливался с новой силой, как только движение ветра становилось сильным.

Мальчик встал у края обрыва и стал смотреть на долину реки Аргун. Вода разлилась по всей долине, разделившись на несколько крупных и множество мелких течений. Потоки воды были быстрыми, спешащими вниз, на равнину, к неведомым землям. На волнах сверкали солнечные лучи, то исчезая, то появляясь вновь. Отсюда сверху не слышен был шум реки, было видно только ее волшебное движение.

Анзор завороженно смотрел на реку, его захватил прекрасный вид стремительно бегущей воды. Но он был слишком юн и неопытен, чтобы оценить, понять всю прелесть открывшейся ему картины природы. В его маленькой душе происходило что-то непонятное: и восторг, и любование, и гордость за родную природу.

Он посмотрел на отдаленные высокие горы: «Интересно, что там, на этих горах? Если бы можно было сходить туда и подняться на них, это было бы здорово! ..»

Солнце зависло прямо в середине небесного свода. Теперь его жар чувствовался особенно сильно, даже тень не слишком спасала от жарких лучей. Овцы перестали пастись и собрались в тени деревьев и в зарослях кустов. Они уже были сыты и теперь искали спасительную прохладу.

– А теперь спустимся к речке, мои дорогие. Попьем водички и освежимся. Идем дружно, вместе, никуда не убегаем, – обратился Анзор к овечкам, словно они его понимали.

Он погнал отару к дороге, которая спускалась с кручи в долину реки. Овцы шли, опустив головы, стараясь спрятать их за спины впереди идущих. Лишь главный вожак, крупный круторогий баран, шел впереди гордой и важной походкой.

Как только овцы почувствовали прохладу воды, они дружно ринулись к спасательной влаге. Растянувшись длинной цепочкой вдоль берега, они стали пить мутную и холодную воду Аргуна. Берег был покатый, и овцы спокойно могли дотянуться до воды. Некоторые из них вошли в речку, так и пили, стоя в воде и наслаждаясь ее прохладой.

Анзор скинул с себя верхнюю одежду и вошел в воду. Здесь было не глубоко, он мог стоять спокойно в воде, которая доходила ему до пояса, и не бояться, что быстрое течение может его унести. Мальчик находился повыше овец, и отсюда ему было удобно за ними наблюдать. Могло так случиться, что ягненка, по неосторожности вошедшего в речку, могла унести волна. И тогда нужно было проявить расторопность и спасти бедолагу.

Вода в Аргуне была холодная, но для разогретого на солнце тела она была очень приятна. Анзор нырял в ее серые волны, плескался, шумно расплескивая воду. Он выбегал на берег

и снова бросался в воду, веселясь и выкрикивая воинственные тирады. Овцы с удивлением наблюдали за весельем мальчика. Им, конечно, было невдомек, что происходило в его душе в эти радостные минуты.

«Эх, если бы все время стояло лето, как было бы здорово! – думал Анзор, лежа на горячем песке. – Тогда бы зимы вовсе и не было бы. На свете много жарких стран, где никогда не бывает снега и морозов. В школе на уроке географии Раиса Вахаевна рассказывала нам об этом. И по телевизору тоже показывают эти места. Скоро отец нам тоже купит телевизор, недавно обещал. В их округе только у соседей есть телевизор, у дяди Дауда... А если все время будет лето, значит зимы никогда не будет. А как же салазки, коньки и любимая игра в хоккей? Нет, пусть все будет как есть, так лучше».

Напившись воды, овцы двинулись в сторону деревьев, чтобы отдохнуть в их тени. Анзор окунулся в последний раз и вышел на берег. После купания он почувствовал, что сильно проголодался. Он оделся и пошел к отаре. Овцы лежали в тени, их бока тяжело и часто поднимались – тяжело в жаркий летний день носить толстую шерстяную «шубу».

Анзор открыл сумку, которую ему дала мама. В ней он нашел лепешку, пирожки, огурцы, помидоры, зеленый лук, творог, несколько пряников, конфет и стеклянную бутылку с молоком. Мальчик поел с аппетитом, а остатки еды сложил в сумку. Пока овцы отдыхали, он тоже

мог полежать в тени и немного расслабиться. Он раскинул свою куртку на мягкой траве и лег под деревом. Со стороны гор плыли белые облака. Они медленно продвигались по бескрайней синеве неба, будто это были корабли в синем море. Их ход было настолько плавным, что надо было долго на них смотреть, чтобы заметить их передвижение.

Анзор смотрел на облака, и их очертания напоминали ему какие-то реальные существа: «Вот это облако похоже на нашу овцу Белянку, а вон то – на всадника, а то стоит, как хомячок... Как красиво в небе! Если бы люди могли летать, как птицы, как было бы замечательно! Я бы смог полететь в любую страну, даже в самую далекую. Когда бы мне надоело летать в небе, я смог бы опуститься на землю. Например, где-то в Африке. А там живут слоны, крокодилы, львы, обезьяны. Если бы лев или другой какой-нибудь зверь набросился бы на меня, я бы взлетел наверх. Ага, ну что, поймали меня?! Эх, как было бы хорошо, если бы у нас были крылья...»

Погруженный в свои фантазии, мальчик незаметно уснул. Но спал он недолго: кто-то толкал его в бок. Он проснулся и быстро сел. Овцы собрались вокруг него и словно ждали, когда он проснется. Они уже успели съесть из его сумки остатки еды.

– А ну пошли отсюда! Чего вы собрались вокруг меня? Хайц! Хайц! – отогнал мальчик слишком назойливых овечек.

Солнце уже стало опускаться, пора было подняться на горку. Нужно дать овцам еще по-

пастись, прежде чем отправиться домой. Собрав свои вещи, Анзор пошел к отаре. Он погнал овец на горку. Они потянулись по дороге наверх, разбрасывая по пути мелкий гравий. Вскоре на пастбище стал слышен хруст отрываемой овцами травы и их редкое блеяние.

Вечерело. Алый солнечный диск коснулся горизонта и стал медленно в него погружаться. Можно было отправляться домой. Анзор стал собирать отару, подгоняя их в общую кучу и направляя в сторону села.

Вечерние сумерки легли вокруг, когда он вступил с овцами на свою улицу. Соседи уже стояли у ворот, поджидая своих барашек.

– Смотрите, смотрите, овцы какие сытые, – удивлялись они.

– Молодец, Анзор! Хорошо потрудился.

– Спасибо тебе, Анзор! Да благословит Аллах тебя и твоих родителей!

– Да, хорошего сына воспитали Ваха и Роза! – говорили они.

Анзор от смущения не знал куда деваться. Ему, конечно, было приятно, что его хвалят, но от чрезмерного внимания соседей ему было не по себе. Наконец он достиг своего дома. У ворот его встречали бабушка и мама. Овцы сразу же ринулись во двор, Ваха погнал их в загон.

– Анзор, мой дорогой, как ты устал. Твой ненормальный отец заставил тебя пойти пасти овец, – бабушка обняла внука. А мама стояла в стороне, при свекрови она не могла выразить свои чувства к сыну. Но в ее глазах была и любовь, и гордость за него.

– Да ничего, бабушка, я не устал, – сказал Анзор, улыбнувшись.

Мама приготовила его любимые чIепалгаш*. Анзор с младшими сестрой и братом уселся за низкий стол на кухне. Он с удовольствием поел вкусные чIепалгаш, а чаю пить не стал – он уже стал клевать носом, чувствовалась усталость.

– Анзор, сынок, да ты уже за столом засыпаешь! Иди, ложись спать, – мама ласково подняла его из-за стола. Он уснул, как только его голова коснулась подушки. Во сне он видел синее небо и плывущие в нем белые облака...

2012 год

* ЧIепалгаш (чеч.) – лепешки с начинкой из творога.

ЯДРО

После обеда солнце жгло не так сильно, когда мы стали играть в футбол на нашем поле под горкой, недалеко от речки. Нас было десять-двенадцать сельских мальчишек, увлеченных любимой игрой.

– Куда ты бьешь, мазила?! – услышал я рассерженный крик Салмана, когда от моего удара мяч пролетел мимо ворот. Сам не свой от своей ошибки, обозлившись на себя, на Салмана, на весь белый свет, я пошел на него с кулаками:

– Я сейчас покажу, кто из нас мазила!

Он вовремя успел увернуться, иначе мой удар пришелся бы ему прямо в нос. Но тут подбежали ребята и разняли нас.

– Ты что, спятил? – набросился на меня самый старший из нас – Муса. – Что он тебе сделал? Ну пробил мимо, с кем не бывает? Нельзя же сразу с кулаками. А на «мазилу» обижаться не надо, сгоряча чего не скажешь.

Он заставил нас пожать друг другу руки и обняться. Мы продолжили игру, и скоро я забил гол. Салман подошел ко мне с улыбкой:

– Ну вот, ведь можешь, если захочешь... сердитый человек!

Он слегка хлопнул меня по плечу, в ответ я тоже улыбнулся:

– Ну, это с твоей подачи я забил, так что гол общий.

Мы еще долго играли, пока не начался закат. Все порядком подустали и передвигались по полю не так быстро, как в начале игры.

– Смотрите! Смотрите! Там на склоне что-то сверкает! – закричал вдруг мой друг Рашид. Мы все посмотрели в сторону горки. Там, среди кустов и деревьев, действительно что-то сверкало в лучах заходящего солнца. Бросив игру, все дружно побежали к склону горки.

– А-а, ерунда, стекляшка какая-то, – разочарованно сказал Муса, который первым добежал до этого места.

– Дай, посмотреть, – я протянул руку и взял кусок стекла. Возможно, это была часть старой бутылки или какой-то другой посуды. У него был какой-то особенный, голубоватый цвет и на солнце от него расходились разноцветные лучи, как от радуги. Это сияние было очень красивым и завораживающим.

– Смотрите, это очень старое стекло. Может, пролежало сто, а то и более лет в земле, – подняв кусок стекла повыше, я стал поворачивать его кругом.

– Ладно, брось его, Анзор, пойдем, доиграем, – сказал мне Муса.

– Ребята, давайте посмотрим, может, здесь еще что-нибудь найдется, – во мне загорелся интерес к поиску сокровищ, старинных вещей.

– Да нет, уже вечер, ничего мы здесь не найдем, – не согласился Муса, слово которого для нас было решающим.

Я не стал бросать кусок стекла, который меня столь заинтересовал, и понес его домой.

Прошло несколько дней с того времени, как мы обнаружили эту находку. Во мне появился настоящий азарт охотника за сокровищами. Я уже обследовал все затаенные уголки нашего огорода и сада в поисках несметных богатств и старинных предметов. Моя бабушка была очень недовольна, увидев, что я устроил настоящие раскопки в огороде.

– Ты что здесь натворил? Что ты ищешь? Думаешь, для тебя предки золото зарыли? Не было у них никакого золота, копейки лишней не было ... Может, старую мотыгу найдешь, и та уже не будет пригодна.

Она заставила меня зарыть все ямки, и предупредила, если я не прекращу свои поиски, то она пожалуется моим родителям. Я пообещал, что больше не буду копать и займусь чем-нибудь полезным. На том конфликт был исчерпан, но поисковая стихия меня не покидала. Благо у нас были школьные каникулы, и времени у меня было предостаточно.

Я поделился с Рашидом своими планами. Он тоже, как и я, загорелся кладоискательством. Мы решили втайне от всех пойти на то место, где мы недавно нашли кусочек стекла, и поискать там. Ближе к вечеру того дня, когда мы договорились о поисках, я и Рашид, захватив лопату, отправились под горку рядом с футбольным полем. Мы не смогли найти точно то самое место и рылись в земле где-то рядом. Ничего

интересного не попадалось: куски черепицы, ручка от глиняного кувшина, ржавые металлические предметы – в общем, всякая ерунда.

День клонился к закату, красный диск солнца начал постепенно опускаться за линию горизонта. Мы упорно ковырялись в земле то в одном, то в другом месте. Иногда попадались большие камни, их доставать из ямы было особенно трудно. Но общими усилиями мы справлялись с ними.

– А вдруг мы золото найдем? – спросил Рашид.

– Размечтался. Что бы мы стали с ним делать?

– Продали бы зубному врачу Айдамиру. Он же ставит людям золотые зубы, – улыбнулся Рашид.

– Ну да, ему можно предложить. Но сначала золото нужно найти, – сказал я, прерывая радужные мечты друга.

На склоне горы земля была рыхлая, и ее копать было не трудно.

– Эй, сорванцы, вы что там делаете? – резкий окрик снизу прервал нашу работу.

Это наш сосед Асхаб гнал свою корову с луга домой и остановился, заметив нас на горке.

– Да мы, Ваши*, это ... вчера Рашид здесь ножик потерял... вот ищем, – неуверенно пробормотал я, не найдя что сказать.

– Ножик потерял, а зачем землю роете? Что-то вы хитрите, – он погрозил нам заскорузлым

* Ваши (чеч.) – дядя; уважительное обращение к старшему.

пальцем и ушел, погоняя хворостиной свою пеструшку.

Мы еще немного повозились в очередной ямке и уже собирались было уходить, как лопата в моих руках звякнула обо что-то металлическое.

– Есть! Какой-то металл! – воскликнул я.

– Да ты что? Давай я раскопаю, – предложил Рашид.

– Нет, я сам ... вот вокруг землю расчищу. Смотри, что-то круглое, – я показал на темный кругляк.

Мы оба быстро стали расчищать землю вокруг неожиданно появившегося предмета. Что это? Что-то темное и круглое в форме шара. Я взял железку в руки.

– Слушай, какое тяжелое! Что это? – спросил я Рашида.

– Не знаю, Анзор, я такого никогда не видел.

– Давай отнесем эту штуку к нашему учителю по истории ... к Ибрагиму Мовлаевичу. Он все на свете знает, – сказал я.

– Да, правильно. Давай завтра утром пойдем к нему, – согласился Рашид.

Спрятав шар недалеко от нашего дома, мы разошлись, договорившись встретиться утром пораньше. На второй день утром, едва перекусив, я побежал к месту, где мы спрятали находку. Шар лежал под кустом в зарослях густой травы. Я взял его в руки и стал внимательно разглядывать: круглый металлический шар, в одном месте небольшое отверстие. Что интересно, он не был ржавый.

«Лежал под землей и не заржавел», – подумал я. Мои размышления прервал запыхавшийся Рашид:

– Анзор, как мы не догадались! Это же ядро! – воскликнул он, хватая шар из моих рук.

– Какое ядро? – недоуменно спросил я.

– Пушечное! Смотри, видишь отверстие? Сюда засыпали порох, затыкали и клали ядро в пушку. Помнишь фильм «Гусарская баллада»? Вот там как раз были такие ядра и пушки, – глаза Рашида горели, он был очень рад, что сделал такое открытие.

– А ну, дай посмотреть, – я забрал у него ядро и стал еще раз его рассматривать – мне было немного досадно, что не я догадался, что это ядро.

– Да, это действительно ядро. Ну что, давай пойдем к Ибрагиму Мовлаевичу?

– Давай! – Рашид быстро вскочил на ноги.

Когда мы пришли к дому учителя, наша решительность куда-то пропала. Мы стояли перед воротами, не решаясь войти. Но неожиданно на улицу вышла жена учителя – Зара.

– Вы что здесь стоите, ребята? – спросила она. – Если пришли к нам, заходите, мы гостям рады. Вы, наверно, к вашему учителю?

Зара завела нас во двор, и после того, как мы отказались войти в дом, пошла за мужем.

Скоро к нам вышел Ибрагим Мовлаевич. Наш учитель был мужчиной около сорока лет, в очках, с зачесанными назад темными волосами. Как-то непривычно было его видеть по-

домашнему одетым. Он добродушно улыбнулся и пригласил нас войти:

– Ну что же вы стоите во дворе? Заходите в дом.

Мы с Рашидом одновременно поздоровались и отказались войти, поблагодарив за приглашение. Затем мы рассказали о своей находке.

– Так-так-так, очень интересно. Ну-ка, покажите мне ваше ядро, – учитель поправил очки и быстро подошел к нам.

Он сел под навесом на диван и стал внимательно изучать ядро. Старательно протирая его тряпкой, он, казалось, что-то искал на нем – может быть, какие слова, цифры. Мы сидели в сторонке и наблюдали за ним.

– Да, ребята, вы нашли очень интересную вещь, – сказал учитель, подняв в руке ядро, и как бы взвешивая его. – Этому ядру более 150 лет. Оно сделано еще в начале 19-го века. Вы представляете? Вот вам еще одно доказательство, что наше село пострадало во время Кавказской войны. Ну, об этом я вам еще расскажу на наших уроках.

Он подробно расспросил нас, где мы нашли ядро, на какой глубине оно лежало, было ли рядом с ним еще что-нибудь. Мы сидели и разговаривали с нашим учителем, страшно довольные тем, что нашли такой интересный и важный для истории предмет.

– Ребята, давайте поместим вашу находку в наш школьный музей. Согласны?

Мы, конечно, согласились. Учитель поблагодарил нас за ценный подарок для музея и пред-

ложил продолжить поиски вместе с ним и другими ребятами.

Скоро мы попрощались и пошли домой. Окрыленные таким успехом и особенно похвалой нашего учителя, мы с Рашидом шли и, перебивая друг друга, строили планы на будущее: будем искать вокруг села и обязательно еще что-нибудь найдем.

Как-то незаметно прошли наши каникулы, и лето попрощалось с нами, оставив о себе лишь приятные воспоминания.

Начался учебный год. Мы с Рашидом, как и раньше, сели за одну парту.

– Давай сходим в наш музей после этого урока, – предложил я другу.

– Давай, конечно сходим. Интересно, как там наше ядро? – сказал Рашид.

Это был самый первый урок в этом году, и мы никак не могли дождаться его конца. Надо сказать, что ядро, с тех пор как его передали Ибрагиму Мовлаевичу, мы не видели.

Наконец прозвенел долгожданный звонок, нас выпустили на перемену. Школьный музей находился в кабинете истории. Когда Рашид и я вошли туда, там уже толпились ученики из разных классов.

– Вот они – археологи! – сказал кто-то в шутку, но никто не рассмеялся. Наоборот, многие смотрели на нас с завистью.

Наше ядро лежало в шкафу на нижней полке. Рядом с ним на плотном белом листе бумаги была сделана надпись:

«Пушечное ядро. Находилось на вооружении русской армии. Изготовлено, предположительно, в начале 19-го века. Найдено в окрестностях нашего села летом 1974 года учащимися нашей школы Анзором Мусаевым и Рашидом Ибрагимовым».

Мы с Рашидом переглянулись и затем посмотрели на ребят. Вдруг все внимание было обращено к нам, как-будто мы космонавты или кинозвезды какие-нибудь. Было много вопросов, о нас решили написать в школьной настенной газете. Вот так Рашид и я попали в историю школы. Да, приятная штука слава.

2013 год

ВОСПОМИНАНИЯ ОБ АФРИКЕ

1-я часть

Далекое нам кажется странным и невероятным, пока не убедишься, как оно выглядит на самом деле, пока не встретишься с ним воочию. А когда увидишь его и поймешь, что твои представления о нем были совершенно другими, ты понимаешь, как мало ты знаешь об этой земле и людях, на ней живущих. Такой неведомой землей для меня оказалась Африка.

Она мне всегда казалась недосягаемой, удивительной и сказочной землей. И даже во сне не мог себе представить, что я когда-нибудь там побываю. Но сколько неожиданного мы встречаем в своей жизни! «Жизнь любопытна», – говорят португальцы. Но об этом попозже.

Время стирает мои первые впечатления об Африке, удаляет увиденное, лица людей покрывает тенью забвения. Но даже время не властно стереть все полностью. В сердце навсегда остаются мысли об этом удивительном континенте, ты представляешь себе картины его природы, слышишь разные голоса. На самом деле все это было волшебно, как в сказке.

У меня был долгий путь в Африку. Прошло несколько лет прежде, чем я туда отправился.

Наконец в сентябре 1990 года мне удалось все же туда поехать.

Мы в группе с преподавателями их разных регионов Советского Союза прошли через «жернова» Шереметьевского аэропорта и сели в самолет, летящий в город Бисау, в столицу Республики Гвинея-Бисау, где должны были работать в школах этой страны.

В то время СССР оказывал гуманитарную и экономическую помощь освободившимся от колоний странам Африки. В них работали преподаватели, врачи, инженеры, геологи и другие специалисты из нашей страны.

Наш самолет был чартерный и летел через аэропорты нескольких стран. Из Москвы он полетел в Будапешт, оттуда а Касабланку, затем в Нуадибу и, наконец, в Бисау. Это был достаточно долгий путь, и в Бисау мы прибыли через 12 часов полета. Когда наш самолет стал снижаться, я выглянул в окно: были видны леса, вода, острова. Дикая природа, красная земля – перед глазами невиданная ранее картина. Многие мои коллеги не в первый раз летели в Бисау. Они уже отработали здесь кто год, а кто и два, все что было внизу за иллюминатором им было уже знакомо и не вызывало восторженных эмоций. Для нас, новичков, они были своего рода экскурсоводами.

Бисау – это столица молодого развивающегося государства Гвинея-Бисау, расположенного в западной части Африки, рядом с Гвинейским заливом. Это портовый город у океана, лежа-

щий в том месте, где крупная река Жеба впадает в Атлантический океан. Город не очень большой, он похож на многие города континента, в нем нет крупных заводов, фабрик и высоких многоэтажных небоскребов. Но все же это один из красивых городов западного побережья Африки.

Долгое время Гвинея-Бисау была колонией Португалии. Сражаясь многие годы с колонизаторами, народ этой страны получил долгожданную свободу в 1973 году. К власти пришли патриоты страны, которые сразу стали восстанавливать разрушенную войной экономику, социальную и культурную сферу. Гвинейцы всегда жили в нищете и угнетении, пока находились под гнетом колонизаторов. На этой земле никогда не было развитой промышленности, нефти и газа. Гвинея-Бисау была аграрной страной и жила за счет продуктов земли.

Португальцы вывозили из страны красное дерево, фрукты, экзотических зверей, животных и рабов. Невольников называли «черным деревом». Их продавали в Европе и Америке для работы на плантациях и на других тяжелых работах.

Когда в этой стране произошла революция, руководство СССР решило взять гвинейцев «под защиту», как и другие освободившиеся страны, чтобы направить их на «единственно верный социалистический путь развития». Но вскоре Гвинея-Бисау встала на свой путь развития, коммунистические идеи ей пришлись не по вку-

су. У страны установились партнерские отношения со странами Европы, Азии и Америки.

К тому времени, когда нам довелось приехать в эту страну, чтобы за счет нашей страны там поработать, отношения между странами были уже весьма прохладные. Первого президента Гвинеи-Бисау Амилкара Кабрала, который заключил со Страной Советов долгосрочные братские коммунистические отношения не было уже в живых. И отношения тоже потихоньку себя изживали. Как выяснилось год спустя, Советский Союз тоже собирался кануть в вечность, так и не достигнув мечты всех прогрессивных и не очень коммунистов – светлого будущего.

Аэропорт в Бисау не очень большой, но удобный. Он одноэтажный с большими и светлыми залами. Его построили в свое время португальцы, видимо, по образцам европейских аэропортов 40-50 годов.

Как только мы вышли из салона самолета, нас охватил душный и влажный тропический зной. Ощущение не из приятных. Представьте, что вы со своей ручной кладью и в одежде зашли в парную баню. Да, пришлось немного постоять на солнцепеке градусов эдак 45 и выше. Но затем мы зашли в здание аэропорта, в таможне без особых проблем нам поставили отметку о прибытии в Гвинею-Бисау, и затем мы пересекли границу страны в этом же здании. Ну, здравствуй, Африка, долгожданная и неведомая! Как же я мечтал попасть в твои волшебные края!

В аэропорту нас встречали чиновники из советского посольства и торгпредства. Поприве-

ствовав нас и постояв для приличия некоторое время, эти срочно отправились по неотложным государственным делам.

Мы загрузили свой багаж на несколько машин, которые приехали за нами, и отправились в столицу страны – Бисау.

Аэропорт был расположен на достаточно дальнем от города месте. Наша машина – советский «Рафик» – мчалась по широкой и ровной дороге. Мы, кто был впервые в Африке, не отрываясь, наблюдали за природой по обе стороны дороги. Высокие пальмы, незнакомые деревья, удивительно высокая трава в саванне, какие-то холмы из красной глины. Как оказалось, это термитники – холмы, созданные крупными муравьями-термитами. Термитники настолько прочные, что руками их разрушить невозможно.

Леса здесь были редкие, в основном это были кокосовые пальмы. Среди деревьев иногда встречались обработанные поля. Недалеко от дороги расположились саманные дома. Многие из них были крыты листьями тех же пальм. Дома здесь на местном наречии называют «табанками». Деревня тоже называется «табанка». Когда наша машина остановилась на короткое время из-за поломки, я успел разглядеть одну такую табанку. Это был достаточно большой саманный дом из красной глины с двумя входами, длинным, достаточно широким навесом вокруг дома.

Возможно, в этом доме жила одна большая семья. Причем, здесь, как правило, развито

многоженство, и каждая жена имеет свой отдельный вход и причитающееся ей количество комнат. Правда, такие дома строят достаточно просто: из саманных кирпичей складывают стены, делают крышу (дерева на строительство, естественно, хватает с избытком), а проемы для окон и дверей закрывают любым подручным материалом. Такие дома снаружи не обмазаны глиной, да и внутри тоже не особенно шикарно выглядят. Но есть и достаточно красивые и благоустроенные дома. Но они расположены, как правило, в черте города и принадлежат достаточно обеспеченным людям.

Совсем просто обстоят дела с домами в джунглях (об этом я узнал позже). Собственно, их и домами-то нельзя назвать, это самые настоящие табанки из жердей и пальмовых листьев – хоть какая-то защита от тропических дождей и хищных зверей.

Когда впервые видишь табанку, обращаешь внимание на все детали дома. Мне стало интересно, почему гвинейцы как-то не отделывают свои дома? Почему, например, не обмазывают стены и не белят их? Мои друзья, которые уже второй и третий год здесь живут, объяснили это просто: они ведь раньше вообще жили в природных условиях, без всяких домов и удобств. Поэтому те, кто живет в деревнях, в отдаленных от городов местах живут очень просто, не особенно заботясь о красоте домов. Их принцип жизни: была бы еда и одежда, чтобы как-то тело укрыть, и все – больше ничего не надо.

А вот почему по периметру дома сделан навес, я и сам догадался (а позже и убедился, что это так и есть): во время муссонных дождей гвинейцы сидят под навесом и обсуждают свои насущные проблемы или переходят из одной части дома в другую, не попадая под ливень.

А перед той табанкой, которую я увидел впервые, по двору бродили ужасные пестрые свиньи. Они пытались войти в дом, лезли во все места и, как ни странно, хозяева их не отгоняли – привыкли, наверное, к их причудам.

В это время во двор из дома вышел молодой человек с каким-то предметом в руках. Как выяснилось, это был пояс из коры дерева. Он опоясался этим поясом и, упираясь ногами в ствол, передвигая руки, стал подниматься на пальму. Кроме пояса, он прихватил с собой и большой нож мачете. Поднявшись на нужную высоту туда, где кучками висят кокосовые орехи, он начал ловко орудовать ножом. Крупные крепкие орехи стали падать на землю.

Наша машина тронулась. Мы уже подъезжали к окраине Бисау.

– Взгляните направо, – сказал наш коллега и мой сокурсник по курсам португальского языка в Санкт-Петербурге Сергей Назаренко.

Его обращение было к нам, новичкам. Мы увидели большое красивое здание, на котором развевался советский флаг, и рядом с ним было несколько домов поменьше.

– Здесь наше посольство. Недавно построили вот это новое здание, и посольство переехало

сюда. А раньше оно было в центре Бисау, – рассказал Сергей.

Мы не могли хорошо рассмотреть здания посольства из-за высокого забора. Издали весь комплекс посольства напоминал неприступную крепость: высокий кирпичный забор, поверх которого шла колючая проволока, камеры на всех углах – все прочно, надежно и надолго.

Мы въехали в город. На окраине встречались такие же дома, которые мы видели по пути: не отделанные, покрытые в лучшем случае ржавой жестью, возведенные кое-как – табанки, одним словом. Но чем ближе мы двигались к центру, встречались очень красивые дома, настоящие виллы. Окруженные низкими узорчатыми заборами, с крышами, покрытыми красной черепицей, со стенами светлых радужных тонов, они производили очень приятное и достойное впечатление. Дома все были разные, не похожие один на другого. Среди буйной тропической зелени они, такие красивые и роскошными, стояли, как будто появились из сказочной страны. В основном все дома были одноэтажные, но редко встречались и двух, а то и трехэтажные. Город был в свое время построен португальскими колонизаторами. Это один из немногих городов в Гвинее-Бисау, доставшийся народу после революции 1973 года. И надо отдать должное португальцам, строят они замечательно, красиво и со вкусом.

– Бандим! Бандим! – раздались женские возгласы среди наших спутников. Я посмотрел на

место, куда они указывали. Это был базар, большой, пестрый, кишащий от черного люда. Настоящий африканский базар. Товары разложены на разных ящиках, столах, а то и прямо на земле, подстелив картон или тряпку. Торговцы, женщины и мужчины, пытаясь всевозможными способами укрыться от палящего солнца, ведут бойкую торговлю. А торговали, как рассказали наши африканские «старожилы», всем, что ни попадя: от продуктов до одежды и мебели.

Наконец наша машина въехала в какие-то ворота и остановилась в широком дворе, вокруг которого расположились небольшие аккуратные коттеджи.

– Ну, все, приехали! Добро пожаловать в Пенжигит! – сказал кто-то из товарищей. «Пенжигит», как выяснилось позже, название этого района в Бисау. В этих домах-коттеджах раньше жили португальские офицеры.

Не успели мы выйти из машин, откуда не возьмись, появились местные жители, большинство из которых были дети. Веселые лица, сияние белых зубов на черных лицах, слова приветствий – все смешалось в эти минуты в какое-то празднество. Поистине, гвинейцы очень приветливые и дружелюбные люди, в этом я позже убеждался много раз.

Неожиданно рядом раздались звонкие и ритмичные звуки барабанов. За забором, перед очень красивым домом, группа музыкантов устроила настоящий концерт африканской музыки. Я с удивлением смотрел на гвинейских

музыкантов, столько темперамента и энергии было в их исполнении.

– Это студенты из колледжа искусств. У них, кажется, репетиция, скоро будет национальный праздник, – объяснил мне сокурсник Сергей. – А сейчас, я думаю, они бьют в свои тамтамы, чтобы доставить нам радость.

Я где-то читал, своими барабанами африканцы передают друг другу определенную информацию, находясь далеко друг от друга. Оказывается, и у барабанов есть свой язык.

Мы стали заносить свои вещи. Для каждого специалиста была выделена двухкомнатная квартира с удобствами. В каждой комнате был кондиционер (без него здесь трудно было бы жить, потому что жара не спадает даже ночью ниже 25 градусов), между комнатами с одной стороны – душевая, с другой – туалет. В общем, вполне приличная квартира, все чисто, аккуратно, на полу яркая плитка. В гостиной (она же и кухня) стояли кухонный шкаф, стол, стулья, диван и два советских холодильника «Орск». А в спальне две раздельные кровати, платяной шкаф и две тумбочки. Вот такая обстановка.

Пенжигит расположен рядом с портом. Сюда заходят в основном торговые и рыболовецкие корабли, в том числе и советские. Рядом с нашими домами, буквально за забором, расположена военно-морская база. Там несут военную службу морские пехотинцы. Вот такие новости я узнал в первый день пребывания в Африке.

Ночь наступила неожиданно и принесла с собой незнакомые звуки, запахи и ощущения.

Жара чуть-чуть спала, но она никогда не опускалась до привычного нам уровня. К ней нужно было привыкнуть, как к какому-то новому факту в нашей жизни.

Мы, педагоги, до конца сентября были свободны, поскольку учебный год в гвинейских школах начинается в октябре. Это обусловлено погодными условиями – начиная с мая-июня, здесь идут сильные тропические дожди. Пускать детей в школу в такую погоду весьма рискованно.

Мы стали готовиться к работе. Мне показали, где я буду работать – два дня в лицее и два дня на морбазе. Меня это вполне устраивало. С военными мне не доводилось работать, а в школе все знакомо.

В свободное время можно было пойти в город. Это не было запрещено, только нужно было предупредить руководителя группы о месте пребывания.

В первый же день у нас забрали загранпаспорта и вместо них выдали временные удостоверения с текстом на португальском языке, в котором было указано, кто этот человек и что он делает в Гвинее-Бисау. В посольстве с нами, вновь прибывшими, консул провел основательную беседу, объяснив, что можно и нельзя делать в условиях пребывания за границей. «Помните, товарищи, вы представляете здесь нашу страну, по вам будут судить о наших людях. Вы, как лучшие представители народа и лучшие специалисты, должны быть на высо-

те, должны быть образцом высокой культуры» и т.д. и т.п. Примерно в таком духе говорил с нами уважаемый консул Страны Советов. Мы дружно покивали, поблагодарили его за беседу. Примерно то же самое нам сказали и в Москве в министерстве образования перед отъездом, так что проинструктированы мы были по-советски основательно.

Конечно, эти чиновники должны были выполнить свою работу, провести соответствующую беседу, но приехавший сюда специалист прекрасно понимал, что нарушать существующий порядок ему не позволят, поэтому он очень старался вести себя хорошо и достойно.

Кроме того, к каждой группе специалистов был приставлен офицер КГБ, а то и несколько. Они-то следили за нами строго, знали каждый наш шаг.

Бисау – не очень большой город, в нем развита в основном легкая и пищевая индустрия. В прошлом это столица, в которой жили португальцы и та часть местного населения, которая обслуживала их. Это был как бы курортный город. Он расположен недалеко от океана, и здесь удивительно красивая природа. Виллы португальцев стоят в центральной части города. Они удивительно красивы, все разные и неповторимые. Во дворе некоторых из них есть бассейны, разные навесы. В каждом дворе деревья, цветочные клумбы, мягкие газоны.

Сам город лежит на невысоких холмах, поэтому все дороги ведут вниз к порту. В порту,

как правило, стоят корабли разных стран. Это, как я уже писал, торговые, грузовые и рыболовецкие суда. Наших моряков можно было часто встретить на базаре или в магазине. Кстати, мы их определяли безошибочно – по манере держаться, по взгляду, ну и речь, конечно, тоже звучала часто. Они, в основном рыбаки, часто заходили к нам, благо мы жили рядом с портом. Благодаря нашим рыбакам, у нас постоянно была свежая морская рыба.

Центральная улица в Бисау носит имя первого гвинейского президента Амилкара Кабрала. Он долгое время возглавлял освободительное движение против португальских колонизаторов, участвовал во многочисленных боевых действиях против поработителей. Улица очень красивая, широкая с красивыми домами. Она ведет к центру города, к площади революционеров. Вокруг нее находятся дворец президента страны – крупное величественное здание из трех этажей, – здание правительства и других государственных учреждений. Раньше здесь была резиденция губернатора колонии и правительство. Это центральная часть города, здесь проходят все государственные праздники и другие важные мероприятия.

В городе очень много кафе, баров и ресторанов. Каждый ищет для себя место отдыха соответственно своему карману.

Вечером, когда садится солнце и спадает обжигающая жара, замедляется поток автомобилей, все места отдыха и увеселений сияют ярки-

ми огнями. Звучит музыка, молодежь танцует. Кстати, африканцы очень хорошо чувствуют музыку, особенно, если она ритмичная, и начинают танцевать в любой ситуации. Вот, к примеру, идет по дороге девочка лет 10-12, услышала музыку из окна дома, положила на землю свою поклажу, которую несла на голове, и начала танцевать. Просто так под услышанную музыку. Потанцевала, взяла ношу, поставила на голову и пошла дальше. Вот такой музыкальный народ.

Столы и стулья стоят прямо на тротуарах возле кафе или ресторана. Люди отдыхают после дневных дел и забот, наслаждаются покоем, беседуют, пьют охлаждающие напитки, слушают музыку, шутят и весело смеются. Мелкие торговцы ходят между столами и предлагают свои товары. Чаще всего это какие-то поделки, маски из красного дерева, небольшие картины со сценами из африканской жизни, шкуры экзотичных животных, бусы и другие вещи.

Здесь нет пьяных и скандалистов, тех, кто нарушает покой окружающих. Все ведут себя очень достойно, спокойно и благоразумно.

Ближе к середине ночи все вокруг стихает, люди расходятся по домам, чтобы отдохнуть и насладиться покоем после жаркого дня. Лишь шум редкой машины, проезжающей по опустевшей улице, нарушает тишину спящего города.

2-я часть

В сентябре сезон дождей еще не заканчивается в Западной Африке. В Гвинее-Бисау, расположенной рядом с Атлантическим океаном, влажность в воздухе ощущается особенно сильно. Она не проходит даже под палящими, нестерпимо жаркими лучами тропического солнца. В это время дожди идут не так часто, как в июне-июле, но их интенсивность и сила не меньше, чем в предыдущие месяцы.

Однажды мы сидели под аркой, что соединяла наши дома и о чем-то беседовали. Неожиданно вокруг потемнело, небо затянулось черными облаками. Подул жаркий ветер и зашуршали листья на деревьях возле домов.

– Муса, смотри внимательно, такое у нас дома не увидишь. Это тропический ливень, – сказал мой сосед и тоже сокурсник Евгений Зайцев.

Вдруг со страшной силой раздался гром, как будто небо разорвалось на части, следом засверкали яркие и охватившие все небо молнии. Крупные капли дождя попадали на землю и забарабанили по жести на крышах наших домов. Пошел дождь сначала тихо, не спеша, но потом огромные его потоки ринулись на землю со страшной силой, как будто прорвалась огромная плотина. Я завороженно смотрел на это зрелище, ничего подобного я не видел! Дождь был такой мощи, и его потоки столь обильны, что не видно было ничего на расстоянии одного метра. Вода настолько плотная и обильная лилась на

землю, что закрыла все, что было вокруг! Ничего не видно, даже большого дерева, которое стояло в трех метрах от ближнего дома. Потоки были мутные, грязные. Несмотря на то, что вокруг наших домов были достаточно глубокие канавы, сделанные как раз по случаю таких дождей, они быстро заполнились, и вода потекла по арке и к дверям наших квартир. Пришлось немного потрудится, чтобы вода не вошла к нам в комнаты.

Да, вот это был ливень! Такое ощущение, будто ты находишься внутри водопада!

В такой дождь ни люди, ни машины не могли перемещаться. Жизнь в городе и вокруг него, там, где шел этот ливень, замирала на какое-то время. Ровный и успокаивающий шум дождя слышался везде, и он заполнял собой все, что тебя окружало. Через короткое время к дождю привыкаешь, он действует на тебя умиротворяюще, в нем есть какая-то необъяснимая магия, успокаивающая и бодрящая тебя.

Дождь перестал идти примерно через полчаса. Он стихал постепенно, сбавляя свою силу и мощь. После того, как ливень прекратился, стало видно, как сплошные потоки воды ринулись вниз по канавам к реке Жеба. Местные жители ловили в этих канавах довольно-таки крупную рыбу, которая из-за дождя попала из реки и океана в городские канавы.

Дождь очистил от пыли и грязи улицы, дома, деревья и всю зелень в городе. В природе благоухание, свежесть и сияние чистоты. Но

через некоторое время солнце опять стало нещадно палить, согревая чуть остывшую землю, проникая своими горячими лучами в самые отдаленные уголки. Все возвращается на круги своя: задвигались машины и люди, послышалась музыка из кафе и ресторанов, зазвучала многоголосая человеческая речь – опять ожили звуки и шумы африканского города.

Но в полдень, когда солнце накаляется до своего верхнего предела, жизнь в городе замирает. Движение затихает, все живое ищет тень, хоть какую-то прохладу и возможность переждать полуденный зной. В это время на несколько часов закрываются магазины, кафе, офисы и все места посещения людей. Даже на базарах продавцы ищут место, где на пару часов можно прикорнуть. На улицах города не видно машин, вездесущая и шумная детвора вмиг исчезает, все спешат домой, поскорее уйти от нещадного солнца. Сиеста – время, когда все или спят, или отдыхают, дожидаясь, пока не спадет жара. Так жизнь, которая еще час назад бурлила, была в активном движении, замирает на некоторое время. Так было, наверное, из года в год, из века в век по заведенному Богом правилу: отдыхайте, люди, в полдень, прячьтесь от солнца.

Наконец, настало время, когда мы должны были выйти на работу. Я должен был учить африканских детей и военных русскому языку, а языком общения у нас был португальский. До нашей поездки в Африку мы выучили португальский язык на специальных курсах в Ленин-

граде (ныне Санкт-Петербург). За один год нам дали трехгодичную программу факультета иностранных языков, так что языковая подготовка была основательная.

«Как здесь сложится моя работа? Как дети меня примут?» – вот такие мысли одолевали меня, пока готовился к занятиям и ехал на работу.

Но все пошло очень хорошо. Все необходимое для уроков у меня было, преподавателем я считался неплохим, поэтому никаких проблем в работе не было. А дети везде одинаковые – и белые, и черные, и желтые. Любознательные и инертные, веселые и грустные, дружелюбные и не очень. В общем, дети как дети. А мои африканские ученики в местном лицее были очень общительные и дружелюбные. Правда, с географией у них дела, видимо, шли не очень хорошо. Если дети с трудом могли вспомнить, где находится Советский Союз, то о Кавказе и о Чеченской Республике вообще никакого понятия они не имели. Но их это особенно не огорчало. Ну какое им, собственно, дело до Кавказа? Им бы другие уроки усвоить. Дома они совершенно не готовились к моему предмету, разве что несколько девочек, которые были заинтересованы в изучении русского языка. Вот такие у меня были интересные ученики, потомки революционеров и строителей новой жизни в стране.

Я приносил на уроки магнитофон для наших занятий по русскому языку. Они смешно повторяли слова за диктором и очень радова-

лись, если я их хвалил. Мне было приятно видеть сияющие глаза и белозубую улыбку моих шестиклассников, их радостные возгласы, удивление по поводу нового, незнакомого. Им очень нравились русские песни, ведь они, как и все дети, были очень музыкальны. Мы пытались разучивать песни про зеленого кузнечика, про других зверей и насекомых. У них возникало много вопросов. Например, дети не знали слова «медведь». Им надо было объяснить и нарисовать на доске, что это за зверь.

В лицей на уроки к шестиклассникам меня отвозил наш водитель, он же и преподаватель физики по имени Петр (фамилию его я забыл, к сожалению).

Два раза в неделю мы ехали с ним в другой конец города, и затем, после моих уроков, обычно это было пять или шесть уроков, он приезжал за мной.

Однажды мы с ним попали в очень неприятную ситуацию. Ехали с Петром, разговаривали о том о сем, и вдруг неожиданно дорогу нам перебежала девочка лет шести-семи. Хорошо, что Петр ехал не слишком быстро, иначе убил бы ее. Он успел затормозить, но от удара машины девочка отлетела вперед и упала на дорогу. Я быстро выскочил из машины и бросился к ней. Потрогал – руки ноги целы, крови нет. Поднял ее на ноги, спросил, как она. Девочка очнулась, всплакнула и, оттолкнув меня, бросилась бежать. Я взглянул на Петра, он сидел, совершенно оцепенев и твердо держась за руль. Подошли

местные, стали кричать «бранку бандитуш», то есть «белые бандиты». В первый раз в жизни меня записали в бандиты и то не по своей вине. Я пытался их успокоить, сказал, что с девочкой все в порядке, что у нее даже серьезного ушиба нет. Какой-то дед начал что-то говорить очень темпераментно на своем наречии. Я, конечно, ничего не понял из его речи, но на всякий случай попросил молодых ребят в толпе, чтобы они успокоили его. Я пояснил, что мы граждане другой страны и готовы нести ответственность, если в произошедшем есть наша вина. Тут мне в голову пришла мысль: «А что если дать им денег?». Я протянул старику пять тысяч песо (это примерно 500 советских рублей) и сказал, что это на лечение девочки, если с ней что-то случилось серьезное. Дед посмотрел на деньги, молча взял и сунул в карман.

Когда ехали обратно, Петр всю дорогу благодарил меня и просил никому об этом инциденте не говорить. Деньги он мне тут же отдал, хотя я его об этом не просил.

Если с детьми все шло хорошо, то с военными дела обстояли не очень удачно. Очень добродушный капрал по имени Агошту приводил их строем на занятия и строем уводил. Я раздал им учебные пособия по изучению русского языка, на уроках распинался, объясняя им буквы и звуки, пытаясь научить их новым словам и фразам. Но учились они с ленцой, неохотно.

Учебный год в Гвинее-Бисау делится на три части, часть учебы называется триместр. По

окончании триместра по основным предметам пишут контрольные работы. А в конце учебного года сдают по главным предметам экзамены. Проверочные работы и экзамены проводятся строго, без каких-либо поблажек, чтобы дети учились в течение года старательно. Если кто-нибудь из учащихся не сдал один или несколько экзаменов, он сдает их повторно в будущем году, изучая эти предметы в течение всего года повторно. В старших классах ученики по своему желанию некоторые предметы изучают дополнительно, если собираются их сдавать при поступлении в колледж или университет. Образование в стране бесплатное, но никого не принуждают учиться поневоле.

У гвинейцев большие семьи, в них, как правило, 8-10 детей, а то и больше. Как бы не было тяжело, родители стараются дать им образование. А в воспитании подрастающего поколения гвинейцы могут стать примером даже самым развитым и цивилизованным странам. Они учат детей почитать старших, слушаться их, помогать им. Стариков в этой стране не так много. Тяжелые условия жизни, болезни, плохая медицина, а в отдаленных местах полное ее отсутствие, неполноценное питание и другие причины, – возможно, поэтому здесь люди живут недолго.

В табанках стариков вообще мало. В каждой табанке есть выбранный старейшина, здесь его называют «гранде омен», что в переводе с португальского означает «главный человек», «важ-

ный человек». Этот человек управляет деревней, он может что-то запретить или позволить. Он же судит и наказывает. Конечно, это должность не позволяет старосте или гранде омену поступать с людьми, как ему заблагорассудится.

Гвинейцы в этой стране делятся на разные этнические группы: здесь живут мандинга, фульбе, сусу, орула и другие. У каждой группы свой язык, свои культурные различия, но их объединяет общий креольский язык и одинаковый уклад жизни. А креольский – это смесь местных языков с португальским. Как говорят сами гвинейцы, креольский язык очень простой и понятный и выучить его не составит особого труда. Государственный язык в Гвинее-Бисау португальский, он остался в наследство от португальцев, поскольку при них уже был государственным. Любой гвинеец, который учился в школе, свободно владеет португальским языком.

Я задавался вопросом: как же гвинейцы различают друг друга по этническим группам, ведь они все одинаковые, во всяком случае, для иностранцев? Оказалось, что легко определяют к какой народности кто принадлежит по им только известным признакам. Да, я обратил внимание, что у некоторых гвинейцев на лице в районе уха имеются два или три шрама. Возможно, это тоже один из признаков принадлежности к какой-либо этнической группе.

Во всяком случае, в одежде у гвинейцев больших различий нет. Молодежь, вообще, одевается

в европейскую одежду. Мусульмане прикрывают тело полностью, а женщины-мусульманки и голову. В хиджабах я, правда, никого не видел. А в джунглях многие ходят свободно, а чаще и слишком свободно при минимуме одежды. В праздничные дни многие мужчины одевают длинные разноцветные одежды, наподобие халатов. Это одежда называется бубу. А на голове у них светлая тюбетейка или четырехугольная шапочка. Женщины носят цветные длинные платья и пышный головной убор из накрученной на голову материи. Так в основном одеваются мусульмане, а христиане и язычники одеваются по своему усмотрению.

Гвинейцы любят ходить в гости. Они уважительно относятся к своим родственникам, поддерживают с ними отношения. При встрече, после взаимных приветствий, они долго спрашивают друг у друга о членах семьи и об их делах. Чем больше ты уважаешь знакомого, тем дольше ты интересуешься его домочадцами.

Главная сельхозкультура в этой стране – рис. Он относительно дешев, чем пшеница, поэтому чаще употребляется в пищу. Его едят ежедневно. А если удается добавить к рису мясо или рыбу, можно сказать, что в семье праздник. К сожалению, многие гвинейцы живут бедно, у них нет постоянной работы и им приходится экономить на всем. Но с фруктами у них нет никаких проблем – их можно есть круглый год. Кокосы, бананы, папайя растут во всех сезонах. В апреле и мае поспевают манго, ананасы, кажу

и апельсины. Все фрукты очень вкусные, сладкие, каждый из них имеет свой вкус и запах. Есть фрукты, которые растут в дикой природе. Но многие гвинейцы выращивают рядом с домами бананы, папайю и кокосы. Папайя очень интересный фрукт, его дерево достигает высотой в 3-4 метра, его плоды, внешне похожие на нашу дыню, сверху зеленые, а внутри красные.

Фрукты здесь продают везде: на базарах, в магазинах, на улице, и даже приносят к дверям твоего дома. Рано утром можно видеть, как женщины и дети идут с корзинами на голове, неся фрукты для продажи. Здесь всё носят на голове: будь то корзина, какой-нибудь баул или сумка. Даже если руки свободны, гвинейцы несут груз на голове. Видимо, это элемент их культуры. Однажды я видел, как молодая женщина несла на голове железную бочку. Это было очень необычное зрелище. На самом деле бочка, конечно, была пустая, но тем не менее она очень тяжелая, чтобы ее нести на голове.

Оказавшись впервые на базаре в Бисау, вы будете удивлены и заинтригованы увиденным зрелищем. Здесь можно увидеть товары из разных стран, но преобладают в основном дешевые вещи китайского производства. Покупательская способность населения не столь высока. Большим спросом пользуются подержанные вещи из Европы. Магазинчиков, торгующих секондхендом, здесь достаточно много. На том же Бандиме их не один десяток. Здесь идет бойкая торговля: продавец призывает покупателей, нахваливает

свой товар. Подходит покупатель и у них начинается жаркий диалог. Конечно, продавец хочет продать подороже, а покупатель купит понравившуюся вещь подешевле. И вот происходит горячий гвинейский торг. Но базар тем и интересен, что здесь можно поспорить, уговорить продавца сбавить цену.

На базаре, впрочем, как и везде, свои районы: где-то продают фрукты и овощи, где-то мясо, где-то морепродукты. Этот отдел, где рыба и другие дары моря, у гвинейцев пользуется особой популярностью. Как люди, живущие рядом с океаном, они любят морепродукты. Здесь сравнительно дешево продают морскую рыбу, креветок, осьминогов. Кстати, здесь в Африке я узнал, что осьминогов, оказывается, едят и, говорят, мясо у них очень нежное и вкусное. Ну что же, кому что нравится.

Многие продавцы со своими семьями живут здесь на базарах. Они строят себе легкие домики из любого подручного материала. Чаще всего их хибары сделаны из каких-то плетеных камышовых ковриков, жердей, тентов. И живут себе месяцами, торгуют, общаются. Молодые, как здесь рассказывают, даже женятся и выходят замуж.

Гвинейцы очень жестоко наказывают воров. Если кто-то попался на краже, ему не сдобровать. Сразу же собирается огромная толпа, все кричат на разных языках и на креоле, требуя наказать вора. И вот один наиболее разгоряченный «омен» наносит удар вору. И следом на-

чинает орудовать толпа, причем, в экзекуции особенно активны женщины. Ну, понять людей можно. Какой-то олух и бездельник покусился на их собственность. Они, продавцы, стараются прокормить свои семьи, а тут появляется этот воришка и крадет то, что ему не принадлежит. Такой подлежит наказанию, и иногда дело для вора заканчивается переломами.

Жизнь у гвинейцев тяжелая. Государство выделяет сельчанам землю, ее в стране достаточно много. Но что делать бедняку, если у него нет семян, чтобы засеять землю, техники, чтобы ее обработать и собрать урожай. Здесь есть частные фермерские хозяйства, но их очень мало. Ведь не каждому удается купить технику, скот, птицу, чтобы вести свое хозяйство. Есть разные артели, но туда не могут взять всех желающих. Вот и приходится гвинейскому крестьянину обрабатывать вручную с помощью своих домочадцев небольшой кусок земли, чтобы прокормить семью.

Нелегкая доля и у горожан. Нет рабочих мест, работы на всех не хватает. Поэтому они мучаются, стараясь обеспечить себя и детей, занимаясь торговлей, извозом на такси, изготовлением разных сувениров, занимаясь любой подвернувшейся работой.

Но, как говорится, капитализм широко шагает в этой молодой стране. Его основы с каждым днем все глубже и сильней укрепляются здесь. Соединенные Штаты Америки, страны Европы и Азии открывают в этой стране свои торговые представительства, вкладывают в эко-

номику страны деньги, разумеется, с учетом будущих прибылей для своих компаний.

Для развития экономики маленькой и бедной Гвинеи-Бисау делается немало полезного: развернулось строительство, продукты сельского хозяйства выращиваются по современным технологиям, в развитых странах готовят специалистов для различных отраслей экономики страны. Большинство специалистов готовят в странах Европы и в Соединенных Штатах Америки.

3-я часть

В конце октября в Гвинее-Бисау, как и во всем западном побережье Африки, начинается сухой сезон. Прекращаются ливневые тропические дожди, с неба не падает ни капли. Но солнце по-прежнему жарит нещадно. Природа в это время благоухает, она расцвела после дождей и радует глаз яркой зеленью.

За городом, в саваннах, вырастает трава гигантских размеров, ее еще называют «слоновой травой». В некоторых местах ее высота достигает 3-4 метров. Мелкие и крупные ямы заполнены водой из-за обильных дождей. Во вновь возникших болотах обитают неведомые нам доселе животные. Леса сгущаются и становятся непроходимыми, чем дальше в них въезжаешь. Сплетенные между собой наверху, словно крыша, ветви деревьев закрывают небо плотным покровом, да так, что сквозь него не проникает луч солнца.

Но недолго благоухает природа в дни ранней осени – солнце начинает нещадно все сжигать на земле. Сначала исчезают маленькие лужи и небольшие пруды с водой, а затем мелеют большие водоемы и реки. В саванне наступает « великая сушь» (помните в книге Р. Киплинга «Маугли»?). Все зеленое молодое и цветущее высыхает, теряет цвет и становится безжизненным. Лишь вечнозеленые деревья не теряют свою красоту, они по-прежнему остаются свежими и жизнеспособными. Когда кругом все высыхает, теряет пользу и способность кормить животный мир, остаются эти деревья, и кажется, что вся жизнь природы, зверей и животных сосредотачивается вокруг них. Зеленые деревья, кроме всего, дают тень путникам, спасают их от палящего солнца.

А жара в этом краю никогда не уходит, лишь ночью становится немного легче дышать. Все время хочется пить, жажда мучает тебя постоянно. Если приходишь к кому-то в гости, первым делом просишь попить. Наши врачи не советовали нам пить местную воду, поскольку в ней могут быть опасные для нас бактерии и прочая нечисть. Но в полевых условиях нам доводилось пить эту воду – вполне нормальная вода, и никто не заболел. А наши геологи рассказывали, что во время работ в саванне они все время пьют местную воду, а другой и нет. На вкус она очень приятная и свежая.

В конце декабря в школах Гвинеи-Бисау начинаются каникулы. Заканчивается первый

триместр, и учителя с учениками отдыхают 12 дней.

Но наше посольское начальство находило возможность загрузить нас, педагогов, работой, чтобы мы, не дай Бог, зарплату зря не получали.

Перестройка мало коснулась советских организаций в этой стране. Нас приглашали в посольство в каждую субботу, а то и в другие дни. Здесь проводили политзанятия, читали разные лекции, отмечали все советские праздники. Доклады для выступающих готовили, естественно, мы, педагоги, как самые сознательные и грамотные. Мы организовывали и проводили все эти мероприятия, выполняли даже всякую ручную работу: что-то перенести, загрузить, отнести и т.д. В то время как коменданты и техперсонал посольства вел весьма свободный и разгульный образ жизни. Их можно было встретить в городе в баре, кафе, магазине. Они ездили на иномарках и смотрели на нас свысока. Многие из них были москвичи, сюда они попали по связям, знакомствам, разным протекциям. Ну, разумеется, мы их не любили, практически не общались с ними.

Но и у нас были радостные дни, неожиданные знакомства. Прошел месяц нашего пребывания в Бисау. В один день в дверь ко мне постучали. Я открыл. На пороге стоял человек среднего роста с кавказкой внешностью, очень похожий на певца Александра Розенбаума.

– Ассалам Іалайкум! Ты Муса? – поздоровавшись, спросил он.

– Ва Іалайкум ассалам! Да, это я. Проходи, гостем будешь.

Он зашел, широко улыбаясь и протягивая мне руку. Так мы ознакомились с Керимом из Дагестана. Он оказался начальником группы советских гидрогеологов в Гвинее-Бисау. Работает здесь второй год. Услышал, что приехал его земляк и решил заехать познакомиться. Разумеется, я был рад земляку. Мы посидели, почаевничали, вспомнили родину. Он пригласил меня к себе в гости, сказал, что на днях за мной заедет. Оказалось, что в его группе были еще ребята с Кавказа. Через несколько дней Керим приехал еще раз и повез меня к своим коллегам. Они жили в другом районе Бисау, на окраине города. Гидрогеологов было 7 человек, некоторые из них приехали сюда с женами. В общем, такой дружный коллектив советских специалистов на африканской земле. С Керимом, действительно, оказались и другие земляки: два азербайджанца и один армянин. Мы славно посидели, поговорили. Помню, Арам рассказал смешную историю: «Слушайте, вот пока Керим с Мусой ехали к нам, мне помогал готовить мясо на огне местный житель. Не помню, как его зовут, то ли Мамаду, то ли еще как. Знаете, как он ко мне обращался? Сеньор, вот так! Я здесь сеньор, белый человек! Это там дома, в Союзе, я черный. А здесь сеньор». Он улыбался и гладил себя по животу, рассказывая эту смешную историю с неподражаемым армянским акцентом.

Наша жизнь в Бисау не всегда была в трудах и заботах. Иногда нам удавалось выехать

за город, на природу, к океану. Так во время каникул мы решили поехать на острова, чтобы отдохнуть, порыбачить и, главным образом, набраться новых впечатлений. Мы выбрали остров Буламу. Как рассказывают местные жители, раньше столица Гвинеи-Бисау была на этом острове. Нас было шесть человек, кто собрался ехать, и некоторые из нас, кроме меня и еще двух-трех, там уже были ранее. Днем ранее мы предупредили нашего руководителя группы и контролирующего наше пребывание за рубежом офицера КГБ о поездке. Они не возражали, но кэгэбешник потребовал список выезжающих и маршрут следования.

Из порта Бисау нам нужно было плыть на корабле около трех часов по океану. Утром в 10 часов, во время прилива, наш корабль отправился в путь по направлению к острову Булама. Корабль, конечно, громко сказано, это было утлое небольшое суденышко на дизельном моторе и с двумя небольшими палубами. Такое полуржавое плавающее корыто, которое в свои молодые годы, возможно, бороздило моря и океаны. Гвинейцы в силу своей природной лени не стали, видимо, ремонтировать это судно, стараясь выжать из него максимально возможное, пока оно на плаву.

Мы с друзьями разместились на нижней палубе, здесь как-то можно было укрыться от жгучего солнца. Благо и вода рядом.

Судно тащилось еле-еле, не спеша преодолевая просторы Атлантического океана. «Стран-

ное дело, – думал я удобно расположившись на деревянной скамье, – вот не думал не гадал, что окажусь на Атлантике! Это же надо, океан!» Морская вода была сине-зеленой. Волны откатывались от судна, сверкая на солнце изумрудным блеском. Вокруг тихо, только шум моторов нарушал покой. Иногда чайки с пронзительными криками кружили над нами, видимо, надеялись, что люди выкинут что-нибудь съестное за борт. Но что-то никто не торопился их покормить, может, поэтому они так нервно кричали?

На судне было достаточно много народу: жители островов возвращались домой из столицы, дети из интернатов плыли к родителям на время каникул, молодая столичная команда направлялась в Буламу, чтобы сыграть в футбольный матч с местными игроками. И вот среди этой пестрой толпы находились и мы, отчаянные искатели приключений.

На нижней палубе, на самом носу корабля, лежали две козы. Видимо, хозяин не смог их продать за достойную цену на городском базаре, и вот путешественницы плывут домой на постоянное место жительства. Козы учащенно дышали, на раскаленном солнце им было далеко не комфортно. Везде лежали баулы, корзины, сумки пассажиров. Достаточно большой багаж был и у нас, ведь мы ехали на несколько дней.

«Экзотика! Такое, наверное, только в Африке и увидишь», – думал я, наблюдая за пассажирами.

Напротив нас на скамье сидела молодая гвинейка с маленьким, примерно годовалым ре-

бенком на руках. Она покормила дитя, и сама вскоре уснула, уткнувшись в спинку скамейки. Малыш потихоньку вышел из объятий матери и пытался сползти со скамьи. Это был, видимо, мальчик, уж больно активно он действовал. Малыш смотрел на нас жгуче черными глазами и пытался понять, будем ли мы его ругать за столь решительное действие. Он наконец сполз и держался за подол мамы, не решаясь сделать шаг.

Я впервые плыл по океану, честно говоря, мне и по морю не довелось ходить, как говорят бывалые моряки. Мне было все интересно: изумрудная вода за бортом, дальние острова в океане, совершенно голубое небо без единого облачка, белые чайки, что кружили над нашим кораблем.

«Какая красота! Просто чудо!» – восклицал я в душе.

Неожиданно раздавшиеся крики оторвали меня от радужных мыслей. Люди забегали, все кричали что-то на креольском языке. Я не мог понять, в чем дело.

– Fogo![*] – услышал я знакомое слово. Но где он? Ничего не видно. Мои товарищи тоже не могли понять, что происходит. Мы стояли, не зная, что делать и как поступить. Вдруг заметили густой дым, идущий из трюма, где находились дизельные моторы. Вот где огонь! Но самого его пока не видно, только дым. Наша попутчица, молодая гвинейка, схватила ребен-

* Огонь.

ка, быстро закинула его на спину и с криком побежала на верхнюю палубу.

Ситуация была крайне тревожная, мы не знали, как нам поступить. Огонь на судне, всеобщая паника, крики растревоженных людей. Как же все-таки быть? Я взглянул на дальний остров: «Да, слишком далеко с моими способностями по плаванию». Но самое страшное было то, что океан кишел акулами. Они аккуратно следовали за всеми кораблями в этом регионе, держась на почтительном расстоянии.

Я сел, решив для себя – пусть будет, что будет. По крайне мере, мы находимся в океане, кругом вода, можно сообща попробовать потушить огонь, если прекратиться паника. Мои друзья тоже сидели молча, надеясь, наверное, на чудесный исход дела. Так оно и случилось. Чудеса все-таки происходят. Хотя везде, без сомнения, действует Божий промысел.

Механик залез в трюм, когда услышал крики людей. Он долго там возился, потому что не мог найти место, откуда исходит дым. Наконец, он нашел тряпку, которая лежала на моторе и дымилась.

Когда механик со счастливым, улыбающимся лицом вылез из трюма и выбросил дымящуюся тряпку за борт, все облегченно вздохнули. Сразу послышались смех и шутки, и словоохотливые женщины начали обсуждать это происшествие. Все хвалили механика за его решительные действия, он смущенно улыбался и что-то говорил в ответ. Хорошо, конечно, что он вовремя спу-

стился в трюм и вынес тряпку. Если бы вспыхнул огонь, дела обстояли бы куда печальней.

Наконец, наше тревожное судно прибыло в порт Буламы. Мы высадились и стали искать машину, чтобы уехать на противоположный берег острова. Некоторые из наших друзей уже были на этом острове, и они советовали поехать на то место, где они раньше отдыхали.

Порт в Буламе небольшой. Наверное, крупные морские корабли сюда не заходят. Город тоже называется Булама, как и остров. Он не очень большой. Рядом с портом я увидел несколько домов старой постройки. Они тоже достались от португальских колонизаторов. Строения красивые, прочные, с уникальной архитектурной отделкой. Городская управа находится недалеко от порта. Она украшена государственными флагами, портретами президентов, бывшего и нынешнего.

Перед управой стоит старый памятник. Он возведен португальцами в прежние года. Это памятник мореплавателям. Перед ним стоят старинные пушки. Все очень интересно, история все-таки.

Наконец моим друзьям удалось поймать грузовую машину, водитель которой за определенную мзду довезет нас в нужное место. Мы проехали весь город и очутились на замечательном побережье океана. Здесь росли высокие пальмы, разные фруктовые деревья. На берегу сверкал почти белый песок. Волны океана ласково накатывались на берег и так же мягко от-

катывались назад. Место было просто отличное. Недалеко были какие-то старые строения и широкая лестница, которая спускалась к океану. Видимо, здесь в свою бытность отдыхали богатые португальцы.

Только мы разбили палатки и стали налаживать наш быт, прибыли первые гости. Это были мальчишки из ближайшей табанки. Мы, естественно, познакомились, причем, гвинейцы обязательно в таких случаях здороваются за руку. Мальчишкам было лет по 12-15. Судя по именам, мусульмане: Амаду, Мамаду, Усман, Абу. Когда они услышали мое имя, всё их внимание было приковано ко мне, во мне они увидели родственную душу и мусульманского брата. Мои братья по вере стали нам активно помогать: кто-то собрал хворост для костра, другие принесли свежей воды в наших канистрах, а третьи помогли убрать мусор вокруг нашего лагеря. У нас с собой было два велосипеда на тот случай, если придется съездить в магазин или еще куда. Я дал мальчишкам покататься, сказав, чтобы они катались, строго соблюдая очередь. Они были безмерно рады, ведь велосипед в их семьях невероятная роскошь.

– Amigo Musa, agora e a minha vez?* – спрашивали они меня, когда я кивал или подтверждал словами, очередной садился на велосипед. Они катались, пока им не надоело.

«Амигу», наверное, самое часто употребляемое здесь слово. Оно означает «друг» на пор-

* Друг Муса, теперь моя очередь?

тугальском. А если обращаться к женщине, то нужно сказать «амига». Для самих португальцев это слово звучит весьма фамильярно. А гвинейцы народ простой, без комплексов. Конечно, не всем белым нравилось простое обращение гвинейцев к себе словом амигу. Некоторых это коробило. Даже среди советских были чуть ли не откровенные расисты. Они не любили, когда к ним обращались со словом «амигу» и не отвечали на рукопожатие, брезгуя подать африканцу руку.

Вечером мы ловили рыбу. Это очень интересное занятие, особенно для тех, кто любит рыбалку. Был прилив, вода пришла совсем близко к нашему лагерю. Мы забросили наши удочки далеко в океан и сели на берегу. Радость от процесса лов, надежда, что поймаешь большую рыбу, терпеливое ожидание – все это ты переживаешь на рыбалке. А какой восторг, когда ты тащишь крупную рыбу на берег! Вот она, вот, смотрите, вот какую я поймал! Твои друзья улыбаются, радуются вместе с тобой. Ты снимаешь рыбу и снова забрасываешь удочку в теплые волны Атлантики: ловись рыбка большая и маленькая! Нет, лучше все-таки большая! Мы поймали много рыбы в тот вечер. Это был один из лучших вечеров моей тогдашней молодой жизни...

Солнце медленно опустилось в океан, поиграв на просторах дальних волн. Было тихо. Слышался лишь шум морских волн, мерно накатывающихся на песчаный берег. На небе си-

яла яркая и полная луна, и множество звезд украшали своим блеском небосвод. Африканская теплая и таинственная ночь вступила в свои права.

Наши новые друзья, юные гвинейцы, давно уже ушли домой. После хорошего и сытного ужина мы с друзьями сидели вокруг костра и беседовали. Вокруг нас был мир и покой, природа умиротворяла свой первозданной красотой и величием. Не было шума машин, людской суеты, не хотелось думать о каких-то нерешенных проблемах, о делах – ничего не мешало отдыху и наслаждению покоем.

В такие минуты остро чувствуешь, насколько тебе мила твоя Родина, Земля Отцов. Ты скучаешь по ней, ждешь с ней встречу, вспоминаешь село, в котором вырос, улицу, на которой прошло твое детство, близких тебе людей, родителей. Ни на какие красоты мира ты не променяешь свою Родину, свой Даймохк! Ничто на Земле не может тебя заставить отказаться от нее! Ты жаждешь услышать родную речь! Вдали ты остро чувствуешь, насколько тебе дороги: край, где ты вырос, родители, которые тебя берегли, лелеяли, близкие и друзья, с которыми ты связан крепкой духовной нитью!

2009 год,
Чири-юрт

ПОЕЗДКА В КАНАДУ

Если тебе повезло в жизни, и ты попал в такую замечательную страну, как Канада, то память о ней останется в твоем сердце навсегда

Виза

Я вспоминаю это время с большой теплотой и с самыми светлыми чувствами, как то, что было для тебя и необыкновенно приятно, и волнительно, и незабываемо.

Прошло почти 18 лет со дня моей поездки за океан в чужую страну, на неведомый мне континент, на землю, где никогда не был. И было все это как волшебный, чудесный сон.

Предложение о поездке в Канаду от моего голландского друга Эрвина Комена было для меня полной неожиданностью. О Канаде я, как говорится, ни сном, ни духом не ведал. И вдруг такое счастье: на горизонте замаячил голубой лайнер Нидерландских королевских авиалиний «КЛМ», на котором я должен был сначала вылететь в Амстердам, а оттуда в Ванкувер.

У меня была давнишняя мечта: научиться сносно говорить по-английски. Я понимал по опыту, что язык хорошо можно выучить только

в языковой среде, когда ты в него, что называется, погружаешься. Я попросил Эрвина пригласить меня в Европу, хотя бы на месяц, чтобы попрактиковаться в английском. Он пообещал помочь, как только у него появится такая возможность. После этого прошло несколько лет. У нас в Чечне началась война, потом через некоторое время – вторая, более страшная и кровопролитная. Хотя война есть война, более она или менее тяжелая, ничего хорошего в ней нет.

Я уже позабыл о нашем разговоре с Эрвином насчет поездки в Европу. У нас в республике шли активные военные действия. По мнению правительства России, это была контртеррористическая операция против международных террористов, собравшихся на территории мятежной Чечни. Но в этой «операции» почему-то применялись боевые самолеты, которые методично подвергали ракетному и бомбовому обстрелу чеченские города и села, где проживали мирные граждане, которых Россия не смогла защитить от тех самых террористов. В операции против террористов также была задействована тяжелая артиллерия и вся военная техника на гусеницах и колесах, которая ежедневно разрывала и утюжила истерзанную чеченскую землю. И в освобожденных от террористов населенных пунктах шли бесконечные зачистки, в ходе которых бесследно исчезали ни в чем не повинные люди.

К тому времени я жил в одном южном городе, в соседней республике. У меня была теле-

фонная связь с Эрвином, и мы периодически с ним общались.

Но обо всем по порядку. Сначала Эрвин должен был получить мое согласие на поездку, а потом мы должны были уже думать о визе. Главная загвоздка была именно в ней. Ведь, чего греха таить, нашему брату, чеченцу, не так-то просто выехать куда-нибудь за границу, тем более, если он из зоны боевых действий. Эти люди, что сидят в посольствах и консульских центрах, почему-то думают, раз ты чеченец, значит потенциальный террорист или исламский экстремист. А некоторые вообще ставят знак равенства между этими понятиями.

Согласие на поездку я дал, конечно, не долго думая – ведь такая возможность бывает, может быть, раз в жизни. Потом Эрвин купил мне билеты на самолет туда и обратно, причем до вылета оставался ровно один месяц. За это время я должен был получить визу в канадском посольстве.

Я поехал в Москву и поселился в гостинице «Спутник», что на Ленинском проспекте. Буквально на второй день я подал документы на визу. Через три дня меня пригласили на собеседование. После непродолжительного разговора молодая, весьма симпатичная особа отказала мне в визе, сказав, что не видит оснований для ее выдачи. Честно говоря, я был ошеломлен таким заявлением сотрудницы посольства. Я был весь в ожидании, в предвкушении столь желанной поездки. И вдруг – как снег на голову – от-

каз. В очень мрачном настроении я вернулся в гостиницу.

Я не знал что делать, как поступить в сложившейся ситуации. На помощь пришел Эрвин. Он сказал, что у меня есть возможность еще раз подать документы на визу. Но сначала нам нужно было попросить наших канадских друзей, которые меня должны были принять, прислать подробное письмо с описанием условий моего проживания в их стране. Через 2 дня я получил от них электронное письмо и поехал в посольство. Документы приняли, но собеседование должно было состояться только через 4 дня. К этому времени я уже прожил в гостинице половину месяца, а с визой пока была неясность. Но,слава Богу, все закончилось удачно: визу мне дали за день до моего отлета в Амстердам. А оттуда на второй день я должен был вылететь в Ванкувер.

В канадском посольстве загранпаспорта с проставленными на них визами выдавал русский служащий. Видимо, он обратил на меня внимание за те долгие часы, что я провел в этом не очень гостеприимном учреждении.

Он мне сказал с улыбкой:

– Вы, как настоящий джентльмен, стойко выдержали это непростое испытание. Поздравляю Вас! Счастливой дороги!

Я его поблагодарил и с огромным облегчением на душе вышел на улицу. Было начало лета, кругом зелень, небо голубое, шум большого города, суета людей, беспрерывное движение

автомобилей по широким московским проспектам. На душе было как-то легко, свободно, как будто я сдал очень важный и трудный экзамен. Да, испытание с получением визы было не из легких и стоило мне ни столько физических, но огромных душевных сил. Но, слава Богу, этот этап пройден.

Из Европы в Канаду

На второй день я как раз и увидел голубой лайнер голландской компании «КЛМ» в аэропорту «Шереметьево», о котором так грезил. Это был «Боинг», просторный и чистый, с великолепным обслуживающим персоналом. Через два с небольшим часа мы сели в аэропорту Схипхол в Амстердаме. Я был впервые в Европе, среди великого множества пассажиров со всего света. Это было какое-то «вавилонское» столпотворение: целые толпы черных людей из Африки, (кажется, это были беженцы, которых международные гуманитарные организации вывезли из зон бедствий. Я подумал о своих земляках, которые тоже были, может быть, в более суровых условиях. Но их организованно вывозить никто не собирался, хотя многие тогда уезжали в Европу поодиночке на свой страх и риск), вездесущие, подвижные и шумные китайцы, крикливые арабы, степенные и важные европейцы и многие другие.

Помню, Схипхол поразил меня своими масштабами. Однако отсюда как-то надо было выбираться. У меня был ваучер на номер в гостинице,

но чтобы попасть туда, надо было получить отметку в паспорт и выйти в город. Я расспросил у работников «КЛМ» на ломаном английском, как и что мне нужно сделать. Очень доброжелательная и приветливая девушка объяснила мне, к кому нужно обратиться и тут же зарегистрировала мой билет на завтрашний рейс в канадский город Ванкувер, куда я, собственно говоря, и направлялся. К своему удивлению, я прекрасно понял, о чем мне говорила эта сотрудница авиакомпании. Я поблагодарил ее и пошел искать офис сотрудников миграционной службы. Там после того, как я отдал паспорт, билет и ваучер, человек в синей форме, напряженно и внимательно слушавший меня, как-то облегченно вздохнул и попросил подождать пять минут рядом в зале. Я обратил внимание, что здесь много людей, ожидающих решения миграционных властей. Скорее всего, как мне показалось, это были те, кто по каким-то причинам уехал из своей страны и хотел остаться в Европе. Ну что же, вольному воля. Теперь мне было понятно, почему тот сотрудник облегченно вздохнул. Я со своей кавказской внешностью явно походил на тех, кто обратился к ним с просьбой принять их в гостеприимную европейскую семью.

Мне дали добро на въезд в страну на сутки. Гостиница, или отель по-западному, была не далеко от аэропорта, туда я приехал на современном комфортабельном автобусе и, что немало важно, совершенно бесплатно. «Все включено!» – как говорят у них там, на «загнивающем Запа-

де». Признаться, я, бывший «совок», которому и в школе, и в вузе все время внушали, что Запад – это зло, здесь человек человеку волк, что они только и думают, как бы кого-то убить или ограбить, ничего негативного здесь не увидел. Здесь не было той тяжелой, унизительной для человека неславянской внешности недоверия и презрения, которые были в Москве: в аэропорту, в гостиницах, даже просто на улицах.

Да, как сказал один чудик: «Запад загнивает, но как-то красиво». Здесь я увидел доброе и уважительное отношение к простому человеку с любым цветом кожи, любой национальности и любой веры. Это было проявление человечности, толерантности, добра – как и должно быть во всем мире, в любом человеческом обществе.

На второй день я встретился с другом Эрвином и поехал к нему в гости в замечательно красивый и старинный город Делфт. Самолет в Ванкувер вылетал только вечером, и у меня было несколько часов, чтобы погостить в кругу семьи Эрвина и его жены Лизбет. Мы очень хорошо провели время, меня угостили замечательным обедом. Я даже успел посмотреть достопримечательности города. Больше всего запомнились его каналы с горбатыми мостами и старинные кирпичные дома с белыми окнами.

Эрвин и его дети поехали меня провожать в аэропорт. Мы тепло попрощались. Я снова сел в самолет авиакомпании «КЛМ», только на этот раз это был лайнер, гораздо крупнее того, на котором я вылетел из Москвы. В одном ряду толь-

ко было 10 мест! Огромный салон, два прохода, удобные для просмотра мониторы, наушники, чтобы слушать музыку, большие, очень удобные кресла и обслуживание на самом высоком уровне – вот это и есть самолет компании «КЛМ», совершающего рейс в Ванкувер.

Мы летели довольно-таки долго – целых 9 часов, 5 из которых только над территорией Канады. Я успел и подремать и посмотреть музыкальные клипы, которые почти непрерывно шли на мониторах, расположенных поверх сидений. Иногда тихая музыка прерывалась и на экранах показывали схему полета лайнера – место, где он находится на данный момент. Это очень удобно тем пассажирам, которые летят на дальнее расстояние. Моим соседом справа был пожилой англичанин, весьма любезный, но не словоохотливый, как и я. По правде говоря, если бы он и был расположен к светской беседе, я бы не смог с ним свободно общаться, поскольку мой английский был далек от совершенства. Видимо, он это понял с первых минут нашего общения и не стал мне особенно докучать. А слева от меня на двух креслах расположилась пожилая пара из Голландии. Нас часто угощали во время полета, постоянно приносили напитки, сладкое. Можно было что-то заказать и дополнительно. Вот этим и воспользовался шустрый старик-голландец, мой сосед. Он то и дело вскакивал и бежал к стюардам за маленькой бутылочкой сухого вина. Его жена была далеко не в восторге от инициативы развеселившегося мужа. Она укоризненно качала головой и что-то ему выго-

варивала. Но весельчака эти упреки нисколько не волновали, он выпивал в несколько глотков очередную бутылочку и чуть погодя бежал за следующей. В конце концов вино его опьянило, и любитель хмельного вскоре тихо уснул в своем кресле.

Пока продолжался полет, я все время думал о том, как меня встретят в Ванкувере, где и как я буду жить. Не скажу, что я особенно тревожился об этом, но некоторое волнение по этому поводу испытывал. Эрвин сказал при прощании, что мне не нужно ни о чем беспокоиться, меня ждут. Это, конечно, меня успокаивало, я знал, что мой друг очень серьезный человек и не стал бы опрометчиво посылать меня за океан, не согласовав все вопросы поездки.

Знакомство с новыми друзьями

Наш самолет прилетел в Ванкувер ближе к обеду второго дня вылета из Амстердама. В общем, с учетом разницы во времени мы были в полете 9 часов. Было немного странно видеть, как, вылетев в послеобеденное время с одного континента, ты оказался в почти то же самое время на другом континенте. Разница во времени между тем почти 12 часов. Ну, с этим надо было еще хорошо разобраться, понять это и привыкнуть к такому явлению, когда у тебя на родине ночь, а здесь в Канаде день, было вначале сложно.

Но все это было потом, спустя какое-то время. А сейчас я был в аэропорту города Ванку-

вера, и меня должны были встретить. Я забрал свой багаж и пробрался через толпу встречающих, внимательно разглядывая бумажки с надписями в руках некоторых из них. Но, к удивлению и легкому разочарованию, я не увидел своего имени ни на одном листе. «Та-ак, – подумал я, – кажется, у меня проблема. Но не будем спешить с выводами, еще не вечер».

Скоро толпа прилетевших и встречающих потихоньку разошлась, в зале прилета осталось несколько человек. Я уже собирался было пойти позвонить, как неожиданно передо мной появилась светловолосая женщина зрелых лет и, широко улыбнувшись, как это умеют делать американцы (впрочем, канадцы тоже это делают не хуже) спросила: «Вы Муса?» Спросила на английском, конечно. Я ответил, да, это я. Она назвала свое имя – Руфь. По-английски произнести это имя на первых порах мне было чрезвычайно сложно, я обычно говорил твердо – «Руф» или мягко – «Русь», что не совсем правильно.

В общем, Руфь меня встретила и привезла к себе домой. Так началось мое большое канадское приключение.

Вечером вернулся Эд – муж Руфи. Он коренастый, среднего роста, крепкого телосложения мужчина примерно моего возраста, что-то в пределах 46-47 лет. Эд довольно-таки общительный, любит пошутить, порассуждать на околополитические темы и, как выяснилось в первый же вечер нашего знакомства, хорошо готовит. Эд приготовил мясо на барбекю, Руфь

сделала замечательный салат, и мы сели ужинать во дворе на садовой мебели. Двор освещали яркие фонари, над дверью в дом мелодично позвякивали металлические трубочки, дул легкий освежающий ветерок. Здесь было так уютно, по-домашнему просто и комфортно. Руфь и Эд рассказывали о себе, о жизни в Канаде, расспрашивали меня о Чечне, о моей семье. Я многого не понимал из их речи, и они часто спрашивали меня «Муса, тебе понятно? Ты понял?» Да, отвечал я, почти понял или понял не совсем так, как нужно было. Они смеялись, говорили, что я человек с юмором. Так прошел мой первый вечер в Ванкувере в доме Эда и Руфи.

Мои новые друзья жили в собственном доме в западной части Ванкувера. В этом районе находятся в основном частные дома. Дом Эда и Руфи очень красивый, на трех уровнях, как и многие дома в этом городе. Нижний полуподвальный этаж с двумя спальнями, гостиной комнатой, кухней и ванной хозяева сдают квартирантам (вот она канадская предприимчивость). На втором, основном, этаже находятся гостиная, две спальни, в одной из которых разместили меня, кухня и ванная комната. А на третьем, мансардном, этаже расположена спальня хозяев, офис (по-нашему, кабинет) Руфи, ванна и отдельная маленькая комната, которая используется как гардеробная. Такой вот большой и удобный дом.

Руфь и Эдвард – хорошие друзья Эрвина. Они поддерживают дружеские отношения, пере-

писываются, встречаются по случаю. А Эдвард или Эд, как его называет Руфь и все друзья, родился и до 38 лет жил в Соединенных Штатах. Как они поженились с Руфь, он перебрался в Канаду. Здесь в Ванкувере они купили дом и стали жить в этом замечательном городе. У них нет детей, и это обстоятельство их тяготит. Руфь работает риэлтером, а Эд менеджером в очень крупной канадской фирме, которая производит все, что можно сделать из бумаги. У каждого своя машина, на которой они ездят на работу, у Руфи – «Вольво», а у Эда – «Тойота».

Ванкувер – прекрасный город на склонах холмов

В первые дни моего пребывания в Ванкувере Эд и Руфь по очереди, а иногда и вместе возили меня по городу, показывали его достопримечательности. Ванкувер лежит на горных склонах, которые плавно опускаются к океанскому заливу. У самого океана находится «даун-таун» – официальный и деловой центр города с небоскребами, роскошными домами, супермаркетами, культурными и образовательными учреждениями, жилыми высотными домами. Это, собственно, современный городской центр с интенсивным транспортным движением. Там течет насыщенная, деловая и культурная жизнь города. Там, как правило, много туристов, гостей из других стран и континентов.

Конечно, мне Ванкувер сразу понравился. Это очень красивый, благоустроенный и глав-

ное – безукоризненно чистый западный город. В нем очень много частных домов. В основном это не очень большие, ухоженные строения на 2-х или 3-х уровнях. И что характерно, передняя, фасадная часть домовладения открытая – нет никаких заборов, только лишь аккуратно подстриженный газон, несколько деревьев и лента кустарника, которая служат забором между соседями. Все чисто, аккуратно, газоны и кусты подстрижены, деревья ухожены. Поразительно, с какой любовью здесь люди относятся к природе!

В первые дни, когда мы ездили по городу, я только и делал, что смотрел по сторонам – на эту удивительную красоту!

В черте города несколько крупных парков, которые расположены в основном в спальных районах. Так называют части Ванкувера, где возведены частные дома, расположенные на тихих тенистых улицах. Эти улицы здесь называют авеню, и они имеют свою нумерацию. Дом Эда и Руфи, например, находится на 19-й авеню.

Каждый день я узнавал что-то новое о городе и его людях и все это было для меня чрезвычайно интересно. Я успел побывать во многих магазинах. В них есть все, что душа пожелает. Это просто удивительно, как хорошо там живут люди! Мои друзья обычно покупали продукты впрок, чтобы часто не ездить по магазинам. Благо в доме было 2 огромных холодильника, куда вмещалось целое море продуктов. Кстати,

меня в первый же вечер успокоили насчет еды – в доме свинину не едят и ничего свиного не готовят. Ну что же, подумал я, это просто замечательно, не нужно беспокоится о том, какое мясо подадут к столу.

Любимое занятие Эда – это готовить барбекю. Печь, на которой готовится барбекю (кстати, тоже называют таким же именем), растапливается специально предназначенным для этого углем (сейчас для нас в России это уже не диковинка, а 17 лет назад я это видел только в американском кино). Сначала уголь разжигают от газовой форсунки, затем, как только он разгорелся, газ отключают. Над огнем находится металлическая решетка, на которой и готовят барбекю – жареное мясо, рыба или курятина. Приготовленное таким образом мясо напоминает наш шашлык, хотя, на мой взгляд, барбекю значительно ему уступает.

Когда приглашают гостей (у Эда и Руфи это случалось довольно-таки часто), обычно готовят барбекю. Видимо, это удобно, просто и практично. Должен сказать, здесь вообще не готовят первые блюда. Привычные для нас супы, борщи и другие жидкие блюда в Канаде подают в кафе и ресторанах (а борщ можно отведать только в русском или украинском ресторане. Кстати, многие канадцы очень любят это блюдо). К барбекю подают салаты и различные приправы – острые, пряные, некоторые с необычным и новым для нас вкусом, а еще, как ни парадоксально, джем и отваренную фасоль – что-то

типа соуса. Обычно мясо,салаты, соусы, овощи кладут в большие тарелки, а оттуда каждый для себя берет понемногу в свою тарелку. За столом обстановка непринужденная, свободная, ведется беседа на любую тему, звучат шутки. Столовым ножом пользуются только в том случае, когда это действительно необходимо. Из напитков к мясу подают красное вино и холодные напитки. И, конечно, на десерт предлагают сладости и фрукты . Вот так обычно проходит ужин у канадцев, во всяком случае в доме четы Мерфи было так принято.

Эд после работы переодевался и начинал что-нибудь делать по дому. Он говорил, что к концу рабочего дня у него уже готов план домашних дел на сегодня. На него приятно было смотреть, когда он с любовью поливал растительность во дворе и вокруг дома, чинил или мастерил что-то. Обычно мы вместе подстригали траву на газоне перед домом. Он увидел, что мне нравится работать с газонокосилкой и стал доверять мне это дело. Я аккуратно подстригал полосами траву тарахтящей бензиновой косилкой, стараясь, чтобы не осталось даже клочка нескошенной растительности. Эд, возвращаясь с работы, внимательно смотрел на мою работу и говорил: «Mousa, good job!»*. «Ну, что же, гуд так гуд, – говорил я про себя, – будем стараться, my friend».

У Эда и Руфи небольшой участок земли – всего сотки четыре. Но у них каждый санти-

* Муса, хорошая работа!

метр используется с максимальной пользой. На заднем дворе, где обычно мы ужинали, много цветов, посажено несколько деревьев, есть даже береза, правда, без черных полосок. Сделан небольшой фонтан. Стоит мексиканская печь из керамики, наподобие небольшого камина. Очень приятно было тихими летними вечерами слушать журчание воды и мелодичный звон металлических трубочек над входом в дом. Как правило, мы садились под большим зонтом на легкие летние стулья и наслаждались покоем. Да, пожалуй, это были самые незабываемые вечера, проведенные мной в Канаде.

С английским не все так просто

Но, однако, надо было подумать и о моей учебе, и вот мои хозяева и их друзья, которые стали и моими друзьями тоже, нашли для меня учительницу английского языка. Это была весьма почтенная леди с безупречными манерами и очень доброжелательной улыбкой. Звали мою будущую «инглиш тичер» Вайола Эскобар. Она была в дружеских отношениях с семьей Эда и Руфи Мерфи, иногда бывала в их доме. Миссис Эскобар взялась за мое обучение, причем, совершенно бесплатно. Миссис Вайола, как верующая, решила оказать бескорыстную помощь человеку из региона, где шла война и были человеческие жертвы.

Моя новая учительница поставила мне единственное условие: регулярно и тщательно готовиться к занятиям. Я ее искренне поблагодарил

за щедрый жест и пообещал не разочаровать. Она тут же исправила мои речевые ошибки и сказала, что будет меня ждать в учебном центре, который находился в одном из пригородов Ванкувера – Бернаби, где она проживала.

Вскоре наши занятия английским начались. Я приезжал в Бернаби к 10 часам и до 12 занимался языком. Вайола учила меня грамматике, разговорной речи, исправляя буквально каждый мой звук. Это было, конечно, нелегко, но, видит Бог, я старался. Грамматику я учил и раньше, правда, самостоятельно и без системы, но мои знания на наших занятиях пригодились. Вайола меня часто хвалила и всячески поощряла за старание. Ей нравилось, что я стараюсь постичь язык и за пределами наших уроков. Когда ехал на занятия (для этого мне приходилось менять несколько видов транспорта), я внимательно изучал рекламные надписи, которых в общественном транспорте было великое множество. Записав эти лозунги-призывы в свою тетрадь, я пытался их перевести без помощи словаря. Часто мне это удавалось, и моя учительница радовалась вместе со мной этим маленьким моим победам.

Вайола Эскобар родилась в Канаде в семье польских эмигрантов, ее девичья фамилия Лисовски. Закончив школу, она стала работать в школе учителем начальных классов. Затем уехала в Перу, там учили детей и взрослых английскому языку. Вышла замуж за перуанца Альфонсо Эскобар, у которого был небольшой

бизнес в своей стране. Уже в зрелом возрасте Вайола и Альфонсо переехали в Канаду, в Бернаби.

После обеда, который в Канаде называют ланчем, у меня проходили встречи с разными людьми, в основном это были друзья Эда и Руфи, с которыми я пытался разговаривать. Это были очень полезные занятия для меня, поскольку я слышал живую английскую речь и погружался в нее, как пловец в воду.

Транспорт в Ванкувере

Много времени, что-то более часа, у меня уходило на дорогу, ведь, как я писал, мне приходилось менять разные виды общественного транспорта. Но об этом, пожалуй, нужно рассказать более подробно. В Ванкувере несколько видов общественного транспорта: автобус, троллейбус, скайтрейн (надземный электропоезд на монорельсе), сабвэй (метро) и ситрейн (морские катера и небольшие суда). Весь транспорт делится на три зоны и оплата проезда разная. К примеру, билет, купленный в одной зоне, не может быть использован в другой. Стоимость в автобусе, например, 1 канадский доллар и 75 центов. По нашим меркам это, конечно, дорого. Но зато какой транспорт – все в нем чисто, аккуратно, и ездит он строго по расписанию. И что важно: билет купленный, например, в автобусе в течении определенного времени можно использовать и в другом виде транспорта. Входя в автобус или троллейбус, показываешь

водителю проездной билет (мне с первых дней приобрели проездной, который можно было использовать в течении одного месяца). Если же у тебя нет проездного, покупаешь билет у водителя, рядом с которым находится касса для денег. Бросаешь туда монеты, и водитель вручает тебе билет. Сдачу водитель не дает, если ты бросил в кассу два доллара или больше, то, значит, ты столько заплатил.

Когда приближается твоя остановка, нужно дернуть за корд (шнур, который протянут вдоль окон в автобусе или троллейбусе), чтобы водитель услышал сигнал и остановил транспорт, иначе ты рискуешь проехать свою остановку. Чтобы открыли дверь, нужно опуститься на одну ступеньку. Вот такие несложные правила нужно соблюдать в общественном транспорте в Ванкувере, да и в других городах Канады тоже. А вот скайтрейн это совершенно другой транспорт, он как поезд в нашем метро. В нем четыре небольших, очень аккуратных вагона, все автоматизировано, машиниста в поезде нет.

Во всех автобусах, троллейбусах, в вагонах скайтрейна назойливая, кричащая и пестрая реклама: лозунги, номера и адреса компаний. Вот такого типа: «У вас финансовые проблемы? Позвоните нам!» Вообще, реклама там на каждом шагу: с витрин магазинов, со щитов на улицах, со стен домов и учреждений тебя приглашают купить, поесть, отдохнуть, поехать, позвонить, взять кредит. «Проголодались? Зайдите! Гамбургер всего за 1,5 доллара!» И так везде.

Сейчас нам, конечно, все это знакомо, мы видим рекламу на улице, по телевидению и радио, в интернете – везде, где только возможно. Но тогда, 18 лет назад, в далекой Канаде я вкусил «всю прелесть» этого явления, и не скажу, что это меня особенно радовало и вдохновляло на какие-то решительные действия.

Приветливые канадцы

Канадцы очень приветливы. Поначалу их приветствие совершенно незнакомого человека немного шокирует. Ты идешь по улице, и вдруг человек, который идет тебе навстречу, широко улыбается, как будто вы давно знакомы и не виделись лет пять, и говорит весело «Hi !» (Привет!). Ты удивлен, невольно оборачиваешься, тебе кажется, что он поприветствовал идущего за тобой. Но там никого нет. «А, это он обознался», – думаешь ты, но на всякий случай тоже здороваешься с ним, правда, не так весело. Но как выясняется позже, это принятая и широко распространенная в Канаде традиция – здороваться со встречным. А про улыбки и говорить не приходится – здесь вам улыбаются везде: и в магазинах, и на улице, и в парикмахерской, и в парке.

Канадский дневник

Признаться, меня занимала жизнь в Канаде, и отдельные события, особо меня впечатлившие, я старался записывать. Так у меня появился «Канадский дневник». Вот некоторые из моих записей:

22.07.2000 г.

Сегодня суббота – у меня выходной день. С утра шел мелкий моросящий дождь, который наводил гнетущую зеленую тоску. Не хотелось вставать, я долго лежал в постели, наслаждаясь покоем и бездельем. После ванной зашел на кухню. Завтрак и ланч я готовлю себе сам. Руфь один раз показала мне, как и что нужно взять на ланч, после этого я что-то обычно сам беру из кухни. Сегодня я ограничился кружкой кофе. Честно говоря, не очень приятно лазать по чужим шкафам, готовя себе пищу. Завтрак здесь очень легкий, иногда это просто кружка кофе, вот как сегодня у меня. При таком ненормальном питании многие канадцы довольнотаки упитанные и даже толстые. Не знаю, как это у них получается, питаются-то как попало. Может, поэтому и толстые, что все время что-то жуют, иногда прямо на ходу.

В общем, здесь многие по утрам пьют кофе с молоком. Это, можно сказать, любимый утренний напиток канадцев. Хотя есть, конечно, и исключения из этого традиционного правила. У Эскобаров, например, мы утром пили апельсиновый сок и воду. Это было совсем недавно, когда меня временно поселили к добрым старикам на несколько дней, на то время, пока Эд и Руфь съездили в США на свадьбу племянника Эда.

Ближе к обеду мы с Руфь поехали в портовую часть Ванкувера – там я еще не был. Признаться, очень люблю море и все, что с ним связано. А Ванкувер находится на берегу Тихо-

го океана. От океана сюда заходит живописный залив, который имеет такое необычное и романтичное название – Лошадиная подкова. Залив, и правда, напоминал своей формой подкову. А вот кто придумал ему столь красивое имя для меня неведомо. Надо спросить у Эда с Руфью. А ведь, правда, интересное название?

Мы с Руфь побывали на острове Грэнвилл. Собственно, это небольшой островок. Своего рода торговая «Мекка» в Ванкувере. Что интересно, над островом тянется один из крупных мостов в Ванкувере – Грэнвилл стрит бридж с восьмиполосным автомобильным движением и высотой 27 метров. Здесь очень много торговых заведений – «маркеты», как говорят канадцы, в которых можно купить все, что душе угодно, есть аттракционы для детей, кафе и рестораны, даже музеи и театр. И что интересно – на острове, несмотря на ненастную погоду, всегда много туристов, в основном это китайцы и японцы, которых здесь великое множество, в том числе и среди жителей Ванкувера.

Мы довольно долго ездили по Грэнвиллу, посмотрели много занимательных вещей. Мне особенно понравились резные фигуры коренных жителей Канады – индейцев. Большие столбы-тотемы, фигурки людей, птиц и зверей – все это было сделано весьма искусно и красиво. И работали над всем этим, как мне кажется, настоящие профессионалы – скульпторы, художники. Затем мы пообедали в очень уютном кафе, здесь был большой выбор блюд из рыбы и мяса. Я

предпочел рыбу, запеченную в тесте. Это, поверьте, очень вкусно.

30.07.2000 г.

За эти несколько прошедших дней у меня была масса встреч и поездок. По четвергам за мной обычно приезжает супружеская пара очень добрых и симпатичных людей из Дельты, небольшого городка, который находится недалеко от Ванкувера. Он расположен на правом берегу большой судоходной реки Фрезер, которая протекает рядом с Ванкувером и впадает в залив Лошадиное копыто.

Тед и Норма живут в небольшом собственном доме, который находится на возвышенности, в очень живописном месте, рядом с лесом. Тед работал на заводе инженером и вышел недавно на пенсию. А Норма работала учителем в начальных классах в городе Дельта. Она тоже с недавнего времени на пенсии. Супруги показывают мне достопримечательности Ванкувера и близлежащих мест. Они тоже друзья моих хозяев – Мерфи, и, узнав о цели моего пребывания в Ванкувере, Тед и Норма предложили свои услуги в качестве добровольных спикеров.

Я все больше и больше убеждаюсь, какие здесь хорошие люди, во всяком случае, из числа друзей и знакомых Мерфи почти все добрые и отзывчивые. Они очень внимательно относятся ко мне, следят за моей речью, поправляют, подбадривают, хвалят. Я с ними не чувствую скованности и дискомфорта. Они просты в общении, милы и приветливы. Так что мне не-

вероятно повезло с моими новыми друзьями в Канаде.

А недавно, точнее 3 дня назад, мы с Тедом и Нормой ездили к берегу Тихого океана, к месту, которое называется White Rock (Белая скала). Под этим названием на берегу океана расположен довольно-таки большой район, куда входят и небольшой город с таким же названием, несколько сел и ферм. Села здесь – это все-таки маленькие городки. Ну как можно назвать селом населенный пункт, в котором есть все городские коммуникации и удобства, чистые, аккуратные улицы, по которым не гуляет скот, и откуда можно позвонить в любую точку Земли?

А город White Rock – это очень чистый, аккуратный и удобный город, расположенный на берегу океана, рядом с границей США. Друзья мне показали – вдали у океана был маяк и какие-то дома. «Это уже Америка, – сказал Тед. Странно, в Канаде, как и во всем мире, США называют Америкой, как будто здесь только одна эта страна. Вот что значит стереотип мышления.

В White Rock люди приезжают из самых отдаленных уголков Канады и других стран. Многие сюда едут по железной дороге. Она тянется по побережью, огибая этот замечательный город, который с невысоких холмов аккуратно опускается к океану. От набережной в океан выходят длинные деревянные молы на высоких сваях. По ним и по набережной гуляет много людей, одетых по-летнему в светлые одежды. Кстати,

канадцы неприхотливы в нарядах, большинство из них носит футболки и шорты, причем и мужчины, и женщины одеваются одинаково. И практически все носят кроссовки с высокими белыми носками. Такую одежду они предпочитают носить и на работу, и на учебу. Ну что же сказать по этому поводу? По крайней мере, это весьма удобно, хотя не для всех приемлемо, особенно для тех, у кого другой менталитет (хотя, как знать).

Я, кажется, отвлекся. Хочу еще немного рассказать о таком чудесном месте, как White Rock (Белая скала). Недалеко от берега, напротив набережной, длинной и закругленной косой тянется насыпь из крупных камней. Это искусственное заграждение сделано для того, чтобы защитить от высоких волн набережную и изящные белые катера, которые качаются на зеленых океанских волнах у этих заградительных камней. Такие катера себе могут позволить далеко не все канадцы. Это весьма не дешевое удовольствие. Но живя рядом с океаном, жители Ванкувера и Белой скалы стараются воспользоваться такой прекрасной возможностью, как плавание на катерах в океане.

В этом городе, я имею в виду, конечно, White Rock спокойная и размеренная жизнь, никто никуда не спешит, все отдыхают, наслаждаются покоем, любуясь океаном и отдаленными горами, на которых даже в летнее время лежит снег.

На тротуарах возле кафе и ресторанов стоят столики под большими зонтами, звучит не-

громкая музыка, отдыхающие сидят за бокалом вина, чашкой кофе или со стаканом с прохладительным напитком. Рядом проезжают машины, проходят люди. Нет шумных выкриков, скандалов, хохота – всего, что могло бы помешать отдыху окружающих. Люди сидят, спокойно разговаривают, шутят, улыбаются. И никто никому не мешает.

Кстати, видел я и сам White Rock (Белую скалу), а точнее, огромный камень, с трещинами поверху. Он лежал на галечном пляже, недалеко от воды. Камень был покрашен в белый цвет и не производил впечатления чего-то естественного, природного. Может, когда-то он имел свой натуральный, природный белый цвет и поэтому так и был назван. Я спросил у своих друзей, почему камень покрасили. Тед сказал, что на нем были надписи далеко не литературного содержания, и его пришлось покрасить. Ах, вон оно что! Дело оказалось куда прозаичней, чем я думал. Ну что же, люди везде одинаковы что в России, что в Канаде – наши тоже, наверное, написали бы что-то типа: «Здесь был Вася» или «Махмуд из Бегаш-юрта», а то и вовсе слова, не употребляемые в приличном обществе. Но огромный валун сам по себе весьма симпатичный, впечатляющий. Интересно, как он сюда попал? Мои друзья об этом не знали. Они сказали, вроде бы он был здесь все время.

Вот так я постигал интересные места и достопримечательности Бритиш Каламбии. Так называлась провинция, в которой был располо-

жен Ванкувер и еще 39 других менее крупных городов этой части Канады. Рельеф местности и особенно горы напоминал мне нашу Чечню, хотя были, конечно, и существенные различия. У нас, например, нет океана или моря поблизости. Но мы по этому поводу особенно не переживаем.

01.08.2000 г.

Наши встречи с Тедом и Нормой происходят в основном по четвергам (этот день у них более свободный от домашних и прочих дел). На этот раз мы поехали в место, которое называется Стивенсон Ландинг. По всей вероятности, этот самый Стивенсон – один из первых западных переселенцев в этих краях. Он здесь застолбил участок в несколько акров и сказал: «Отныне эта земля принадлежит мне». Потом он отстреливался из винчестера от местных аборигенов в лице вольнолюбивых и гордых индейцев, которым очень не нравилось, как эти пришлые белые люди хозяйничают на их земле. Ну, на самом деле это, может быть, было вовсе и не так. Скорее всего, Стивенсон купил у индейцев эту землю за чисто символическую плату ввиде красивых бус или каких-то других украшений.

Впрочем, с моими друзьями на эти темы я обычно не говорил. Им страшно не нравится, когда их считают завоевателями «дикого запада».

Стивенсон Ландинг – небольшое местечко, скорее поселок, чем город, и знаменит он тем, что здесь очень много рыбы, рыбаков и их шхун,

которые канадцы называют «фишбот», что означает «рыбацкое судно». Сюда приезжают за рыбой из близлежащих городов и сел, поскольку здесь всегда можно купить самую свежую океанскую и речную рыбу. Он расположен на побережье океана. Здесь красивый ландшафт, вдали океанская ширь, справа горы, которые вошли в воду и навсегда замерли в ее суровой пучине.

В тот день шел мелкий дождь, но он не мешал нам насладиться очарованием этого места. Рыбаки на катерах были одеты в робы или в дождевики, чтобы не промокнуть под моросящим дождем. Им ведь приходилось часами стоять и ждать, пока покупатели подходят за рыбой. А покупателей было не так уж много, видимо, их напугал этот нескончаемый и нудный дождь.

Мы с Тедом и Нормой бродили по набережной, наблюдая за всем, что происходит вокруг. Несмотря на ненастную погоду, над водой в поисках пищи летали белые чайки. Порой им удавалось выхватить из воды не слишком осторожную рыбу. И тогда они с пронзительными криками слетались на добычу, пытаясь оторвать рыбу друг у друга. Да, совсем не дружелюбная эта птица – чайка.

У нас были зонты, и дождь, надолго зарядивший в этот день, нам был совершенно не страшен. Мне почему- то вспомнилась фраза «Что может быть лучше плохой погоды?» Я гадал, что это было – то ли название фильма, то ли книги, да так и не вспомнил.

Мои друзья предложили зайти в кафе и перекусить чего-нибудь. По предыдущему опыту,

когда мы с Руфь побывали на островке Грэнвилл, я знал, что здесь многие блюда будут с рыбой. Да, так оно и было. Мы заказали фиш-энд-чипс. Горячая жареная рыба в тесте и картофельные чипсы в такую погоду, особенно, если ты нагулял хороший аппетит во время прогулки под дождем, наверное, самый лучший выбор.

04.08.2000 г.

На днях Эд, Руфь и я отправились на остров Ванкувер, на котором находится, кстати, столица провинции Британ Коламбиа – город Виктория. Остров, как и самый крупный город региона, тоже называется Ванкувер. Город и остров названы в честь отважного капитана Королевского флота Великобритании Джорджа Ванкувера, первооткрывателя этих земель. Кстати, остров носящий имя этого славного капитана, сотоварища знаменитого английского мореплавателя Джеймса Кука, был открыт им в конце 18 века. На корабле «Дискавери» капитан Ванкувер тщательно исследовал заливы и бухты западного побережья континента. Он открыл эти земли, и они стали называться «Британ Коламбиа» , то есть «Британская Коламбия». Англичане всегда спешили присвоить свои имена вновь открытым землям, так случилось и здесь. В те времена во всем мире сильные морские державы открывали новые земли, и часто силой оружия, порабощая и уничтожая аборигенов, захватывали все, что было ценное во вновь открытых краях. И все это делалось во имя короны, во имя сильной державы, чтобы

главенствовать в мире. И англичане в этом плане выглядели далеко не лучшим образом. Они в прошлые века имели самые обширные колонии во всем мире, нещадно их обирали, увеличивая богатства королевской казны.

Однако после столь туманного отступления в малоизведанное прошлое и совершения краткого исторического экскурса позволю себе вернуться к нашей поездке в Викторию. Кстати, несмотря на то, что это не очень большой город, сюда заходят крупные океанские лайнеры, сухогрузы, рыбацкие корабли, спортивные яхты – здесь находится один из крупных портов Канады. Виктория – город, который посещают туристы со всего мира. С первой минуты пребывания создается впечатление, что здесь сохранился дух старой, так называемой, «доброй» Англии. Я никогда не видел ни старой, ни «доброй» Англии, но то, что здесь соблюдают английские традиции понял сразу. Они везде, но больше всего в архитектуре. Сохранилось много старых домов, стиль и архитектура которых напоминают переселенцам, а точнее их потомкам, ту историческую родину, которую они покинули в поисках лучшей жизни.

В Виктории есть на что посмотреть: великолепное здание говермента (правительства или мэрии острова), Исторический музей, старинный английский отель «Импресс», картинные галереи, театры, парки, музеи. Но все это посетить за один день невозможно – наше пребывание в этом городе не было рассчитано на более

длительный срок. И за этот единственный день мы посетили отель «Импресс», музей, порт, два-три магазина.

Отель «Импресс», созданный в старом английском стиле, весьма впечатляет: богатые отделки на этажах, шикарные дубовые лестницы, раскошные рестораны и магазины, великолепные номера для гостей, вышколенная, предупредительная обслуга, везде зеркала и ковры, светильники, позолота, современные, стилизованные под старину лифты, красивое сочетание старины и современности – вот это и есть отель «Импресс». Понятно, что номер в таком отеле по карману лишь весьма состоятельным людям.

В Историческом музее мы посмотрели несколько экспозиций: жизнь коренных жителей Канады – индейцев, зал первооткрывателей, жизнь канадцев в 19 веке и на заре 20 века, природа и животный мир страны.

Все экспозиции были подготовлены на очень высоком уровне, богато оформлены. В некоторых залах есть звуковые сопровождения к экспонатам, это создает эффект реальности. К примеру, экспонируется жизнь фермеров прошлых лет. Стоит чучело коня, лежит плуг, разная домашняя утварь, слышно как кудахчут куры, мычат коровы, ржут лошади. На заднем фоне нарисованы горы, леса, река. Все эти предметы кажутся реальными, естественными.

В другом зале показана жизнь вокзала – по всей видимости, это конец 19 века. Зал, скамьи для пассажиров, билетная касса, в углу старин-

ная железная печь, на стене расписание поездов. Вдруг – грохот, свист, шум приближающегося к вокзалу поезда, и за окном начинают мелькать освещенные вагоны. Эффект очень впечатляющий! И интересно, и поучительно. Каждый посетитель, помимо знаний о прошлом канадцев, получает и массу приятных впечатлений от увиденного.

А вот порт в Виктории – это просто невероятно красивое зрелище для любителей моря и кораблей. Впрочем, для тех, кто равнодушен к морской тематике это тоже интересно. Представьте себе: на глади голубой воды лежат белоснежные океанские лайнеры, которые, избороздив моря и океаны, пришли в этот порт, чтобы отдохнуть, набраться сил и уйти дальше в неизведанные дали.

Здесь очень много спортивных яхт и других мелких судов, которые тоже ждут в порту своих хозяев, чтобы отправиться в увлекательное морское путешествие.

Мы прекрасно провели время в Виктории и вечером сели на паром, который курсировал между островом и городом Ванкувером. Паром по сути это огромный корабль с тремя большими палубами. На нижней палубе размещается транспорт пассажиров, а на верхних двух они сами. По-английски паром называют «ферри». На судне все сделано так, чтобы пассажиры чувствовали себя комфортно, могли отдохнуть, развлечься, поесть – для этого здесь есть все условия. На пароме, например, есть телефон-

ная связь с любым городом земли. Дети могут провести время за игровыми автоматами, и для взрослых есть разные развлечения.

А с верхней палубы великолепный обзор! Видны маленькие острова, мимо которых проплывал паром. Был поздний вечер. И на островах горели огни, даже на самых маленьких из них было электрическое освещение в домах. Наверно, это был свет от двигателей, вырабатывающих электричество.

За все время, пока я жил в Ванкувере, я впервые видел ночной город издалека. Он весь был в сиянии – обычное освещение сливалось с ярким неоновым рекламным светом. Зрелище было необыкновенно красивое! Свет со склонов, на которых были в основном частные дома, плавно перетекал к даун-тауну с его небоскребами, торговыми и развлекательными центрами. Поистине, город огней!

Мы съехали с парома на машине Эда и двинулись в сторону Камби-стрит, от которой нужно было свернуть на 19-ю авеню к нашему дому. Несмотря на поздний час на улицах города было довольно-таки оживленно: интенсивный поток машин, толпы людей у ночных заведений, кафе и ресторанов. В общем, ночная жизнь Ванкувера была в разгаре. Но нас она, честно говоря, совершенно не интересовала, хотелось поскорее домой, помыться и в постель. К ночи усталость сказывалась все больше. Шутка ли, проделали такой долгий путь на машине и пароме, а у меня набралось столько впечатлений, столько эмоций! Все это надо было как-то переварить.

Мы приехали домой довольно-таки поздно. Соседи, наверное, уже спали. Эта часть города, где в основном частные дома, затихает рано. Это, видимо, сложившаяся годами традиция – рано вставать на работу и пораньше лечь, чтобы хорошенько отдохнуть перед трудовым днем.

На ночной улице с двух сторон – две длинные вереницы легковых машин, припаркованных перед домами хозяев. Тишина, покой, лишь шуршание листвы на деревьях и мелодичное позвякивание металлических трубочек, подвешанных над входами домов.

5.08.2000 г.

Сегодняшний день у меня был очень насыщенным. С утра мы с Руфь ездили за покупками. Здесь это называется shopping (шоппинг), то есть покупка вещей, хождение по магазинам. Это весьма интересное занятие, особенно для женщин. Для них это целое шоу: посмотреть, прицениться, обсудить, примерить. К моему счастью, Руфь не относилась к категории женщин, которых за уши не оттянешь от прилавков. Она человек прагматичный, разглядывать не нужные ей вещи никогда не станет. А я в магазин иду лишь по крайней необходимости. Так что мы быстро пробежались по торговым точкам и купили подарки для моих родственников. Здесь в крупных магазинах есть, конечно, на что посмотреть, очень много всевозможных товаров – дорогих, очень дорогих и подешевле. Но меня это не занимало.

А вечером чета Эскобаров, моя учительница Вайола и ее супруг Альфонсо, с которым я

успел подружиться, пригласили меня на horse-show, что означает «представление с лошадьми». На подобном шоу я, признаться, раньше не был. А это запомнил навсегда. Но обо всем по порядку.

Самое интересное: показывали породу перуанских лошадей, поэтому это вызвало столь пристальный интерес у Альфонсо, который, собственно, меня и пригласил на шоу. Перед этим он у меня еще спросил, люблю ли я лошадей. «Ну что Вы говорите, Альфонсо, – сказал я, – как кавказец не может любить лошадей? Ведь это у нас в крови». Он, довольный, улыбнулся и сказал: « У перуанцев тоже». Вот так мы, два горных человека, нашли общий интерес и почувствовали друг к другу еще большую симпатию.

Перед шоу мы зашли в кафе, которое было в этом зимнем стадионе, где должны пройти соревнования. А шоу проходило в форме соревнований. Первое блюдо, которое мы с Вайолой и Альфонсо попробовали, было что-то типа жареной курицы с рисом, залитое необыкновенно острым соусом, который придавал ему особую пикантность. А на второе, по рекомендации Вайолы, мы взяли фруктовый пудинг. Прекрасное блюдо, которое замечательно дополняло курицу с рисом.

Наконец после шумной и немного напыщенной церемонии началось шоу. Всадники показывали прекрасных коней, просто одно загляденье – один лучше другого. Я представляю,

в каком затруднении было жюри, выбирая из них лучшего. Правда, в шоу были разные номинации, поэтому и победителей было достаточно много. Конечно, грациозность и красоту перуанских лошадей оценивало компетентное жюри, об этом можно было судить по реакции зрителей. Они с одобрением реагировали на оценки, выставленные тому или иному всаднику с его лошадью.

Честно говоря, подобную красоту лошадей и как их представляли я видел впервые, и это зрелище меня полностью захватило. Кто-то из великих сказал: «На свете нет ничего прекрасней, чем танцующая женщина и гарцующая лошадь». Да, он оказался прав! Действительно, это неповторимое по красоте зрелище! В этот вечер я увидел эту красоту.

После основного показа – конкурса лошадей – на арену вышли артисты, которые исполняли перуанские танцы. Красивые, пышные платья девушек прекрасно сочетались с широкополыми шляпами и нарядами юношей. Танцующие держали в руках белые платочки. Великолепная грация, легкое парение по полу, красивые, отточенные движения, яркие улыбки, ритмичные отстукивания каблуков – вот что такое перуанский танец! И наконец самый главный танцевальный номер: всадник на коне и девушка. Как красиво гарцует лошадь, ловко управляемая всадником, и как великолепно двигается девушка, делая невероятно красивые па. Да, это зрелище надо увидеть хотя бы раз в жизни!

Альфонсо то и дело вскакивал, восторженно аплодировал и восклицал: «Браво!» Он сидел впереди, недалеко от меня и часто кричал мне, указывая на танцующих: «Муса! Муса!» Всем своим видом мой новый друг хотел показать свой восторг и желал, чтобы я разделил его с ним. Я поднимал большой палец и тоже кричал: «Браво!». Альфонсо был в неописуемом восторге от шоу, и ему трудно было сдерживать свой южный темперамент среди спокойных и сдержанных канадцев. Он словно понимал, что из всех окружающих только я один могу понять его чувства по-настоящему.

9.08.2000 г.

Сегодня после моих занятий в учебный центр пришел мой новый знакомый – Боб Дэвис. Это высокий, спортивного сложения, по-юношески стройный человек лет пятидесяти. Боб обещал мне показать реку Фрезер и покататься на лодке. Я приглашение принял с удовольствием. Но сначала мы заехали к нему домой на ланч. Дома была его супруга Шарон, которая хлопотала на кухне, видимо, готовясь к нашему приезду. Она приготовила вкусный суп, что-то типа борща с овощами и замечательный салат с сыром. После ланча мы поехали на реку. У Боба старая американская машина «кадиллак» с открытым верхом. На такой машине очень интересно ездить. Я сразу вспомнил американские фильмы-боевики, где на таких машинах разъезжали полицейские или гангстеры. (Да, удивительны дела Твои, О Аллах! Порой не знаешь, что суждено увидеть и испытать).

В поездке с нами была молодая китайская семья, с которой дружат Боб и Шарон. Китайцы, теперь взявшие новые имена – Майк, Люси и их маленькая дочь Дженни, которой, наверное, лет 5, приехали в Ванкувер около года назад. Они эмигранты, живут недалеко от Боба.

Боб подцепил к «кадиллаку» тележку, на которой была его лодка, и мы поехали. Шарон, сославшись на дела, осталась дома.

Боб живет рядом с рекой, в живописном месте. Мы проехали всего метров триста-четыреста и прибыли на берег Фрезера. На реке было очень интересно. Лодка у Боба довольно большая, вместительная. Он встал у руля и покатил нас по ровной глади воды. Погода стояла замечательная, по-летнему солнечная. Кстати, лето в Ванкувере не жаркое, а довольно-таки прохладное по нашим кавказским меркам, что-то около 25 градусов.

Фрезер – судоходная река, по ней плавают разные суда, но в основном катера, фиш-боты, пассажирские суда и сухогрузы. Еще по ней сплавляют лес – великолепные канадские сосны и ели. Мы видели целые горы бревен у берега. Иногда замечали речных зверьков среди бревен. Из объяснения Боба я понял, что это бобры. Мы проплывали под мостами, в одном месте их рядом оказалось целых три. Наш катер быстроходный, иногда он отрывался от воды и шлепался на поверхность с небольшой высоты, тогда все дружно смеялись. Больше всех радовалась маленькая китаянка Дженни. Для нее

эта поездка большой праздник и увлекательное путешествие.

Вскоре мы добрались до города Нью-Вестминстра. Этот небольшой городок лежит на берегу Фрезера. В порту стояли разные суда, крупные и мелкие. Полюбовавшись на них, мы повернули обратно. Люди с берега и судов дружелюбно махали нам, мы тоже в ответ поприветствовали их.

На обратном пути увидели завалившуюся на бок баржу с лесом. Боб подвел катер поближе, чтобы посмотреть, что же там случилось. Баржа была чересчур перегружена и, наверное, от большой волны накренилась набок. Два катера пытались с носа и кормы оттянуть баржу и вытащить ее из-под леса. С одного катера крикнули, чтобы мы отплыли подальше, поскольку находиться рядом было небезопасно. Боб завел мотор и отошел на порядочную дистанцию. Отплывая, мы увидели, что катерам все-таки удалось освободить баржу из-под огромной горы леса. Бревна с грохотом за считанные секунды соскользнули в воду. Баржу на буксире потащили в порт, она все еще была накренившись.

14.08.2000 г.

Сегодня был день моего рождения. Мне исполнилось 48 лет. Да, солидный возраст.

Мои друзья устроили ланч в парке, который называется Central park (Центральный парк). Он находится в Бернаби. Видимо, здесь в Канаде такая традиция – отмечать какие-либо торжества в парке. По-моему, это замечательная

традиция. Минимум затрат и максимум удовольствия. Все происходит на природе, просто и легко. У нас был положенный в таких случаях торт со свечками, которые я задул одним дуновением. Друзья закричали дружно «Good!» и спели для меня «Happy birthday!», которую поют во всем мире, поздравляя именинника.

Этот день рождения мне запомнится надолго. Было весело, все шутили, рассказывали разные смешные истории. Я впервые отмечал свой праздник в такой обстановке: кругом один из самых красивых парков провинции, яркий солнечный день, пение птиц, рядом новые друзья, которые, оставив свои дела, пришли сюда, чтобы сделать мне приятное. Я поблагодарил их за внимание, за доставленную радость и приятное время, которое мы провели в этом чудесном месте.

Моя учительница Вайола вызвалась отвезти меня домой, поскольку у Руфи были срочные дела, а Эд в тот день был на работе и не смог побыть с нами.

Мне взгрустнулось. Моих родных и близких не было рядом в мой день рождения. Я здесь в парке отдыхаю, а они там, дома, в тяжелых условиях войны, среди хаоса, разрухи и страдания.

Я очень часто жалел, что приехал сюда в такое тяжелое для меня и моих соотечественников время. Я чувствовал себя виноватым, как будто я кого-то предал. Поэтому не мог я здесь быть по-настоящему счастливым и беспечным. За все

время пребывания в Ванкувере я не чувствовал себя таким одиноким, как сегодня.

В тот день Вайола везла меня из Бернаби в Ванкувер. Фактически Бернаби – это пригород большого Ванкувера, город-спутник.

Как всегда это бывает в больших городах, дорога была перегружена, мы то и дело оказывались в пробках.

«Too much traffik!»*, – часто вздыхала Вайола, стараясь как можно аккуратней вести машину.

У них с Альфонсо один автомобиль на двоих, почти новое «Вольво». Если Вайола водит очень аккуратно, стараясь строго соблюдать все правила, то Альфонсо большой лихач – любит гонять, как будто он восемнадцатилетний юнец, и этим напоминает мне наших молодых земляков, любителей быстрой езды. По этому делу Вайола ему часто выговаривает, напоминает ему о его годах и здоровье. В ответ тот улыбается и что-то говорит по-испански, единственное, что я понимаю это «керида», т.е «дорогая». Когда-то я учил португальский, неплохо его знал, но, как известно, любой язык забывается, если им не пользоваться.

Вайола благополучно меня довезла на 19-е авеню к нашему дому. Я смотрел ей вслед, когда она уезжала и почему-то вспомнил свою маму. Вайола мне напомнила мою покойную мать, так рано ушедшую от нас. Наверное, как у всех матерей, и у них было что-то общее. А они с моей мамой примерно одного возраста.

* Какое большое движение!

У Альфонсо и Вайолы есть единственный сын, который живет в другом городе. У него семья, работа, живет хорошо. Но приезжает очень редко, также редко и звонит. Родители, конечно же, скучают по сыну и внукам, но ему все некогда, нет времени дать радость старикам, осчастливив их своим посещением. Вот такова она, канадская действительность, в ней всего хватает – и радости, и печали...

24.08.2000 г.

Мои занятия английским продолжаются. Судя по реакции моих канадских друзей, я стал общаться значительно лучше и свободней. Даже строгая и требовательная Вайола иногда меня хвалит. Я, конечно, стараюсь, ведь мне же надо оправдать цель своего пребывания здесь, на далекой канадской земле.

На днях исполнилось два месяца моего пребывания в Ванкувере. Сейчас я чувствую себя намного уверенней, чем в первые дни, когда боялся сказать что-то неправильно. Нет, никто не собирался надо мной смеяться и делать мне замечания по поводу языка. Наоборот, все старались помочь, ободрить, дать совет. Помню, вначале, наблюдая, как я мучаюсь с тем, чтобы правильно сказать фразу, Эд сказал: «Муса, не нужно стесняться, говори, как можешь, ведь это же не твой родной язык». Я почему-то запомнил его слова и стал говорить, как мог. Так появилась уверенность, а уверенность одно из главных условий в изучении языка. Так потихоньку я стал говорить четко и правильно, поч-

ти как тот японец в анекдоте. Приехал в Россию японец, вначале ни бельмеса не знал, но упорно учил русский. Прошел месяц-другой. Все стали замечать, что он вроде бы лопочет что-то более-менее правильно. У него спросили, как это он так быстро усвоил русский, ведь все жалуются, что это очень трудный язык. Японец отвечает: «Ницево, ницево, в дзень два-три слова, в дзень два-три слова, а все у меня здесь – в пузе» и показывает на голову. В отличии от этого бедного японца у меня к изучению языка был более серьезный подход. Конечно, были проблемы с разговорным, но эта преграда день ото дня становилась все проще и проще для преодоления.

Таковы некоторые из записей в моем «канадском дневнике». Я его храню уже много лет, иногда листая его пожелтевшие страницы, чтобы вновь окунуться в ту далекую жизнь, уже окончательно и бесповоротно ставшую историей.

В конце сентября заканчивались мои дни пребывания в Канаде. С языком все было хорошо: я мог свободно общаться, читать и писать довольно-таки грамотно. Вайола, добрая моя учительница, была мной довольна. Она подарила мне очень старую и дорогую книгу на английском – произведения Уильяма Шекспира, а моей жене – украшения из серебра, тоже старинные и дорогие. Просила писать, хотя бы иногда. Я попрощался со всеми друзьями, тепло поблагодарил их за дружбу, за теплоту их сердец.

Перед моим отъездом мы с Эдом и Руфью вечером долго сидели во дворе дома и говорили обо всем понемногу. Я благодарил их за гостеприимство, за все, что они сделали для меня. Они беспокоились обо мне и моей семье, желали мне счастливой жизни, просили не забывать. Так закончилась моя поездка в Канаду.

И в заключение хотел бы рассказать об одном случае, который произошел со мной на Празднике дня народов. Есть в Ванкувере такой праздник, на котором представители разных народов показывают свою культуру. Это, как правило, блюда национальной кухни, песни, танцы, костюмы. В общем, очень интересное зрелище.

И вот на этом празднике ко мне подходят двое молодых людей и здороваются по-русски. Я и до этого знакомился в Ванкувере с россиянами и даже подружился с одним грузином, кстати, очень хорошим человеком. Эти новые знакомые рассказали о себе. Они с великим трудом попали в Канаду, вроде бы устроились здесь неплохо. Поспрашивали обо мне и моих дальнейших планах в Канаде. Когда же я сказал, что на днях уезжаю домой, их удивлению не было предела: «Да Вы что!? Как можно отсюда уехать? Что там делать в России? Тем более у вас дома в Чечне идет война? Оставайтесь, ведь для Вас здесь зеленый свет, у Вас не будет никаких проблем с видом на жительство, вам его дадут сразу, тем более, если вы знаете английский!»

Для этих молодых людей я был странным и чудаковатым чеченцем, которому в жизни вы-

пал очень счастливый лотерейный билет, но он не хочет им воспользоваться. Я не стал им ничего объяснять и доказывать, просто пожелал удачи и отошел в сторону. Ну как можно было что-то объяснить людям, которые отказались ради красивой жизни на Западе от своей Родины, от родных и близких, от тех, кто их растил и воспитал? Нет, они бы в любом случае меня не поняли.

Да, я знал, что у меня не будет проблем с видом на жительство в Канаде, что при желании есть возможность остаться, и мне не откажут. Но я бы не смог променять на жизнь в Канаде, пусть богатую и благополучную, свою до боли родную, измученную и дорогую Чечню. Там было мое детство, юность и зрелые годы и там я был по-настоящему счастлив! И нигде, ни в одной стране мира, я не был бы так свободен, так счастлив, как в моей маленькой и очень красивой республике.

И я вернулся домой – к вам, дорогие мои близкие и друзья, дорогие мои горы, моя Родина отцов – Даймохк. Я твердо убежден в том, что по-настоящему человек может быть счастлив только у себя на Родине, в родном краю, где все тебе близко и знакомо, где все тобой прочувствовано и испытано, где тебя любят и ждут – всегда, во все времена...

2017 год, май-сентябрь

ТАЛИСМАН

(сценарий фильма)

Грозный. 1997 год. Разрушенные дома. Улица. Вечер. Редкие прохожие. Раздаётся пронзительный крик женщины о помощи. Двое верзил напали на женщину средних лет, они пытаются отнять у неё сумку.

Женщина. Помогите! Помогите! Оставьте меня! Уйдите!

Первый бандит. Отдай сумку по-хорошему, дура, и я тебя не трону!

Женщина. Разве ты мужчина!? Нападаешь на женщину. Разве ты чеченец? А-а-а! Помоги-и-и-те! Залина! *(обращается к дочери-подростку, которая бегает вокруг матери и не знает, как ей помочь).* Беги, зови на помощь людей!

Второй бандит *(обращается к девочке).* – Попробуй сделать шаг – я тебя прихлопну, как муху!

Залина. Я тебя не боюсь, подлый трус!

Она пытается оттащить бандита от матери. Первому бандиту с седой чёлкой удаётся

вырвать сумку из рук женщины. В это время прибегает Мансур (главный герой фильма).

Мансур. Эй ты, чудо в перьях! А ну отдай ей сумку! Иначе, пожалеешь!

Первый бандит. Ты что, сопляк? Тебе что, жить надоело? Ты мне угрожаешь? Я ж тебя здесь же закопаю!

Бросается на Мансура с кулаками. Мансур парирует его удары и приёмом каратэ опрокидывает бандита. В это время второй бандит сильно отталкивает Залину и спешит на помощь товарищу. Девочка падает и ударяется о камни. Мать с криком бросается к дочери.

Мансур бьёт несколько раз второго бандита, тот падает на землю.

Женщина. Залина! Залина! Очнись, доченька! Будьте вы прокляты, нелюди! Разве вы мужчины! Оденьте юбки, мерзавцы!

Мансур подбегает к женщине, кладёт возле неё сумку, отнятую у бандита, пытается както помочь. Девочка открывает глаза и слабо улыбается.

Мансур. А ты смелая девочка, не побоялась этих уродов.

Бандиты встают, потирают ушибы.

Первый бандит *(с седой челкой)*. Ладно, дружок, твоя взяла. Но помни, за тобой должок. Кровью заплатишь, падла.

Мансур. Ползите отсюда, пока целы. Вам повезло, что у меня хорошее настроение, а то бы я вам кости переломал.

Второй бандит. Пойдём, Седой, мы с ним ещё встретимся.

Бандиты уходят.

Женщина. Спасибо тебе, парень! Если бы не ты, они могли бы нас убить. В сумке и денег-то больших не было – вся сегодняшняя выручка на базаре.

Мансур. Пойдёмте я вас провожу. Вам в какую сторону?

Женщина. Нам до «Минутки». Спасибо тебе! Мы дойдем как-нибудь.

Мансур. Нет-нет, я вас провожу. Сейчас машину поймаю.

Едут на машине. Выходят из неё через некоторое время. Залина смотрит на Мансура влюблёнными глазами.

Залина. Спасибо Вам! Вы нас спасли. Можно, я Вам подарю этот брелок? Он приносит

удачу, только не потеряйте его. Хорошо? Это талисман.

Мансур. Не потеряю. Спасибо, Залина.

Здание Грозненского нефтяного института. Вывеска «Грозненский нефтяной институт», пострадавшая от обстрелов.

Из двери выходят несколько молодых людей. Они оживлённо беседуют, перебивая друг друга, смеются. С ними Мансур.

Первый юноша. Представьте, что я на защите диплома выдал...

Второй юноша. Да ладно, всё закончилось хорошо. Мы – инженеры.

Третий юноша. Ребята, может, сходим куда-нибудь, посидим? А то разлетимся кто куда. Мансур, ты как?

Мансур. Ребята, извините, мне нужно поехать в село к родителям. Я обещал, что сразу приеду, как получу диплом.

Первый юноша. Ну вот, весь кайф сломал. Как мы без тебя, чемпион?

Мансур. Не обижайтесь, мне, правда, срочно нужно ехать.

Село. Дом Мансура. Подъезжает машина, из которой выходит Мансур с дорожной сумкой. Из ворот выбегают мать и младшая сестра Мансура.

Мать. Мансур, сынок, получил диплом? (*Мансур кивает*). Дай я тебя обниму. Как я рада за тебя.

Сестра. Поздравляю, Мансур. Ты самый лучший брат на земле! Я так горда, что ты у нас есть!

Мать. Сынок, пойдём в дом – отец ждёт.

Мансур заходит в комнату отца. Отец молится. Когда он заканчивает молитву, Мансур здоровается и протягивает новенький диплом.

Мансур. Вот, дада, получил диплом инженера-строителя.

Отец. Хорошо... Помни – это только начало большого пути. Я тебе всегда говорил и говорю: никогда не теряй достоинства, оставайся мужчиной в любой ситуации. Я доволен тобой. Иди, отдыхай.

Мансур выходит. Отец надевает очки, внимательно читает диплом. Снимает очки, в его глазах – радость и умиротворение.

Война. Мансур в блиндаже среди боевиков. Он полевой командир. У него усталый вид. Во главе сидит старший по званию командир с большой бородой, на нем военный френч с одним погоном. На погоне – арабская вязь.

Старший командир. Мансур, в чем дело? Почему операция провалилась?

Мансур. Успех операции зависел от слаженных действий двух групп – моей и Абдаллы-Керима *(он указывает на командира арабских наемников)*. Все шло, как мы планировали на заседании штаба. Мы устроили засаду и по сигналу начали обстрел федеральной колонны. Нас было мало – всего семь человек. Шахид *(обращается к старшему командиру)*, ты знаешь, какие у нас потери в последнее время. И в этой операции я потерял троих лучших парней из своей группы. Мы попали под шквальный огонь русских. И все потому, что арабы *(он гневно смотрит в сторону Абдаллы-Керима)* просто струсили и не вышли на свою позицию!

Абдалла-Керим *(вскакивает, хватается за оружие)*. Я не есть трус! Я есть воин Аллаха!

Его успокаивают, сажают на место.

Шахид. Мансур, ты, кажется, забываешься! Абдалла-Керим и его товарищи наши братья, они приехали воевать за независимость Чечни. Ты должен быть дружелюбным и приветливым к ним.

Мансур. Я хорошо знаю, что я должен. Год войны меня многому научил.

Расположение военного подразделения федеральных сил. Мансур и трое его товарищей стоят перед строем российских солдат. Среди офицеров находится представительный высокий чеченец в папахе. Рядом с ним его помощники,

Человек в папахе *(обращается к Мансуру и его товарищам).* Я рад, что вы нашли в себе силы и мужество прийти сюда и сложить оружие. Правительство Чеченской Республики не раз заявляло о том, что оно дает гарантию неприкосновенности боевикам, которые добровольно сложат оружие. За исключением тех, кто совершил особо тяжкие преступления против российской власти и народа.

Я предлагаю тебе, Мансур, и твоим товарищам вступить в ряды чеченской милиции, тем самым вы искупите свою вину перед властью и народом. Сегодня нам нужен мир, чтобы сохранить нацию, чтобы у наших детей было счастливое будущее.

Военные действия в Чечне закончились, но на дорогах блок-посты, везде военные.

Мансур сотрудник уголовного розыска МВД по Чеченской Республике. Кабинет начальника уголовного розыска. Мансур – среди коллег. Все в полевой форме, обвешаны оружием.

Начальник. Я ознакомил вас с последней сводкой. Ситуация очень сложная. Мы с вами фактически находимся в условиях открытых боестолкновений с бандитами всех мастей. Они действуют нагло, практически средь бела дня. Наша задача выявлять их, задерживать, а в случае вооруженного сопротивления – уничтожать.

Я рад, что наши ряды пополняются день ото дня. Есть очень способные и перспективные сотрудники в наших отделах. Вот, например, Мансур Идигов. Пришел к нам год назад, но сегодня он один из лучших оперов уголовного розыска чеченской милиции. За его плечами несколько задержаний опасных преступников. Садись, Мансур. Вот с таких ребят надо брать пример и новичкам, да и некоторым другим.

Товарищи офицеры! Задания вы получили, приступайте к работе. О каждой операции докладывать лично мне. Свободны. Мансур, тебя прошу задержаться.

Кроме Мансура, все выходят из кабинета начальника.

Начальник. Мансур, я хочу поручить тебе дело об убийстве Саидова. Да, того – из Правительства Республики. Изучи все детали, походи, поспрашивай людей. Проверь, были ли у него враги. Может, кто-то ему угрожал. В общем, постарайся раскрыть это дело. Кстати, переоденься в гражданскую одежду, тебе придется рабо-

тать среди населения, а в форме это нелегко. Да, даю тебе в помощники Расула Магомаева.

Мансур. Малыша?

Начальник. Да. Ну что, возьмешь?

Мансур. Да, возьму, конечно. Он вроде бы неплохой парень.

Начальник. Ну, там по ходу дела разберешься. Он молодой, но старательный, иногда даже чересчур.

Кабинет, в котором работают Мансур и Малыш.

Мансур. В день убийства Саидов вез большую сумму денег для своего министерства: зарплата сотрудников, оплата за строительные работы в министерстве, ну и прочее. Я разговаривал с министром. Он сказал, что несколько человек в министерстве знали о его поездке – в основном те, кто готовил документы на получение денег. Министр никого не подозревает, но людей, причастных к оформлению бумаг, надо допросить. Малыш, съезди на улицу Субботников в министерство и допроси этих людей. Здесь их фамилии *(протягивает листок бумаги)*.

Малыш. Слушаюсь, шеф. Все будет сделано на высшем уровне.

Мансур. Брось эти штучки – не люблю. Смотри, не учуди там чего-нибудь. Кстати, что у тебя в подмышках? Кобура? Ты смотри, прямо настоящий сыщик.

Городская улица. Мансур разговаривает с молодым человеком. Тот мотает головой из стороны в сторону, показывает рукой на кафе. Кафе. Мансур разговаривает с работницей кафе.

Работница кафе. Да, это случилось здесь на дороге. После обеда, ближе к вечеру. У нас в кафе клиентов в это время не было. Я возилась на кухне. Вдруг услышала выстрелы. Испугалась очень сильно. Спряталась. Но стало любопытно, и я выглянула в окно. У обочины лежал убитый мужчина, хорошо одетый. Наверно, он выскочил из машины, когда в него стреляли, а там на обочине его добили уже. Я видела, как нападавшие садились в свою машину. У одного в руках была большая черная сумка. А другой со злым лицом и с седой челкой оглянулся кругом и сел впереди, рядом с водителем

Мансур. Спасибо, Вы нам очень помогли.

Кабинет начальника уголовного розыска.

Мансур. Это пока все, что удалось выяснить по делу Саидова. Я уверен, что надо задержать одного из подозреваемых – сотрудника мини-

стерства Касумова. Он знал о маршруте и времени выезда Саидова из полевого банка, где он получил деньги.

Начальник. Ну что же, Мансур, ты провел хорошую работу. Я в тебе нисколько не сомневался. Касумова задержи, допроси. Есть у меня подозрение, что убийство это – дело рук некоего Седого. Он несколько раз попадал в наше поле зрения. В основном по разбойным нападениям, но задержать его не удавалось, каждый раз он ускользал из наших рук, словно кто-то его предупреждал об опасности. Надо найти этого мерзавца. Ну, успехов тебе, Мансур.

Кабинет Мансура и Малыша. Малыш один. Он учится быстро доставать пистолет из кобуры. Это у него получается не очень удачно. В очередной раз он роняет пистолет на стол и разбивает графин с водой. Малыш пытается убрать разлившуюся воду и осколки стекла. Входит Мансур.

Мансур. Что ты делаешь, Малыш? Что ты опять учудил?

Малыш. Шеф, извини, я тут графин разбил... нечаянно.

Мансур. За «нечаянно», знаешь, что делают? Собирайся, Пинкертон, будем сегодня брать Седого.

Малыш. Нашел его?!

Мансур. Нашел его нору. Касумов, его подельник, раскололся. Так что, Малыш, учись, пока я живой.

Малыш: Шеф, ну ты даешь! Круто!

Окраина Грозного. Ночь. Темно. Частный дом. Опергруппа, возглавляемая Мансуром, окружает дом. Опера взламывают дверь, Мансур первым врывается в комнату. Стрельба в темноте, борьба, ругань. Мансур выводит Седого, заломив ему руки за спину. Это тот самый бандит, который несколько лет назад пытался ограбить женщину. Мансур его узнаёт:

Мансур. А, старый знакомый, вот и встретились! Только теперь я тебя не отпущу.

Кабинет начальника уголовного розыска.

Начальник. За успешно проведённую операцию по задержанию банды, которой руководил особо опасный преступник Рашидов по кличке «Седой», объявляю благодарность оперуполномоченному, старшему лейтенанту милиции Идигову Мансуру. И с удовольствием объявляю о присвоении ему очередного звания – капитана милиции.

Все аплодируют. Начальник пожимает Мансуру руку и вручает ему новые погоны. Все

улыбаются, Малыш показывает Мансуру поднятый вверх большой палец.

Мансур в форме капитана милиции. Он приходит в больницу, чтобы проведать коллегу, раненого во время последней операции. В коридоре он встречает молодую красивую девушку. На ней белый медицинский халат. Она останавливается, смотрит на Мансура и улыбается. Тот в недоумении, с какой стати она улыбается.

Девушка. Вы меня не помните?

Мансур. К сожалению, нет.

Девушка. А помните, Вы спасли нас с мамой от бандитов?

Мансур. Это ты? Та самая девочка... Залина?

Залина. Да, это я, только весьма повзрослевшая.

Мансур. Я бы не сказал, что это твой недостаток.

Залина. А Вы сохранили талисман, который я Вам дала?

Мансур молча достаёт из кармана брелок, который несколько лет назад ему подарила Залина.

СОДЕРЖАНИЕ

Цуруев Ш. Дорогу осилит идущий 3

В пороховом дыму *(повесть о Дади-Юрте)* 9

Байсангур Беноевский 72

Шейх Мансур 83

Сердце матери 96

Косарь 116

Случай в самолете (быль) 119

Одна ошибка 122

Птенец 131

Белые облака плывут в синем небе 136

Ядро 146

Воспоминания об Африке 155

Поездка в Канаду 193

Талисман (сценарий фильма) 238

Арсанукаев Муса Килабович

Литературно-художественное издание

ГОРСТЬ РОДНОЙ ЗЕМЛИ

Редактор – *Шарип Цуруев*
Дизайн и верстка – *Амина Хасиева*

Подписано в печать 19.09.2022.

Формат 84х108 1/32. Бумага офсет 1. Печать ризографная. Гарнитура Таймс.
Усл.п.л. 15,6. Заказ № 075-22. Тир. 500 экз. Отпеч. в тип. ИП Тагиева Р.Х.
г.Махачкала, ул. Батырая, 149. Тел.: 8 928 048 10 45
“ФОРМАТ”